

ЧЕРНАЯ FANTASY

Ижо Аберкромби

Прежде,
чем их
повесят

←
Первый закон.
Книга II

Annotation

Черные времена наступили в Срединных землях. Армия Союза терпит поражение за поражением от воинства самозваного короля Бетода. Заговоры и измена вносят смуту в умы людей. Странные убийства и похищения представителей власти ввергают в ужас аристократические верхи. Чтобы спасти Союз, верховный маг Байяз решается на опасное предприятие: он отправляется на край мира, ибо там хранится страшное магическое оружие, способное остановить зло. И конечно же, в этом ему помогает легендарный воин Логен Девятипалый по прозвищу Девять Смертей...

Джо Аберкромби
Прежде, чем их повесят

Четырем читателям – вы знаете, кто вы

*Мы должны прощать наших врагов,
но не прежде, чем их повесят.*

Генрих Гейне

Великий уравнитель

Чертов туман. Застилает глаза, так что на несколько шагов вперед ничего не видно. Забивает уши, так что ничего не слышно, – а если и слышно, то непонятно, с какой стороны идет звук. Лезет в нос, так что ничего, кроме запахов влаги и сырости, не учуять. Чертов туман! Сущее наказание для разведчика.

Несколько дней назад они перебрались через Белую реку, с Севера в Инглию. Во время перехода Ищейка сильно нервничал: как-никак они на чужой территории, да еще в разгар войны – чужой войны. Весь отряд был на взводе. За пределы Севера никто, кроме Тридуба, никогда не выезжал. Разве что Молчун, но он о своих странствиях не рассказывал.

Они миновали несколько сожженных ферм, мертвую деревню, большие квадратные постройки Союза. Всюду виднелись следы: конные, людские, – только самих людей не было. Ищейка знал, что Бетод поблизости, что его армия бродит вокруг в поисках жертв, трофеев, пропитания... И везде наверняка его лазутчики. Если Ищейка или кто другой из отряда попадет Бетоду в руки, то смерть пленника будет долгой, мучительной. Окровавленные кресты, насаженные на пики головы и прочие ужасы. Тьфу! Даже думать не хочется. Если их поймут союзные войска, то скорее всего тоже прикончат без размышлений. Не станут разбираться, кто они, пришельцы с Севера, друзья или враги. На войне как на войне, опасности на каждом шагу. От такой жизни любой нервным сделается, а Ищейка и в лучшие времена невозмутимостью не отличался.

Да еще треклятый туман вдобавок! Как соль на рану, если можно так сказать.

От долгого ползанья в сумраке у Ищейки пересохло в горле. Прислушиваясь к журчанию воды, он продрался через грязный кустарник к реке, опустился на колени в присыпанную прелыми листьями грязь – все равно уже увозился по уши, – зачерпнул влагу ладонями и начал жадно пить. Над рекой дул легкий ветерок, туман то напозал, то рассеивался. Тут-то Ищейка его и заметил...

Человек лежал прямо перед ним: ноги в воде, верхняя часть тела на берегу. Какое-то время оба остолбенело смотрели друг на друга. Из бока незнакомца торчала длинная палка. Сломанное копьё.

Да это же труп!

Ищейка выплюнул воду и пополз обратно, внимательно оглядываясь по сторонам: нет ли засады, не прилетит ли нож в спину? Убитому было лет двадцать пять. Светлые волосы, на серых губах запекшаяся кровь. Утепленная куртка раздулась от воды. Такие носят под кольчугу – значит, солдат. Возможно, отстал от отряда. И попал под вражеское копьё. Союзник как пить дать, хотя по виду мертвеца непонятно, из какой он армии. Все покойники похожи.

– Великий уравнитель... – задумчиво пробормотал себе под нос Ищейка.

Так горцы называли смерть. Великий уравнитель не делает разницы между названными и ничтожествами, южанами и северянами – все в конце концов попадают к нему в лапы, и со всеми он обходится одинаково.

Парня прикончили пару дней назад, не раньше. Выходит, убийца где-то рядом. Ищейка напрягся. Теперь казалось, что туман полон шорохов и звуков: то ли сотня карлов таится под покровом серой завесы, то ли река плещется о берег. Подходить к трупу он не стал – сразу нырнул в чашу и, перебегая от ствола к стволу, двинулся обратно. И чуть не споткнулся

о присыпанное листвою тело. Мертвец лежал на спине, раскинув руки в стороны. Третий покойник стоял на коленях: лицом в грязь, задом кверху, – в боку у него торчали две стрелы. Да уж, чего в смерти нет, так это достоинства. Ищейка прибавил ходу. Скорей бы добраться до ребят и рассказать об увиденном. Скорей бы уйти от трупов подальше.

Он повидал много покойников на своем веку, даже слишком много, однако их соседство было ему неприятно. Превратить человека в кусок мяса просто – он сам знал тысячу способов, – а обратно уже нельзя. Мертвого не воскресить. Вот только что стоит перед тобой человек, исполненный надежд, желаний, мыслей... Друзья у него есть, семья, родина... Миг – и он снова грязь. Ищейка вспомнил все свои драки, стычки, бои. Даже не верится, что он еще дышит. Повезло! Спасибо дуре-удаче. Правда, вряд ли везение продлится вечно.

Наплевав на осторожность, Ищейка почти бежал. Пробирался, спотыкаясь, сквозь туман, будто неопытный юнец, – не выжидая, не прислушиваясь, не принохиваясь. Названному вроде него, разведчику, исходившему Север вдоль и поперек, следовало быть осмотрительнее, да только тяжело держать все время ухо остро...

Он даже не понял, откуда пришла беда. Мощный удар в бок швырнул Ищейку на землю. Он вскочил, но его снова сбили с ног. Он боролся, однако неведомый враг был пугающе силен. Не успел Ищейка опомниться, как его уложили на обе лопатки в грязь, и винить за это следовало только себя. Себя, трупы и туман. Крепкие пальцы обхватили шею и начали сжиматься.

– Кхх... – извиваясь, прохрипел Ищейка.

Похоже, конец. Все надежды обратились в грязь. Пришел и за ним великий уравнитель...

Пальцы неожиданно ослабили хватку.

– Ищейка, – раздался над ухом голос, – ты, что ли?

– Кхх...

Противник выпустил горло. Ищейка жадно глотнул воздух. Сильная рука потянула его за куртку вверх.

– Твою мать, Ищейка! Я ведь мог тебя убить!

Теперь он узнал голос. Черный Доу. Черт бы его побрал! Ищейка и злился от того, что чуть не умер, и глупо радовался, что еще жив. Доу захохотал – резко, хрипло, точно каркающий ворон.

– Ну как, очухался?

– Обычно со мной здороваются более любезно, – просипел Ищейка, с трудом втягивая воздух.

– Да ты, считай, везунчик. Я мог поздороваться и менее любезно. Я ведь принял тебя за Бетодова лазутчика. Думал, ты ушел в другом направлении, вверх по долине.

– Как видишь, нет, – хриплым шепотом отозвался он. – А где остальные?

– На холме, разведывают окрестности. Туда треклятый туман не поднялся.

Ищейка кивком указал в сторону, откуда пришел.

– Там трупы. Целая гора.

– Прямо гора? – уточнил Доу, будто сомневаясь, что Ищейка представляет, как выглядит гора трупов. – Ха!

– Гора, не гора – порядочно. По-моему, союзники. Видимо, была стычка.

Черный Доу снова захохотал.

– Стычка? По-твоему?

Что он хотел этим сказать, Ищейка не понял.

– Вот дерьмо, – пробормотал он.

Они стояли на холме, все пятеро. Туман рассеялся. О чем Ищейка почти жалел. Вот, значит, почему усмеялся Доу... Мертвые тела усеивали всю долину: лежали на высоких склонах, торчали из-за камней, темнели среди кустов.словно высыпанные из мешка гвозди, изувеченные мертвецы в неестественных позах валялись в зеленой низине, на бурой грунтовой дороге; целая гора трупов высилась на берегу реки. Из-под ключьев уползающего тумана постепенно появлялись руки, ноги, сломанное оружие, искореженные доспехи. Куда ни глянь – всюду убитые: жертвы стрел, мечей, секир. От тела к телу, хрипло перекрикиваясь, прыгали вороны. У них нынче настоящее пиршество. Давно Ищейка не видел таких масштабных сражений... Вид поля боя пробудил в нем горькие воспоминания. Кошмарные воспоминания.

– Вот дерьмо, – повторил он.

Других слов на ум не приходило.

– Думаю, союзники шли вверх по этой дороге, – хмуря брови, проговорил Тридуба. – Наверное, торопились. Надеялись застать Бетода врасплох.

– Разведка у них, похоже, никудышная, – пророкотал Тул Дуру. – Похоже, это Бетод застал их врасплох.

– А может, стоял туман, – предположил Ищейка. – Как сегодня.

Тридуба пожал плечами.

– Возможно. В это время года туман – обычное дело. Как бы то ни было, усталые после долгого дневного перехода солдаты колонной шагали по дороге. Бетод обрушился на них с этого холма и с того гребня. Сначала пустил лучников, чтобы разогнать строй, затем со склонов с ревом посыпались карлы. Думаю, союзники быстро сломались.

– Еще как! – хмыкнул Доу.

– И тогда началась резня. Их рассеяли по дороге и приперли к реке. Бежать особо некуда. Некоторые скидывали доспехи, некоторые пытались переплыть реку в полном снаряжении, сбивались в группки, лезли по головам друг друга, а вокруг сыпались стрелы. Возможно, кому-то удалось добраться до того леса, но вряд ли они спаслись. Бетод всегда держал наготове конницу – смести крошки после пиршества.

– Вот дерьмо, – процедил Ищейка.

Его тошнило. Он как-то побывал в шкуре проигравших, и воспоминания остались не самые приятные.

– Ювелирная работа, – сказал Тридуба. – Надо отдать Бетоду должное, свое дело он знает, как никто другой.

– Что, вождь, значит, конец? – спросил Ищейка. – Победа за Бетодом?

Тот медленно покачал головой.

– Южан хватает и за пределами этих краев. Большинство живет за морем. Говорят, их так много, что не сосчитать. Больше, чем на Севере деревьев. И со временем они сюда подтянутся. Это только начало.

Ищейка обвел взглядом сырую долину, скрюченных и распластанных на земле мертвецов, груды бездыханных тел. Корм для стервятников.

– Для них уже конец.

Доу свернул язык трубочкой и нарочито шумно плюнул.

– Сигнали и перерезали... как стадо баранов. Тридуба, хочешь умереть так же, а? Хочешь к ним примкнуть? Гори он огнем, этот Союз! Южане ни черта не знают о войне и воевать не умеют!

Тридуба кивнул.

– Придется их научить.

* * *

У ворот давилась огромная толпа: худющие, голодного вида женщины, оборванные, чумазые ребятишки и мужчины разных возрастов – одни горбились под тяжелой поклажей на спине, другие цепко сжимали в руках пожитки. У некоторых были мулы, некоторые толкали телеги с каким-то бесполезным барахлом. Деревянные стулья, оловянная посуда, сельскохозяйственные инструменты... У многих вообще ничего не было – кроме горя и страданий. Вот уж чего, подумалось Ищейке, хватало на всех.

Беженцы со своим хламом перекрыли дорогу намертво, воздух содрогался от жалоб и проклятий. Ищейка чуял густой, точно суп, запах страха. Все искали спасения от Бетода.

Люди толкались, лезли без очереди, выпихивали соседей; то тут, то там кто-то падал в грязь. К воротам рвались отчаянно, словно к материнской груди. Тем не менее сама толпа ни на шаг не сдвинулась. Впереди, над головами стоящих, поблескивали наконечники копий, то и дело раздавались грубые окрики – беженцев не пускали в город солдаты.

Склонившись к Тридуба, Ищейка прошептал:

– Похоже, они и своих-то не горят желанием принимать. Думаешь, нас, чужаков, пустят?

– Мы им нужны, это факт. Вот поговорим, и все станет ясно. Или у тебя есть соображения поудачней?

– Ага... Вернуться домой и вообще в это дело не соваться, – пробурчал он себе под нос, но тем не менее послушно двинулся за Тридуба в толпу.

Южане таращились на них во все глаза. Ищейка, заметив изумленно глядящую на него девочку с потрепанной котомкой в руках, попытался улыбнуться. Однако он так давно ни с кем не общался, кроме суровых воинов и мечей, что улыбка вышла не самая дружелюбная, и девочка с визгом бросилась прочь. Их вид напугал не только ее – вся толпа молчаливо и настороженно расступалась перед северянами, хотя оружия Тридуба и Ищейка с собой не взяли.

До ворот они добрались спокойно, лишь несколько раз пришлось толкнуть особо нерасторопных. Вход в город перекрывала шеренга солдат, похожих друг на друга, как братья-близнецы: двенадцать человек, с головы до пят закованных в начищенную до блеска броню, у всех лица скрыты под шлемами, все неподвижны, как металлические колонны. Столь тяжелых доспехов Ищейка еще не видывал. Интересно, как драться с такими в случае чего? Стрелой не пробить. Да и от меча не много пользы, если только не повезет попасть в место соединения пластин.

– Разве что клевцом или чем-то в этом роде...

– Что? – прошипел Тридуба.

– Ничего.

Странные все-таки у Союза представления о войне! Если бы сражения выигрывали

блеском лат, то от Бетода уже остались бы рожки да ножки. Жаль, что в жизни все не так просто...

Между стражниками за маленьким столиком с бумагами сидел командир. В своей ярко-красной куртке он выглядел еще удивительнее подчиненных. Глупо командиру в такое рядиться, мысленно усмехнулся Ищейка. Его же издали стрелой снять – раз плюнуть. Да и молод для подобной работы: борода только пробиваться начала. Тем не менее вид у парня был самодовольный.

С ним пререкался здоровяк в грязной куртке. Ищейка напряг слух, пытаясь разобрать местный говор.

– У меня пятеро детей, – говорил фермер, – мне нечем их кормить. И что прикажете делать?

Тут вперед выступил старик.

– Я близкий друг лорд-губернатора и требую, чтобы меня впустили...

Командир не дал договорить ни тому, ни другому.

– Мне начхать, кто у вас в друзьях и сколько у вас детей. Хоть сотня! Остенгорм забит под завязку. Согласно указу лорд-маршала Берра, город принимает двести беженцев в день. На сегодня норма выполнена. Приходите завтра утром. Только пораньше.

Двое мужчин, не мигая, таращились на командира.

– Норма? – пророкотал фермер.

– А лорд-губернатор...

– Черт бы вас подрал! – завопил парень, разъяренно грохая по столу кулаком. – Поговорите мне тут! Уж я вас впущу так впущу! Дождетесь, что вас вгашат в город за шиворот и повесят как предателей!

После грозной отповеди просители быстро ретировались. Ищейка подумывал последовать их примеру, но Тридуба уже подходил к столу. Командир смерил обоих столь мрачным взглядом, будто они воняли хуже кучи свежего дерьма. Конечно, порой от них и правда разило за милю, однако к сегодняшнему визиту Ищейка специально, впервые за несколько месяцев, тщательно вымылся.

– А вам чего? Нам не нужны ни шпионы, ни попрошайки!

– Очень хорошо, – спокойно отозвался терпеливый Тридуба. – Мы как раз ни те, ни другие. Меня зовут Рудда Тридуба. А его – Ищейка. Хотим поговорить с тем, кто у вас тут за главного. Хотим предложить свои услуги вашему королю.

– Предложить услуги? – Парень заулыбался, однако без тени дружелюбия. – Ищейка, говоришь? Занятое имечко. Интересно, чем же он его заслужил? – Командир хохотнул, за ним негромко захихикали остальные.

Горстка разряженных кретинов! Вот уж нашли друг друга, подумал Ищейка. К сожалению, назвав их горсткой кретинов в лицо, он делу не помог бы. Хорошо, что Доу не взяли. Как пить дать он бы выпустил кишки этому надутому индюку!

Подавшись вперед, командир медленно и четко, словно для детишек, произнес:

– Северян пускают в город только по особому разрешению, в исключительных обстоятельствах.

В исключительных обстоятельствах! А тот факт, что Бетод разгуливает по стране, громит войска и разоряет земли – это, значит, в порядке вещей! Тридуба «стучался в дверь», но там, по мнению Ищейки, была стена.

– Нам много не нужно. Только стол и кров. Нас пятеро. Все названные, опытные воины.

– У его величества бойцов в избытке. А вот мулов не хватает. Сможете таскать провизию?

Даже у знаменитого терпения Тридуба имелись границы, а глупый сопляк норовил заступить за черту, явно не понимая, с кем связывается. С человеком вроде Рудды Тридуба шутки плохи. На родине его имя знали все. Врагов оно повергало в трепет, соратникам придавало храбрости. Да, у его терпения имелись границы, но их еще не перешли. К счастью для окружающих.

– Мулы, говоришь? – грозно переспросил Тридуба. – Мулы, к твоему сведению, лягаются. Смотри, парень, чтобы один из них не отшиб тебе голову. – И, развернувшись, зашагал прочь.

Толпа испуганно расступилась, пропустила северян, затем вновь сомкнулась; все жалобно голосили, каждый объяснял стражникам, почему нужно впустить именно его, а других можно оставить на холоде.

– Не на такой прием мы рассчитывали, – пробормотал Ищейка.

Тридуба молча шагал впереди, опустив голову.

– Что теперь будем делать, вождь?

Тот хмуро оглянулся через плечо.

– Ты меня знаешь. Думаешь, я это проглочу?

Ищейка и сам понимал: не проглотит.

В приемном зале лорд-губернатора Инглии царил холод. Холодом веяло от высоких оштукатуренных стен, от каменных плит пола, от остывшей золы в черном зеве камина. Одну стену украшал огромный гобелен: вышитое золотом солнце Союза с перекрещенными на нем молотами Инглии.

Лорд-губернатор Мид, весь какой-то обмякший, поникший, сидел в жестком кресле за большим пустым столом, обхватив вялыми пальцами ножку бокала с вином, и неподвижно глядел перед собой. Бледное, ничего не выражающее лицо, мятая заляпанная мантия, всклокоченные седые волосы. Майор Вест, уроженец Инглии, слышал много хвалебных слов в адрес Мида: сильная харизматичная личность, отличный правитель, неутомимый защитник провинции и ее населения... Однако сейчас перед ними сидела лишь оболочка человека, придавленная тяжестью парадной цепи, холодная и пустая, как зияющее чернотой нутро камина.

Царящий в зале холод усугубляла ледяная атмосфера. Лорд-маршал Берр стоял в самом центре: ноги расставлены, большие руки напряженно сцеплены за спиной. Рядом, мысленно кляня себя за то, что снял плащ, замер с опущенной головой майор Вест. В помещении оказалось холоднее, чем на улице, хотя осень выдалась на редкость промозглая.

– Вина, лорд-маршал? – не поднимая взгляда, пробормотал Мид.

В огромном зале его голос звучал слабо, тонко и гнусаво. Весту на миг почудилось, что от губ старика идет пар.

– Нет, ваша светлость.

Берр хмурился. Последний месяц, а то и два, он хмурился постоянно, будто иных выражений его лицо принимать не умело: хмурился с надеждой, хмурился радостно, хмурился удивленно. Сейчас его нахмуренность отражала страшный гнев. Вест нервно переступил с одной онемевшей ноги на другую, пытаясь разогнать кровь. Перенестись бы отсюда куда подальше...

– А вы, майор Вест? – прошептал лорд-губернатор. – Будете вино?

Вежливо отказаться Вест не успел – помещение огласил грозный голос лорд-маршала.

– Что произошло?

Резкие слова, скрежетнув о холодные стены, отозвались эхом в ледяных потолочных балках.

– Что произошло? – Лорд-губернатор, встрепенувшись, медленно поднял запавшие глаза на Берра с таким видом, словно видел его впервые в жизни. – Мои сыновья погибли.

Дрожащей рукой он поднял бокал и осушил его одним глотком.

Маршал Берр еще крепче стиснул сцепленные за спиной руки.

– Сочувствую вашей утрате, ваша светлость, но я подразумевал ситуацию в целом. Речь о деревне Черный Колодец.

Услышав название деревни, Мид вздрогнул.

– Там была битва.

– Там была резня! – взревел Берр. – Как такое произошло? Разве вы не получили приказ короля? Вам предписывалось собрать солдат, сколько найдется, расставить их на позиции и ждать подкрепления. А главное – ни в коем случае не вступать в бой с Бетодом!

– Приказ короля? – Губы лорд-губернатора изогнулись в презрительной усмешке. – Вы

хотите сказать, приказ закрытого совета? Я получил его. Прочел. Обдумал.

– И-и?..

– И порвал.

Лорд-маршал тяжело засопел.

– Вы его... порвали?

– Моя семья правит Инглией сотню лет. Мы пришли на пустые целинные земли. – Мид гордо вздернул подбородок и расправил плечи. – Мы укротили природу. Вырубили лес, проложили дороги, построили фермы, рудники, города... Мы обогатили Союз!

Глаза старика сверкали. Теперь он казался выше, сильнее, решительнее.

– В этих краях народ ищет защиту в первую очередь у меня и лишь потом – за морем! По-вашему, мне следовало пустить северян – этих варваров, грязных животных, – в Инглию? Чтобы они безнаказанно рыскали по моей земле, уничтожая плоды трудов моих предков? Чтобы грабили, жгли, насиловали и убивали в свое удовольствие? А я, выходит, должен отсиживаться за стенами крепости, пока они предают Инглию огню и мечу? Нет, маршал Берр! Это не по мне! Я собрал людей, вооружил их и отправил на бой с дикарями. Войско возглавили три моих сына. Что еще я мог сделать?

– Исполнить приказ, мать вашу! – чуть не срываясь на визг, проорал Берр.

Вест даже вздрогнул, в ушах звенело эхо страшного крика.

По лицу Мида пробежала судорога, рот приоткрылся, нижняя губа затряслась, глаза наполнились слезами, тело вновь бессильно обмякло.

– Мои сыновья погибли, – прошептал он, вперив невидящий взгляд в холодный пол. – Мои сыновья погибли.

– Мне жаль ваших сыновей. Мне жаль солдат. Люди погибли напрасно. Но вас мне не жаль. Вы сами навлекли на себя беду. – Лорд-маршал, поморщившись, сглотнул слюну, потер живот, медленно подошел к окнам и уставился на холодный серый город. – Вы бездумно угробили английскую армию, и теперь я обязан выделить часть своих войск на охрану ваших городов и крепостей. Выжившие у Черного Колодца и все, кто в состоянии держать в руках оружие, переходят под мое командование. На счету каждый человек.

– А что станет со мной? – глухо спросил лорд-губернатор. – Псы из закрытого совета, наверное, подняли вой до небес, требуя моей крови.

– Пусть воют. Вы мне нужны. На юг хлынули беженцы. Одни спасаются от Бетода, других гонит страх. Вы давно выглядывали в окно? В Остенгорме уже не протолкнуться, еще тысячи стоят под стенами города. Это только начало! Вы будете следить за тем, чтобы они ни в чем не нуждались, и постепенно эвакуировать их в Срединные земли. Люди обращались к вам за защитой на протяжении тридцати лет. Вы по-прежнему им нужны. – Берр повернулся к Миду. – Передайте майору Весту список боеспособных подразделений. Что касается беженцев – им нужна еда, одежда и крыша над головой. И сразу начинайте подготовку к их эвакуации.

– Сразу... – прошептал Мид. – Конечно. Сразу же.

Берр коротко глянул из-под густых бровей на Веста, глубоко вздохнул и зашагал к дверям. Вест, перед тем как выйти, напоследок оглянулся: лорд-губернатор Инглии, обхватив голову руками, по-прежнему горбился в кресле посреди пустынного ледяного зала.

– Это Инглия. – Майор Вест указал на большую карту и обернулся к офицерам.

Интереса к предстоящей речи почти никто не проявлял, что было неудивительно, но все-таки раздражало.

По правую сторону длинного стола неподвижно сидел генерал Крой – прямой, высокий, худощавый, подтянутый. Седые волосы на угловатом черепе сострижены почти под корень, на простой черной форме ни пятнышка, ни морщинки. Офицеры его обширного штаба выглядели так же безупречно: выбритые, опрятные и суровые, точно собрание плакальчиков. Слева развалился генерал Поулдер – круглолицый, краснощекий обладатель роскошных усов. Огромный, богато расшитый золотом воротник буквально подпирал генеральские крупные розовые уши. Люди из эскорта Поулдера сидели на стульях верхом, словно всадники, небрежно расстегнув верхние пуговицы разукрашенных галунами малиновых мундиров; яркую нарядную форму усеивали брызги дорожной грязи, которыми офицеры, похоже, гордились, будто медалями.

Если для Кроя война заключалась в аккуратности, самопожертвовании и строгом подчинении правилам, то для Поулдера – во внешней пышности и заботе о волосах. Обе стороны взирали друг на друга с высокомерным презрением, всем своим видом показывая, кто здесь знаток хитростей воинского дела, а кто, как бы ни пыжился, только путается под ногами.

По мнению майора Веста, под ногами путались и те, и другие. Однако настоящую головную боль доставляли не Крой с Поулдером, а компания в дальнем конце стола. Возглавлял ее сам наследный принц Ладислав, облаченный в подобие пурпурного халата с эполетами. Этакий пеньюар в военном стиле. Кружева манжет хватило бы на добрую скатерть. Вокруг в небрежных позах сидела свита, разве что слегка уступающая принцу великолепием, – самые богатые, красивые, элегантные, самые никчемные юнцы со всего Союза. Если бы мерилom человека служила шляпа, их можно было бы смело назвать великими.

Вест снова посмотрел на карту, в горле пересохло.

Он знал, что сказать. Требовалось лишь доступно объяснить это собравшимся и сесть на место. Пусть тут наследник трона, пусть первые армейские чины – люди, которые его презирают. Ненавидят. За высокое положение и низкое происхождение. За то, что всего добился сам.

– Это Инглия, – повторил Вест спокойным и уверенным, как он надеялся, голосом. – Река Камнур... – кончик указки скользнул вдоль синей извивистой линии, – ... разделяет провинцию на две части. Южная намного меньше северной, однако гуще заселена, потому что здесь сосредоточены почти все крупные города, включая столицу, Остенгорм. Дороги тут неплохие, местность довольно открытая. Северяне, насколько известно, через реку пока не переправлялись.

С дальнего конца стола донесся громкий зевок. Вест в ярости резко обернулся. Принц Ладислав, похоже, внимательно слушал, а неподобающую выходку себе позволил состоящий в его свите лорд Смунд – юноша лет двадцати с безупречной родословной, огромным состоянием и выходками десятилетнего мальчишки. Ссутулившись в кресле, Смунд бессмысленно таращился в одну точку с широко распахнутым ртом.

Прыгнуть через стол и отхлестать наглеца указкой Вест не мог, а потому, едва сдерживая бешенство, лишь процедил сквозь зубы:

– Я вас утомил?

Молодой человек опешил от того, что ему посмели сделать замечание, и растерянно заозирался по сторонам: может, вопрос обращен к кому-то другому?

– Что? Меня? Нет-нет, майор Вест. Ничуть не утомили! Река Камнур разделяет провинцию на две части и так далее. Очень интересно! Да-да. Захватывающе! Прошу прощения. Лег вчера поздно, сами понимаете.

Ну разумеется, поздно – после ночной пирушки с прихвостнями принца! И потому утром можно впустую тратить время остальных. Возможно, офицеры Кроя излишне педантичны, а офицеры Поулдера излишне заносчивы, но они, по крайней мере, солдаты. Дружки принца не умели ничего – разве что действовать на нервы. Тут им не было равных. Едва не скрипя зубами от злости и отчаяния, Вест снова развернулся к карте.

– Другое дело – северная часть провинции! – прогремел он на весь зал. – Тут и густые леса, и непроходимые болота, и изрезанные холмы. Не лучший ландшафт для ведения боевых действий. Населения мало. Есть рудники, лесопилки, деревни, несколько штрафных колоний Инквизиции, но все они расположены далеко друг от друга. Дороги только две, и те не годятся для перемещения большого количества людей или провизии. А ведь близится зима. – Кончик указки прополз вдоль двух пунктирных линий, бегущих через леса с севера на юг. – Западная дорога идет вдоль гор, соединяя поселения горняков, восточная тянется в основном вдоль побережья, а сходятся они у северной границы Инглии, у крепости Дунбрек. Крепость, как мы знаем, уже в руках неприятеля.

Весту стоило немало труда сохранять ровное дыхание. Он сел на место, стараясь подавить гнев и пульсирующую в висках боль.

– Благодарю вас, майор Вест, – сказал, поднимаясь, Берр.

Настала его очередь выступить перед собранием. Все сразу очнулись от дремы – заворочались, зашуршали. Лорд-маршал, собираясь с мыслями, прошелся у карты взад-вперед, а затем постучал указкой по точке к северу от Камнура.

– Это деревня Черный Колодец. Заурядное селение милях в десяти от прибрежной дороги. Горстка домов, где теперь никто не живет. Она даже на карте не отмечена. Словом, ничем не примечательное место... Но именно там северяне недавно расправились с нашими войсками.

– Черт бы побрал этих инглийцев... Придурки... – пробормотал кто-то за столом.

– Им следовало дожидаться нас! – с самодовольной ухмылкой заметил Поулдер.

– Следовало, – резко отозвался лорд-маршал. – Но они были уверены в своих силах. И, пожалуй, имели на то основание: войско состояло из нескольких тысяч прекрасно оснащенных бойцов и конницы. Причем значительная часть солдат – профессионалы. Не королевская армия, конечно, но тоже люди опытные, решительные. Более чем достойные противники для дикарей.

– Они ведь хорошо показали себя в бою, маршал Берр? – перебил его принц Ладислав.

Берр хмуро уставился в стол.

– Ваше высочество, хорошо показать себя в бою – значит, одержать победу. А их перерезали. Выжили только те, кому достались хорошие лошади и кому сильно повезло. Мы потеряли прискорбно много людей, а также огромное количество провизии и боевой техники. Враг неплохо нажился. Но самое неприятное – поражение вызвало панику среди жителей. Столь необходимые армии дороги забиты беженцами, которые уверены, что Бетод вот-вот обрушится на их фермы и деревни. Это настоящая катастрофа. Возможно, самая ужасная из тех, что пережил Союз за последнее время. Однако даже из катастроф можно

извлечь полезные уроки. – Упершись большими ладонями в стол, лорд-маршал подался вперед. – Бетод осторожен, умен и безжалостен. Он умело использует в сражении конников, пехотинцев и лучников, которых у него более чем достаточно. Разведчики у Бетода отличные. Войска мобильные, – пожалуй, мобильнее наших, – что крайне важно при ведении боевых действий на сложной территории, вроде северной части провинции. Он расставил инглийцам ловушку, и они в нее попались. Нельзя повторять их ошибку.

Генерал Крой издал угрюмый смешок.

– Лорд-маршал, вы хотите сказать, что варваров нужно опасаться? Таков ваш совет?

– Помните, что писал Столикус, генерал Крой? «Не бойся врага, но уважай его». Я бы сказал так, если бы мне вздумалось раздавать советы. – Берр метнул на генерала хмурый взгляд. – Но я не даю советы. Я отдаю приказы.

В ответ на отповедь Крой недовольно скривился, однако примолк. До поры до времени. Надолго его не хватит – Вест знал генерала не первый день.

– Мы должны быть осторожны, – продолжал Берр, обращаясь уже ко всем. – Хотя у нас пока есть преимущество. Двенадцать королевских полков, примерно столько же рекрутов из дворян. И горстка инглийцев, выживших в бойне у Черного Колодца. Судя по донесениям, мы превосходим противника в отношении пять к одному, а то и в большей степени. Также за нами преимущество в технике, тактике и организации. Северянам, похоже, это известно, так как, несмотря на свои успехи, они по-прежнему сидят на северном берегу Камнура, довольствуясь грабежами и редкими набегами, – пересекать реку, чтобы открыто вступить с нами в бой, они не рискуют.

– И правильно делают! Гнусные трусы... – засмеялся Поулдер под одобрительное перешептывание своего штаба. – Теперь, наверное, проклинаят тот день, когда перешли нашу границу!

– Возможно, – процедил Берр. – В любом случае, к нам они не суются, поэтому придется самим перейти реку и перебить их на том берегу. Главные силы армии разделим пополам. Левый фланг возьмет на себя генерал Крой, правый – генерал Поулдер. – Генералы обменялись испепеляющими взглядами. – Из Остенгорма мы выйдем на восточную дорогу, переправимся через Камнур, рассредоточимся и, вычислив местонахождение Бетода, выманим его на решающую битву.

– При всем моем уважении, – перебил его генерал Крой, демонстрируя своим тоном обратное, – позвольте кое-что предложить. Не лучше ли пустить половину армии по западной дороге?

– На западе нет ничего, кроме железа, а его у северян уже достаточно. На прибрежной дороге трофеи богаче, к тому же она ближе к их путям снабжения и тыловому пути. Кроме того, я не хочу рассеивать наши силы. Пока неизвестно, насколько силен Бетод. Если он примет бой, придется быстро стянуть войска, чтобы разгромить его армию.

– Но лорд-маршал! – воскликнул Крой с видом чада, взывающего к разуму престарелого родителя, который упрямо не желает передать дела в его руки. – Нельзя оставлять западную дорогу без присмотра!

– Именно о западной дороге я и собирался говорить, – раздраженно отозвался Берр, поворачиваясь к карте. – Третий отряд под командованием кронпринца Ладислава окопается у Камнура и будет сторожить западную дорогу, чтобы северяне тайком не пробрались нам в тыл. Вот здесь, к югу от реки. А главные силы, разделившись надвое, тем временем погонят врага за пределы страны.

– Да, разумеется, лорд-маршал.

Крой с тяжелым вздохом откинулся на спинку кресла, словно ничего лучшего он не ожидал, хотя и пытался, ради общего блага, спасти положение. Офицеры его штаба цокали языками и недовольно шушукались.

– Что ж, по-моему, план отличный! – добродушно заявил Поулдер, ухмыльнувшись через стол Крою. – Поддерживаю целиком и полностью. Располагайте мной как угодно, лорд-маршал. Через десять дней солдаты будут готовы к походу.

Штабные генерала, кивая головами, одобрительно загудели.

– Лучше через пять, – сказал Берр.

Круглое лицо Поулдера на миг омрачила тень досады, но он быстро справился с эмоциями.

– Через пять, лорд-маршал.

Теперь ухмыльнулся Крой.

Наследный принц Ладислав, щурясь, смотрел на карту; его щедро напудренное лицо постепенно принимало озадаченное выражение.

– Лорд-маршал Берр, – медленно начал он, – значит, мой отряд отправится к реке по западной дороге... верно?

– Совершенно верно, ваше высочество.

– Но переправляться через реку мы не будем?

– Совершенно верно, не будете, ваше высочество.

– Выходит, наше дело... – Все так же щурясь, он с оскорбленным видом взглянул на Берра. – ...исключительно оборона?

– Совершенно верно. Исключительно оборона.

Ладислав нахмурился.

– Но это же проще простого!

Его расфуфыренная свита недовольно заерзала в креслах, ворча и возмущаясь столь недостойной их великих дарований задачей.

– Проще простого? Извините, ваше высочество, но вы глубоко ошибаетесь! Инглия – это огромная территория со сложным ландшафтом. Северяне могут проскользнуть мимо наших полков, и тогда вся надежда только на вас. Ваша задача – не пропустить врага через реку, чтобы он не угрожал путям подвоза или, того хуже, не отправился напрямиком на Остенгорм. Ваше высочество, – подавшись вперед, Берр встретился с принцем взглядом и убедительно потрянул кулаком, – вы – наша поддержка. Скала, опора, фундамент! Засов, на котором держатся ворота, что перекроют путь захватчикам и вышвырнут их за пределы Инглии!

Веста впечатлила речь лорд-маршала. Задание принца действительно было простым, но Берр умел и чистку уборных преподнести как в высшей степени благородное занятие.

– Отлично! – воскликнул принц, решительно потрянув пером на шляпе. – Вот именно – засов! Превосходно!

– Если вопросов больше нет, приступим к работе, господа. Дел невпроворот, – Лорд-маршал обвел взглядом полукруг угрюмых физиономий. Никто не проронил ни слова. – Все свободны.

Офицеры Кроя и Поулдера, обменявшись ледяными взглядами, поспешили к дверям, словно соревновались, кто быстрее выйдет. Два великих генерала застряли в широченном проеме: ни один не хотел повернуться к другому спиной, но и идти следом тоже не желал. Очутившись наконец в коридоре, оба со свирепым видом развернулись лицом к лицу.

– Генерал Крой, – процедил Поулдер, надменно вскинув голову.

– Генерал Поулдер, – прошипел Крой, одергивая безупречный мундир.

И разошлись в противоположные стороны.

Следом, шумно обсуждая, у кого доспехи дороже, из зала удалились придворные принца Ладислава. После их ухода поднялся с места и майор Вест: впереди уйма работы, а сидючи в кресле далеко не уедешь. Он направился к дверям, но сзади вдруг раздался голос лорд-маршала Берра.

– Ну, как вам наше войско, Вест? Честное слово, иногда я чувствую себя отцом многодетного семейства, где сыновья беспрестанно ссорятся и дерутся, а у меня даже супруги нет в помощь, чтобы их утихомирить. Поулдер, Крой, Ладислав... – Он сокрушенно покачал головой. – Три моих командира! Каждый, похоже, считает, что главная цель кампании – его личный карьерный взлет. Во всем Союзе не сыскать трех таких надутых павлинов. Просто чудо, что удалось их собрать в одной комнате. – Берр неожиданно рыгнул. – Чертов желудок!

Вест попытался найти плюсы в имеющемся раскладе.

– По крайней мере, сэр, генерал Поулдер производит впечатление человека исполнительного.

Берр фыркнул.

– Верно, производит... Но ему я доверяю еще меньше, чем генералу Крою, если это вообще возможно. Крой хотя бы предсказуем. Он будет спорить и вставлять мне палки в колеса при любом удобном случае. А от Поулдера не знаешь, чего и ожидать. Все его улыбки, лесть и послушание – ровно до того момента, пока он не почувствует выгоду для себя, и тогда, попомните мое слово, обрушится на меня с удвоенной яростью. Осчастливит и первого, и второго одновременно – из области несбыточного. – Он, зажмурившись, сглотнул слюну и потер живот. – Значит, надо, чтобы оба постоянно испытывали недовольство. Тогда у нас, может, что и получится. К счастью, друг друга они ненавидят больше, чем меня. – Морщина между его бровей стала глубже. – И Крой, и Поулдер претендовали на пост лорд-маршала, я значился в списке только третьим. Генерал Поулдер, как вы знаете, старый друг архилектора. Крой – кузен главного судьи Маровии. Закрытый совет долго не мог договориться, кого из них назначить на освободившуюся должность, поэтому в конце концов к обоюдному неудовольствию сторон выбрали меня, провинциального олуха. А, Вест, каково? Да, именно так они меня воспринимают. Как полезного олуха, конечно, но все же олуха. Случись завтра Поулдеру или Крою умереть, меня тут же сместят и отдадут пост оставшемуся. Ситуация для лорд-маршала – абсурдной некуда, а тут еще кронпринц...

Веста чуть не передернуло. Можно ли извлечь пользу из кошмарного расклада?

– Принц Ладислав... полон энтузиазма, – отважился заметить он.

– Что бы я делал без вашего оптимизма! – Берр невесело рассмеялся. – Полон энтузиазма? Да он в облаках витает! Избалованный неженка в окружении льстецов! С настоящей жизнью этот мальчик просто не знаком!

– А ему обязательно командовать собственным войском, сэр?

Лорд-маршал устало потер глаза толстыми пальцами.

– К сожалению. Закрытый совет выразился по этому вопросу в высшей степени определенно. Их тревожит, что король слаб здоровьем, а его наследника народ считает непроходимым дураком, гулякой и бездельником. Они надеются на громкую победу, которую

можно поставить в заслугу принцу. А тогда он вернется в Адую в сиянии боевой славы и станет королем – таким королем, каких любят крестьяне. – Берр, умолкнув, уставился в пол. – Я сделал все возможное, чтобы уберечь принца Ладислава. Дал ему позицию, где северян нет и, дай бог, не будет. Однако война – штука непростая, всего не предусмотреть. Возможно, принцу и в самом деле придется вступить в бой. Поэтому нужно, чтобы за ним кто-нибудь присматривал. Человек опытный, жесткий – и трудолюбивый в той же мере, в какой никчемна и ленива эта пародия на штаб. Человек, который не даст принцу наделать глупостей.

Он тяжело взглянул из-под густых бровей на Веста.

У того нехорошо засосало под ложечкой.

– Вы имеете в виду меня?

– Да. К сожалению. Поверьте, вы нужны мне как никто другой, но принц пожелал в сопровождающие именно вас.

– Почему? Я ведь не придворный! И даже не дворянин!

Лорд-маршал хмыкнул.

– Если не считать меня, принц Ладислав, пожалуй, единственный человек в нашей войске, которому без разницы, кто чей сын. Он – королевский наследник! Что дворянин, что бедняк – все они одинаково далеки от его высот.

– Но почему он выбрал меня?

– Потому что вы – настоящий боец. Первым прошли в брешь при Ульриохе, много сражались и все такое. У вас репутация опытного смелого воина, Вест, и принц мечтает о такой же. Вот почему. – Выудив из кармана куртки письмо, Берр передал его Весту. – Может, это немного подсластит пилюлю.

Вест сломал печать, развернул плотную бумагу и заскользил глазами по аккуратно выведенным строчкам. Затем перечитал еще раз, для верности: вдруг чего-то не понял? – и поднял взгляд на лорд-маршала.

– Меня повышают.

– Знаю. Я сам это организовал. Может быть, с лишней звездочкой на мундире вас станут воспринимать серьезнее. А может, и нет. В любом случае вы это заслужили.

– Благодарю вас, сэр, – растерянно пробормотал Вест.

– За что? За то, что подсунил работенку, какую врагу не пожелаешь? – Берр со смехом отечески хлопнул его по плечу. – Мне будет вас не хватать. Правда. Я еду проводить смотр первому полку. Солдаты должны знать своего командира. Не хотите ли присоединиться, полковник?

* * *

Едва они выехали за городские ворота, посыпал снег. Белые пушинки кружили на ветру, а приземляясь, мгновенно таяли: на дороге, на ветвях деревьев, на пополах лошадей, на доспехах следующей позади стражи.

– Снег, – проворчал через плечо лорд-маршал Берр. – Ну надо же! Не рановато ли в этом году?

– Рановато, сэр, но ведь и холод какой стоит. – Придерживая повод одной рукой, Вест плотнее затянул на шее воротник плаща. – Слишком холодно для конца осени.

– А к северу от Камнура, ручаюсь, будет намного холоднее.

– Что верно, то верно, сэр. И потепления не предвидится.

– Как по-вашему, суровая предстоит зима, а, полковник?

– Скорее всего, сэр.

Полковник... Половник Вест. Как странно! Прямо в голове не укладывается. Кто бы мог подумать, что выходец из народа достигнет таких высот! Сам он об этом и не мечтал.

– Долгая, суровая зима... – задумчиво проговорил Берр. – С Бетодом нужно расправиться как можно быстрее. Да, надо его поймать и прикончить, пока мы все не окочурились. – Хмурый взгляд лорд-маршала скользнул по деревьям у обочины, задержался на пляшущих снежинках и наконец уперся в Веста. – Паршивые дороги, паршивый ландшафт, паршивая погода. Не лучший расклад, да, полковник?

– Не лучший, – угрюмо отозвался Вест, размышляющий о собственном незавидном положении.

– Ну ничего, бывает и хуже. А вы обоснуетесь со всеми удобствами на южном берегу. Может, за всю зиму даже тени северянина не увидите. Я слышал, высочайшая компания любит вкусно поесть. Это ведь куда приятнее, чем бродить вслепую по сугробам в обществе Кроя и Поулдера.

– Разумеется, сэр, – бодро ответил Вест, хотя в глубине души сильно в том сомневался.

Берр оглянулся через плечо на стражу, рысившую следом на почтительном расстоянии.

– Знаете, в молодости, до того как мне выпала сомнительная честь возглавлять королевскую армию, я любил ездить верхом. Скакал во весь опор, милю за милей – и чувствовал... что живу. Теперь на это нет времени. Совещания, документы... Дни напролет просиживаю штаны за столом. Но иногда так хочется пуститься вскачь! А вам, Вест?

– Разумеется, сэр, однако сейчас...

– Н-но!

Лорд-маршал с силой пришпорил лошадь, и та понеслась стрелой – только грязь из-под копыт летела.

– О ч-черт... – прошептал Вест, ошалело смотря ему вслед.

Старый осел! Упадет ведь! Сломает толстую шею – и что тогда? Препоручать командование принцу Ладиславу? Содрогнувшись от жуткой перспективы, Вест вонзил шпоры в бока лошади. А что еще делать?

Мелькали деревья, стремительно текла под ногами дорога. В ушах звенел цокот копыт и бряцанье сбруи. Ветер сушил губы, жег глаза. Били в лицо снежинки. Вест бросил короткий взгляд через плечо. Скачущие тесной толпой стражники остались далеко позади.

Оставалось одно – мчаться следом не отставая и стараться не вылететь из седла. Последний раз он несся с такой бешеной скоростью много лет назад, когда удирал через выжженную солнцем равнину от висевшего на хвосте клина гуркской конницы. Как же было страшно! Поводья до боли впивались в ладони, сердце ухало, точно молот, от ужаса и волнения... Вест вдруг понял, что улыбается. А все-таки Берр прав! И в самом деле чувствуешь, что живешь.

Лорд-маршал сбавил ход; Вест, поравнявшись, тоже натянул поводья. И захохотал во все горло. Рядом хохотал Берр. Давно Вест так не смеялся. Наверное, несколько месяцев. А может, и лет. Словом, он не помнил, когда это было в последний раз. И тут краем глаза он заметил нечто странное...

От неожиданного мощного толчка грудь чуть не разорвалась от боли. Голова резко

дернулась вперед, выпали из рук поводья, мир перевернулся вверх тормашками. Лошадь умчалась прочь, а Вест катился и катился по земле.

Он попытался встать, но перед глазами все плыло: деревья, белесое небо, взлетающие лошадиные копыта, брызги грязи... Вест споткнулся и рухнул на дорогу, набрав полный рот грязи. Кто-то рывком поднял его за плащ, а затем поволок в лес.

– Нет... – охнул он, едва дыша от раздирающей грудь боли. Нечего им в той стороне делать!

Черная полоска между деревьев... Согнувшись в три погибели, Вест с трудом продирался через подлесок; под ногами путались полы плаща. Значит, это была веревка... Им натянули поперек дороги веревку... Кто-то тащил его, почти нес на себе. У Веста кружилась голова, он окончательно потерял ориентацию в пространстве. Они угодили в ловушку... Он попытался нащупать шпагу, но вскоре до него дошло: ножны пусты.

Северяне! Вест похолодел от ужаса. Их с Берром похитили северяне. Бетод подослал убийц. Из-за деревьев донесся шум. Вест напряг слух, пытаясь определить источник звука. Ну конечно! Это же эскорт! Как бы подать сигнал?..

– Сюда... – слабо прохрипел он.

Грязная ладонь молниеносно зажала ему рот и утянула в мокрый подлесок.

Вест отчаянно сопротивлялся, но сил не хватало. По дороге в дюжине шагов от укрытия проскакали стражники. До чего ужасна беспомощность!

Он впился в руку зубами – та в ответ лишь сильнее стиснула ему подбородок и сплющила губы. Вест ощутил на языке вкус крови: то ли своей, то ли неведомого противника. Стук копыт становился все глуше и наконец стих вдали. Теперь ему стало по-настоящему страшно. Рука разжалась и на прощание тычком отправила его на землю.

Над Вестом нависло лицо – жесткое, грубое, мрачное. Коротко стриженные черные волосы, по-звериному оскаленные зубы, холодная ярость в тусклых глазах. Незнакомец, отвернувшись, сплюнул. Одного уха у него не хватало – только розовый рубец да дырка.

Столь зловещего, безобразного человека Вест еще не встречал. Весь его вид олицетворял жестокость. Он мог бы разорвать жертву напополам голыми руками и, похоже, был не прочь это сделать. Одна ладонь у него кровоточила, красные струйки стекали по пальцам в пожухшую лесную траву. Рана от укуса – Вестовы зубы постарались. В другой руке незнакомец сжимал длинную отполированную палку. Вест скользнул по ней взглядом, и сердце оборвалось: на ее конце ярко поблескивало массивное изогнутое лезвие. Секира!

Значит, и правда северянин. Не из тех, что упиваются до поросычьего визга в Адуе. Не из тех, что умоляли отца взять их батраками на ферму. Из других. Из тех, которыми пугала в детстве мать. Чья работа, досуг и предназначение – убивать себе подобных. Онемев от ужаса, Вест перевел взгляд с секиры на неумолимое лицо и обратно. Все, конец. Он умрет в холодном лесу. В грязи. Как собака.

Надо бежать! Вест с усилием приподнялся на одной руке и оглянулся. Путь был отрезан: в их сторону между деревьев шел великан-бородач с мечом за плечами и ребенком в руках. Вест растерянно моргнул, пытаясь оценить масштаб. С такими гигантами он никогда не сталкивался. Да и «ребенком» оказался лорд-маршал Берр. Приблизившись к ним, бородач швырнул свою ношу на землю, точно вязанку хвороста. Берр уставился на похитителей снизу вверх и рыгнул.

Вест скрипнул зубами. О чем думал старый болван? Зачем рванул во весь опор? Черт бы его побрал! «Иногда так хочется пуститься вскачь!» Угробил обоих. Ну как, чувствуешь

теперь, что живешь? Может, теперь и часа не протянуть!

Нет, надо бороться. Использовать последний шанс. Черт с ним, с оружием! Лучше умереть в бою, чем стоя на коленях в грязи. Вест пытался пробудить в себе гнев. Ярость его не знала границ, когда это совсем не требовалось, однако сейчас он не испытывал и тени злости. Тело сковала отчаянная беспомощность.

Вот тебе и герой. Вот тебе и боец. Только бы не обмочиться со страху. Зато поднять руку на женщину – это запросто. Сестру чуть не задушил. Ему до сих пор становилось стыдно и противно при воспоминании о своем «подвиге». Даже сейчас, перед лицом смерти. Он надеялся, что потом, когда-нибудь, искупит свою вину, и вот... не будет никакого «потом». Все кончено. Глаза защипало от слез.

– Прости... Прости меня, – тихо пробормотал он и, зажмурившись, приготовился к роковому удару.

– Нет нужды просить прощения, друг, ему доставалось и хлеще.

Из-за деревьев вынырнул еще один северянин и присел перед Вестом на корточки. Худощавый. Вытянутое лицо в обрамлении спутанных каштановых волос. Живые темные глаза. Умный взгляд. Губы незнакомца изогнулись в жутковатой, далеко не ободряющей, улыбке, обнажив два ряда желтых заостренных зубов.

– Не дергайся, – едва понятно, с сильным акцентом сказал он. – Сиди спокойно. Так будет лучше.

Перед Вестом и Берром вырос четвертый северянин: могучий, с мощной грудью, запястья – толщиной с обычную мужскую лодыжку; в бороде и взлохмаченных волосах белели седые волоски. Видимо, главарь, судя по тому, как расступились перед ним остальные. С высоты роста он задумчиво, неторопливо рассматривал новоиспеченного полковника, словно букашку: раздавить, не раздавить?

– Который из них Берр? – пророкотал он наконец на северном наречии.

– Я Берр, – мгновенно отозвался Вест.

Лорд-маршала необходимо спасти. Это его, Веста, долг. Он, не раздумывая, кое-как встал на ноги; голова по-прежнему кружилась, так что пришлось схватиться за ветки, чтобы не упасть.

– Я Берр, – повторил он.

– Ты? – Невозмутимо оглядев его с головы до ног, старый воин разразился оглушительным хохотом, напоминающим зловещие басовитые раскаты грома. – Неплохо. Я бы сказал отлично! – Он обернулся к злобному. – Ну, каково? А ты говорил, у южан кишка тонка.

– Я говорил, умом они коротки. – Одноухий уставился на Веста, точно голодный кот на птичку. – И доказательств обратного пока не видал.

– Думаю, это он. – Главарь перевел взгляд на Берра и спросил на общем языке: – Ты Берр?

Лорд-маршал посмотрел на Веста, потом на высящегося над ним северянина, медленно поднялся на ноги, отряхнул форму и расправил плечи, как человек, который намерен встретить смерть с достоинством.

– Да, Берр – это я. И вести с вами светские беседы не собираюсь. Если хотите нас убить, убивайте. Ни к чему медлить.

Вест по-прежнему держался за дерево. Стоит ли напрягаться! Не до гордости сейчас. Он уже почти чувствовал рассекающее голову лезвие секиры.

Однако северянин с седой бородой только улыбнулся.

– Понимаю, мы ввели вас в заблуждение. Простите, что потрепали нервы. Никто вас убивать не собирается. Напротив, мы хотим вам помочь.

Вот так так! Вест не поверил своим ушам.

И Берр, очевидно, тоже.

– Помочь?

– У Бетода на Севере хватает врагов. Многие покорились ему против собственной воли, некоторые – мы, например, – покориться не пожелали. Мы враждуем с Бетодом давно и хотим довести дело до конца. Или же погибнем, пытаясь его одолеть. В одиночку нам не справиться. Мы слышали, что вы собираете войско, и решили присоединиться.

– Присоединиться?

– Мы прошли долгий путь, и много чего повидали по дороге. Наша помощь вам явно не помешала бы. Однако стражники в Остенгорме нам не обрадовались.

– И повели себя довольно грубо, – добавил худощавый северянин, сидящий на корточках рядом с Вестом.

– Верно, Ищейка, довольно грубо. Но мы не из тех, кто пасует перед резким словом. Я решил переговорить с тобой лично, как вождь с вождем, так сказать.

Берр озадаченно уставился на Веста и произнес:

– Они хотят воевать вместе с нами.

Тот ответил не менее озадаченным взглядом. Неужели он все-таки доживет до конца этого дня? Северянин, которого назвали Ищейкой, с усмешкой протягивал ему шпагу эфесом вперед. Вест не сразу узнал свою шпагу.

– Спасибо, – пробормотал он, неуклюже хватая оружие.

– Не за что.

– Нас пятеро, – пояснил главарь. – Все названные, опытные воины. Мы долго сражались с Бетодом по всему Северу – и за него, и против. Мало кто знает его повадки лучше нас. Мы умеем вести разведку, умеем драться и расставлять ловушки, как вы могли убедиться. От достойной работы отлынивать не станем: любая работа, что вредит Бетоду, – достойная. Что скажешь?

– Ну... хм... – Лорд-маршал растерянно тер большим пальцем подбородок. – Ясное дело, вы... крайне... – его взгляд переходил с одного грязного, изувеченного шрамами лица на другое, – полезные ребята. Разве можно не принять столь любезно обставленное предложение?

– Тогда я всех представлю. Вон тот Ищейка.

– Это я, – буркнул худощавый, вновь обнажив в пугающей улыбке заостренные зубы. – Рад знакомству. – И энергично, до хруста суставов, пожал Весту руку.

Следом вождь указал на злобного безухого, с секирой.

– Этого дружелюбного парня зовут Черный Доу. И рад бы сказать, что со временем он станет приветливее, но... вряд ли.

Доу, отвернувшись, в очередной раз сплюнул.

– Это наш великан, Тул Дуру, но все зовут его Громова Туча. Есть еще Хардинг Молчун. Он в той стороне, за деревьями, присматривает за вашими лошадьми, чтобы не выскочили на дорогу. Не стоит его беспокоить, сказать он все равно ничего не скажет.

– А вы кто?

– Рудда Тридуба. Возглавляю наш маленький отряд с тех пор, как прежний вождь

вернулся в грязь.

– Вернулся в грязь... Понимаю... – Берр тяжело вздохнул. – Хорошо. Будете служить под началом полковника Веста. У него наверняка сыщется для вас и еда, и место для ночлега... Не говоря уже о работе.

– У меня?! – поразился Вест, по-прежнему сжимая в кулаке безжизненно висящую шпагу.

– Именно. – Лорд-маршал едва заметно улыбнулся уголками губ. – Наши новые союзники прекрасно впишутся в эскорт принца Ладислава.

Вест не знал, плакать ему или смеяться. Казалось, ничего хуже компании его высочества быть не может – и на тебе! – для полного счастья на него вешают пятерых дикарей.

Тридуба, довольный исходом переговоров, неторопливым кивком выразил свое одобрение.

– Отлично! Значит, порешили.

– Порешили, – повторил за вождем Ищейка, и его злая улыбка стала еще шире.

Северянин по имени Черный Доу смерил Веста долгим холодным взглядом, а потом хмуро процедил:

– Трелятый Союз!

*«Занду дан Глокте, наставнику Дагоски
Секретно, лично в руки*

Немедленно отправляйтесь морем в Дагоску и приступайте к выполнению обязанностей главы инквизиции. Выясните, что произошло с вашим предшественником, наставником Давустом. Проведите расследование относительно его подозрений о плетущемся заговоре. Особого внимания заслуживает сам городской совет – проверьте каждого его члена. Всех, кто в той или иной мере нелоялен, убирайте. Изменников карайте без жалости и снисхождения, только убедитесь в неоспоримости улик. У нас нет права на ошибку.

Гуркские войска уже стекаются к полуострову, любая наша слабость им на руку. Все королевские полки переброшены в Инглию, так что, если гурки атакуют, на помощь не рассчитывайте. Укрепите городские стены и запаситесь провизией на случай осады. О том, как продвигаются дела, будете регулярно отчитываться в письмах. Но главная ваша задача – удержать Дагоску, ни при каких обстоятельствах город не должен достаться гуркам.

Не подведите меня.

Сульт, архилектор инквизиции его величества».

Аккуратно свернув письмо, Глокта сунул его в карман, а заодно в очередной раз проверил, на месте ли королевский приказ, будь он неладен. С того самого дня, как архилектор передал ему огромный свиток, тот постоянно, тяжким грузом, оттягивал полу Глоктова одеяния. Он достал документ, повертел его в руках; на большой красной печати на ослепительном свете солнца ярко искрился золотой листок.

«Простая бумажка, а стоит дороже золота! Более того – бесценна. Через нее я говорю голосом короля. Я – могущественнейший человек в Дагоске. Могущественнее самого лорд-губернатора. Все должны меня слушать и повиноваться. По крайней мере, пока я жив...»

Путешествие выдалось не из приятных. Корабль был мал, а Круг морей день и ночь штормило. Крошечная каюта напоминала раскаленную печь, причем непрерывно раскачивающуюся. Всю дорогу Глокта либо пытался есть овсянку из бешено скачущей миски, либо вытаскивал те жалкие порции, что удалось проглотить, обратно. Что ж, по крайней мере, в трюме нет риска подвернуть бесполезную больную ногу и кувыркнуться за борт. Да, не из приятных путешествие, не из приятных...

К счастью, все было позади – скользя между забитых судами причалов, корабль подходил к месту швартовки. Матросы возились с якорем, бросали на пристань канаты, и наконец с палубы на пыльные камни съехал трап.

– Так-то лучше, – удовлетворенно заметил практик Секутор. – Раздобуду-ка я себе чего-нибудь выпить.

– Бери покрепче. Только не забудь нас догнать. Работы завтра невпроворот.

Секутор кивнул, вдоль узкого лица качнулись жидкие пряди волос.

– Служение – смысл моей жизни!

«Уж не знаю, что составляет смысл твоей жизни, но едва ли служение», – мысленно ответил ему Глокта.

Немелодично насвистывая, Секутор с грохотом, вразвалочку спустился по трапу на причал и вскоре исчез в глубине улочек среди пыльных коричневых зданий.

Глокта обеспокоенно оглядел узкую доску, ухватил покрепче рукоять трости и облизал беззубые десны – настроился на спуск.

«Вот оно, истинно самоотверженное геройство...»

Он мешкал.

«Не лучше ли съехать на животе? Риск утонуть меньше, но... как-то не по чину. Внушающий благоговейный ужас наставник инквизиции вползает на брюхе в свои новые владения. Ха!»

– Помочь?

Практик Витари, небрежно привалившись к поручням, наблюдала за страданиями Глокты; ее рыжие волосы торчали над головой, словно колючки чертополоха. Похоже, она всю дорогу неподвижно, точно ящерица, нежилась на солнце у мотка канатов, наслаждаясь невыносимым пеклом в той же мере, в какой Глокта от него мучился. Ее лицо скрывала черная маска практика, но он почти не сомневался, что женщина улыбается.

«Наверное, уже сочиняет отчет архилектору: «Большую часть пути калека блевал в каюте. По прибытии в Дагоску пришлось снести его на берег вместе с тюками. С первых же минут он стал посмешищем для всего города...»

– Разумеется, нет! – отрезал Глокта и, хромая, решительно двинулся к трапу, как будто рисковать жизнью – дело для него обыденное.

Стоило правой ногой коснуться сходней, как они нехорошо затряслись. До чего же далеко плещутся о скользкие камни серо-зеленые волны...

«Тело, плавающее возле доков...»

Тем не менее ему удалось благополучно прошаркать по доске, волоча за собой безжизненную ногу, и когда он сошел на твердые пыльные камни причала, то испытал дурацкий прилив гордости.

«Даже смешно! Можно подумать, я не три шага одолел, а разгромил гурков и спас город».

А неприятности не кончались: Глокта так привык к морской качке, что теперь у него кружилась голова и скручивало желудок от неподвижности суши; тошноту усиливал исходящий от раскаленных солнцем доков солоноватый запах гнили. Глокта сглотнул скопившуюся во рту горькую слюну и, закрыв глаза, обратил лицо к безоблачному небу.

«Черт, вот так пекло!»

Он и забыл, какая на Юге жара.

«Поздняя осень, а солнце палит по-летнему».

Под длинным черным пальто с него уже сошло семь потов.

«Может, инквизиторские одеяния и хороши, чтобы вселять в подозреваемых ужас, но для южного климата они не годятся».

Инею приходилось еще хуже. Оберегая молочно-белую кожу от солнечных лучей, гигант-альбинос дополнил обычную форму практика черными перчатками и широкополой шляпой. Страдальчески щуря розовые глаза, он с подозрением посмотрел на ярко сияющее небо; по широкому белому лицу, вокруг черной маски, стекали бисерины пота.

Витари искося на них взглянула.

– Вам обоим не мешало бы почаще выбираться на свежий воздух, – пробурчала она.

В конце пристани, у осыпающейся стены, их ждал мужчина в черном инквизиторском облачении. Высокий, костлявый, с обгорелым, шелушащимся носом с горбинкой. Инквизитор жался в тень, но толку от нее было немного: пот катил по нему градом.

«И это вся приветственная делегация? Судя по количеству встречающих, мой приезд едва ли кого обрадовал», – вздохнул наставник Дагоски.

– Меня зовут Харкер. Я главный инквизитор Дагоски.

– Были. До моего приезда, – отрезал Глокта. – Сколько вас здесь?

Харкер нахмурился.

– Четыре инквизитора и человек двадцать практиков.

– Маловато, чтобы уберечь столь крупный город от изменников.

Инквизитор еще угрюмее сдвинул брови.

– Пока справлялись.

«Справлялись! А исчезновение наставника, само собой, не в счет», – усмехнулся Глокта.

– Вы первый раз в Дагоске? – спросил Харкер.

– Дагоску ранее посетить не довелось, но я провел на Юге несколько лет.

«Лучших лет моей жизни и худших», – мысленно продолжил свой ответ Глокта и добавил:

– Во время войны побывал в Гуркхуле. Видел Ульриох.

«Точнее, руины. После того, как мы его сожгли», – на него нахлынули воспоминания.

– Два года жил в Шаффе.

«В императорских тюрьмах. Два года невыносимого зноя и непроглядной темноты. Два года ада».

– Кхм... – хмыкнул Харкер. Рассказ не произвел на него впечатления. – Ваша резиденция в Цитадели.

Он кивком указал на вздымающуюся над городом огромную скалу.

«Ну разумеется! Где же мне еще жить? Только на самой высокой точке города, в самом высоком здании».

– Я покажу вам дорогу, – продолжал инквизитор. – Лорд-губернатору Вюрмсу и городскому совету не терпится познакомиться с новым наставником. – И, помрачнев, отвернулся.

«Что, сам рассчитывал на это место? Рад, что разочаровал тебя».

Харкер резво зашагал в сторону города. Рядом, согнув толстую шею и ссутулив тяжелые плечи, устало тащился Иней; по дороге практик жался к любому подобию тени, прячась от солнца так усердно, будто светило метало в него крошечные дротики. Витари двигалась вдоль пыльной улицы зигзагообразно, словно в танцевальном зале: то в окно заглянет, то в узкий переулок. Глокта плелся сзади, ни на шаг не отставая, хотя левая нога уже начинала гореть.

«Прошаркав по городу всего три шага, калека навернулся мордой в пыль, так что остаток пути пришлось тащить его на носилках. При этом он визжал как недорезанная свинья и просил воды, а горожане, для устрашения которых его послали в Дагоску, тарасились на нашу процессию с открытыми ртами...» – Глокту измучили собственные уничижительные фантазии. Он втянул губы, сжал челюсти, вонзив оставшиеся зубы в десны и подобрался: не отставать, не отставать! Рукоять трости адски впивалась в ладонь, каждый шаг отдавался болезненным щелчком в позвоночнике.

– Это Нижний город, – буркнул через плечо Харкер, – тут живет коренное население.

«Бескрайние, раскаленные, зловонные трущобы. До чего же тут все жалкое, ветхое...»

Хлипкие одноэтажные хибары напоминали покосившиеся штабеля глинобитного кирпича. Смуглые обитатели были под стать: худые, голодные, в лохмотьях. Из дверного проема выглядывала тощая женщина. Мимо прохромал на костылях одноногий старик. В глубине узкого закоулка среди груд мусора носились оборванные ребятишки. В воздухе стоял густой запах гнили и неисправной канализации.

«А может, канализации вообще нет».

Всюду с жужжанием носились мухи, жирные, злые, – единственные, кто здесь блаженствовал.

– Если бы я знал, что тут за райское местечко, – проронил Глокта, – то приехал бы раньше. Похоже, вступление в Союз принесло дагосканцам немало пользы...

Инквизитор не уловил иронии.

– Немало. За время короткого правления гурков многих уважаемых горожан забрали в рабство. Теперь, при Союзе, все вольны работать и жить, как им заблагорассудится.

– Вольны, говорите?

«Значит, вот как выглядит свобода...» Глокта уставился на группку угрюмых туземцев, толпящихся вокруг убогого прилавка с порченными фруктами и ливером, над которым роились мухи.

– По крайней мере, большая часть. – Харкер нахмурил брови. – Когда мы, первые инквизиторы, только приехали, пришлось избавиться от некоторых смутьянов. А три года назад подняла мятеж еще одна неблагодарная свинья.

«И это после того, как мы позволили им свободно жить в собственном городе на положении скота! Поистине поразительно», – завершил мысль собеседника Глокта.

– Восстание мы подавили, но ущерб мятежники нанесли серьезный. Тогда туземцам запретили владеть оружием и подниматься в Верхний город, где живет основная масса белых. С тех пор в Дагоске тишь да благодать. Это лишний раз доказывает, что с дикарями надо вести себя жестче.

– Так называемые дикари возвели весьма впечатляющие укрепления.

Жалкие кварталы трущоб накрывала длинная тень огромной стены, рассекающей город на две части. У ее подножия темнела свежевырытая широкая канава с рядом заостренных кольев. Через канаву тянулся узкий мост, ведущий к воротам меж двух угрожающего размера башен. Тяжелые створки были распахнуты, но проход перегораживала дюжина истекающих потом солдат-союзников в стальных шлемах и кожаных куртках с заклепками; мечи и копья воинов ослепительно сияли на солнце.

– Хорошая у ворот охрана... – задумчиво отметила Витари. – Учитывая, что они в самом городе.

Инквизитор помрачнел.

– После мятежа туземцев пускают в Верхний город только по пропускам.

– А у кого есть пропуска? – осведомился Глокта.

– У опытных ремесленников – тех, кто до сих пор работает на гильдию торговцев пряностями. Но в основном у прислуги: часть трудится в Цитадели, часть – у жителей Верхнего города. Многие граждане Союза нанимают целый штат туземцев.

– Но ведь туземцы – тоже граждане Союза?

Харкер презрительно скривил губы.

– Если вам угодно, да, наставник. Однако доверять им не стоит, это факт. Они думают иначе – не так, как мы.

– Неужели? – переспросил Глокта, скрывая иронию. «Ну, если они способны думать, то лучше уж туземцы, чем дикари вроде этого».

– Смуглые эти – ничтожества и отбросы. Что гурки, что дагосканцы – без разницы. Все они воры и убийцы, все до единого. Их надо задавить, да покрепче, чтоб головы не смели поднять. – Харкер смерил мрачным взором раскаленные солнцем трущобы. – Если что-то воняет дерьмом да еще выглядит, как дерьмо, то, скорее всего, это и есть дерьмо.

Инквизитор, развернувшись, двинулся через мост.

– Ах, какой приятный, умный человек... – пробормотала Витари.

«Да ты читаешь мои мысли!» – улыбнулся Глокта.

За воротами их встретил совершенно другой мир: переливающиеся на свету величественные купола, изысканные башенки, мозаика из цветного стекла, белоснежные мраморные колонны, широкие подметенные улицы, ухоженные здания. На безупречно чистых площадях даже зеленело несколько пальм, которые явно тосковали по хорошему поливу. Вокруг ходили холеные, прекрасно одетые белокожие люди.

«Только хорошо поджаренные на солнце», – заметил наставник Дагоски.

Несколько раз мелькнули темные лица – темнокожие держались в стороне, опустив глаза в землю.

«Так это и есть те счастливики, которым позволено прислуживать в Верхнем городе? А ведь они должны плясать от радости, что в землях Союза рабство запрещено».

За общим уличным гамом Глокта различил странный гул – будто где-то вдалеке шла битва. Чем глубже уводил их Харкер в кварталы Верхнего города, тем гул становился сильнее, а когда они вышли на широкую, заполненную людьми площадь, превратился в оглушительную какофонию. Кого здесь только не было! Жители Срединных земель, гурки, стирейцы, узкоглазые уроженцы Сулджука, желтоволосые подданные Старой империи и даже забравшиеся в такую даль бородатые северяне.

– Купцы, – буркнул инквизитор.

«Похоже, тут собрались все торговцы мира!»

Народ толпился вокруг прилавков, загроможденных продукцией, огромными весами и исписанными мелом досками-ценниками с наименованиями товаров. Отовсюду неслась разноязыкая речь: на десятках наречий купцы перекрикивались, договаривались о займах, торговались. Все странно вскидывали руки, пихались, указывали друг на друга пальцами, дергали друг друга за рукава; нюхали коробочки с пряностями и ароматические палочки, щупали ткани и образцы редкой древесины, мяли, проверяя на свежесть, фрукты, пробовали на зуб монеты, рассматривали через увеличительные стекла сверкающие драгоценные камни. Время от времени сквозь толпу пробивался согнутый под тяжким тюком в три погибели носильщик-туземец.

– Торговцы пряностями со всего имеют процент, – негромко пояснил Харкер, нетерпеливо проталкиваясь через говорливую людскую массу.

– Недурно, должно быть, наживаются, – вполголоса заметила Витари.

«Еще как недурно! Достаточно, чтобы сопротивляться гуркам и удерживать в заточении целый город. Люди убьют и за меньшее, много меньшее...»

Со страдальчески перекошенным лицом Глокта начал пробиваться через площадь – подпрыгивая, тяжело наваливаясь на одну ногу и вздрагивая от боли при каждом шагу.

Вырвавшись в конце концов из толпы, они очутились в тени огромного изысканного здания с хрупкими остроконечными башенками по углам: арка за аркой, купол за куполом, оно устремлялось высоко в небо.

– Великолепно... – пробормотал Глокта, выпрямляя ноющую спину и щурясь на белоснежные каменные стены, которые так сияли в полуденном свете, что на них было больно смотреть. – При виде такой красоты можно, чего доброго, и в Бога поверить.

«Если не знать, что его нет...»

– Ха! – насмешливо обронил Харкер. – Туземцы молились здесь многотысячными толпами, отравляя все вокруг чертовыми песнопениями и идолопоклонством, – разумеется, до тех пор, пока не было подавлено восстание.

– А теперь?

– Наставник Давуст запретил им ходить в храм. Да и вообще в Верхний город. Теперь торговцы пряностями используют его как пристройку к рынку. Продают здесь, покупают и прочее...

– Вот как!

«Поистине достойное применение. Храм денег. Храм нашего собственного божка».

– Если не ошибаюсь, часть храма выделена под банк, – добавил инквизитор.

– Банк? Который?

– Это по части торговцев пряностями, – раздраженно отозвался Харкер. – Валинт и кто-то там еще!

– И Балк. Валинт и Балк, – подсказал Глокта.

«Старые знакомые... Выходит, и тут они крутятся? Мог бы сам догадаться. Эти ублюдки повсюду. Повсюду, где есть деньги. – Он окинул взглядом бурлящее море людей на площади. – Сколько же здесь денег!»

Дорога к вершине большой скалы становилась все круче, улицы тянулись вдоль высеченных в иссохшем склоне уступов. Путь наверх, да еще по такому пеклу, давался Глокте с трудом. Чтобы отвлечься от боли в ноге, скрючившись над тростью в три погибели, он с силой кусал губы. До смерти хотелось пить, пот сочился из каждой поры, но Глокта упрямо плелся за Харкером, а тот и не думал сбавлять шаг.

«Черта с два я стану просить его идти помедленнее!»

– Цитадель прямо над нами. – Инквизитор взмахом руки указал на скопление неприступных зданий, куполов и башен, громоздящихся высоко над городом на самой вершине бурой скалы. – Бывшая резиденция туземного короля. Теперь здесь административный центр Дагоски, место собрания гильдии торговцев пряностями, Допросный дом, а также апартаменты самых влиятельных горожан.

– Да уж, вид отсюда поистине роскошный, – пробормотала Витари.

Глокта, обернувшись, прикрыл глаза рукой и оглядел расстилающуюся внизу Дагоску: «Почти остров».

Вниз по склону сбегал Верхний город: аккуратные квадратики аккуратных домиков, разделенные прямыми длинными улицами, с желтыми крапинками пальм и широкими площадями. За длинной изогнутой крепостной стеной раскинулись пыльные бурые хаотично застроенные трущобы. Вдалеке за мерцающей дымкой, на узком скалистом перешейке, соединяющем город с материком, темнели мощные укрепления; по одну сторону полуострова синело море, по другую – гавань.

«Говорят, более крепких стен во всем мире не сыскать. Не придется ли скоро проверить

на деле это хвастливое заявление?..»

– Наставник Глокта... – Харкер откашлялся. – Вас ждет лорд-губернатор и городской совет.

– Пусть еще немного подождут. Меня интересует исчезновение наставника Давуста. Любопытно, насколько вы продвинулись в расследовании, – объявил Глокта и мысленно произнес: «Будет крайне неприятно, если нового наставника постигнет та же участь».

Инквизитор нахмурился.

– Э-э... подвижки есть. В деле замешаны туземцы, тут и гадать нечего. Они постоянно плетут заговоры. Несмотря на предпринятые после восстания меры, многие по-прежнему не желают знать свое место.

– Поразительно!

– Поверьте, так и есть. В ночь, когда исчез Давуст, в его покоях находились три слуги-дагосканца. Я их сейчас допрашиваю.

– Что-то выяснили?

– Пока, к сожалению, ничего. Они упрямы, как мулы.

– Тогда давайте допросим их вместе.

– Вместе? – Харкер облизнул губы. – Наставник, я не знал, что вы пожелаете допросить их сами.

– Теперь знаете.

* * *

В недрах скалы, вопреки ожиданиям, оказалось так же жарко, как и в раскаленном солнцем городе. Даже хуже: на улице хотя бы веял легкий милосердный бриз. В коридоре было тихо, безлюдно и душно, словно в гробнице. Свет факела в руках Витари отбрасывал на стены зыбкие тени, позади быстро сгущалась тьма.

Остановившись у окованной железом двери, Харкер стер с лица крупные капли пота.

– Должен предупредить вас, наставник, с подозреваемыми пришлось действовать довольно... жестко. Жесткость в нашем деле – лучшее средство, сами понимаете.

– Я и сам, если необходимо, действую жестко. Не волнуйтесь, я не впечатлительный.

– Отлично, отлично...

Ключ скрежетнул в замке, и дверь распахнулась; в коридор хлынул омерзительный запах гнили и неисправной уборной. Камера была крошечная, без окон, с низким потолком, под которым толком не выпрямиться. Плюс убийственная жара и тошнотворная вонь. Глокте вспомнилась камера, расположенная еще южнее, в Шаффе, в недрах императорского дворца.

«Где я на протяжении двух лет задыхался в непроглядной тьме, выл и царапал стены, ползая в собственных нечистотах...»

Глокта аккуратно потер задержавшийся глаз.

Один узник – с переломанными ногами, весь в почерневших синяках – вытянувшись лежал лицом к стене. Другой был подвешен на запястьях к потолку: колени касаются пола, спина содрана до мяса, голова безжизненно свешивается на грудь. Витари, наклонившись, тронула одного из них пальцем.

– Мертв, – просто сказала она и перешла ко второму. – Этот тоже мертв. Причем давно.

Мерцающий свет факела озарил третьего пленника. Точнее, пленницу. Та была жива.

«Едва жива», – заметил наставник.

Ее руки и ноги сковывали цепи, глаза и щеки запали от голода, губы потрескались от жажды; несчастная судорожно сжимала в руках грязные окровавленные тряпки. Прикрывшись рукой от света и что-то невнятно бормоча на кантыйском наречии, она попыталась забиться еще глубже в угол.

Глокта нахмурился: «Как же, как же, помню... Хуже тьмы только свет. Свет означает допрос». Глаза под дергающимися веками скользнули от изувеченных трупов к перепуганной девочке; от напряжения, жары и вони кружилась голова.

– Ничего не скажешь, уютное местечко. И что вам поведали узники?

Зажимая ладонью рот и нос, Харкер неохотно вошел в камеру, за его плечом маячил здоровяк Иней.

– Пока ничего, но я...

– Ну, от этих двух вы уже точно ничего не добьетесь. Надеюсь, они подписали признания?

– Э-э... не совсем, – замялся инквизитор. – Видите ли, признания туземцев наставника Давуста не интересовали. Мы просто, понимаете...

– Вы даже не сумели допросить их так, чтобы они оставались в живых, пока не признаются?

Харкер насупился, будто школьник, которого несправедливо отчитал учитель, и отрывисто бросил:

– У нас осталась девчонка!

Глокта облизнул десну, там, где когда-то росли передние зубы. «Ни системы, ни цели. Жестокость ради жестокости. Хорошо, что я ничего сегодня не ел, иначе бы меня вывернуло наизнанку».

– Сколько ей лет?

– Кажется, четырнадцать. Только не понимаю, наставник, почему это для вас важно.

– А важно это, инквизитор Харкер, потому, что четырнадцатилетние девочки, как правило, не устраивают заговоров!

– Я решил, что лучше ничего не упускать.

– Ничего не упускать? Да вы их вообще допрашивали?

– Ну, я...

Глокта хлестнул инквизитора тростью по лицу. От резкого движения бок Глокты скрутила мучительная судорога, больная нога подвернулась, и он схватился за Инея, чтобы не упасть. Харкер с воем – от боли и потрясения – отлетел к стене и, поскользнувшись, рухнул на пол в нечистоты.

– Ты не инквизитор, – прошипел Глокта. – Ты мясник! Посмотри, в каком состоянии камера! Два свидетеля убиты! Какой от них теперь толк, придурок? – Он подался вперед. – Или это часть замысла? Может, с Давустом расправилась завистливая пешка? А потом заткнула ненужным свидетелям рты? Что скажешь, Харкер? Может, мне начать расследование с самой инквизиции?

Инквизитор попытался встать на ноги, но над ним грозно склонился практик Иней, и он снова вжался в стену; из носа Харкера закапала кровь.

– Нет, нет! Прошу вас! Это вышло случайно! Я не собирался их убивать! Я просто хотел выяснить, что произошло!

– Случайно? Тогда одно из двух: либо ты изменник, либо некомпетентен в своем деле!

Мне такие люди не нужны! – Не обращая внимания на боль в спине, Глокта нагнулся еще ниже и зловеще улыбнулся беззубыми деснами. – Если я правильно помню, инквизитор, с дикарями чем жестче, тем лучше? Так вот на целом свете не сыщется человека жестче меня. Нигде и никогда. Уберите с глаз моих этого червя!

Иней схватил Харкера за облачение и поволок по загаженному полу к двери.

– Погодите! – взвыл инквизитор, цепляясь за косяки. – Прошу вас! Вы не можете со мной так поступить!

Вскоре его крики стихли в глубине коридора.

Глаза Витари улыбались, будто она получила необыкновенное удовольствие от разыгравшегося спектакля.

– А что делать с этой помойкой?

– Вычистить. – Глокта бессильно привалился к стене, утирая дрожащей рукой потное лицо; бок по-прежнему сводило от пульсирующей боли. – Вымойте здесь все. Тела похороните.

Витари кивнула на девочку.

– А ее куда?

– Искушайте. Оденьте. Накормите. Пусть идет, куда хочет.

– Стоит ли ее купать, если она вернется в Нижний город? – усмехнулась Витари.

«Что верно, то верно...» – задумался наставник, затем бросил через плечо, шагая к дверям:

– Ладно! Раз она прислуживала Давусту, пусть послужит и мне. Пусть возвращается к прежней работе!

Ему не терпелось выбраться наружу. Дышать в камере он уже не мог.

* * *

– Жаль вас разочаровывать, но крепостные стены в нынешнем плачевном состоянии далеко не столь неприступны...

Говорящий умолк на полуслове – в зал заседаний правящего совета Дагоски шаркающей походкой вошел Глокта.

Зал разительно отличался от камеры в подземелье.

«Пожалуй, ничего красивее я в жизни не видел».

Стены и потолок, каждый их дюйм, украшала изящная резьба – переплетающиеся геометрические фигуры пугающей сложности; резной узор обрамлял выполненные в натуральный размер фрески по мотивам кантийских легенд: все они были написаны яркими красками – красной и голубой, все они мерцали золотом и серебром. Пол покрывала восхитительная, замысловатая мозаика. Отполированный до ослепительного сияния длинный стол был инкрустирован пластинами слоновой кости и завитками темного дерева. Из высоких окон открывался впечатляющий вид на пыльную, бурюю часть города и сверкающий залив.

Едва Глокта вступил в зал, к нему поспешила с приветствием женщина внешностью под стать великолепной обстановке – она поистине изумительно вписывалась в царящую вокруг роскошь.

– Меня зовут Карлота дан Эйдер, – с легкой улыбкой сказала женщина, протягивая ему

руки, как старому другу. – Я магистр гидьдии торговцев пряностями.

Глокта был впечатлен. Хотя бы крепостью ее желудка.

«Надо же – ни тени ужаса на лице. Она приветствует меня, будто перед ней не уродливая, скрюченная, подергивающаяся развалина, а такой же красавец, как она».

Прохладный бриз, веющий из высоких открытых окон, играл ее свободным длинным платьем в южном стиле, отчего голубой шелк с серебряной отделкой искрился и переливался. На пальцах, запястьях и шее магистра дан Эйдер сверкали бесценные украшения. Когда она подошла ближе, Глоктору обдало странным сладким ароматом. Будто пряностями, на торговле которыми она, видимо, так сказочно разбогатела. И аромат на него подействовал. Еще как подействовал...

«Что ж, в конце концов, я по-прежнему мужчина. Хоть и в меньшей степени, чем прежде».

– Прошу прощения за свой наряд, но при такой жаре кантийская одежда намного удобнее. Я привыкла к ней за те годы, что здесь живу.

«Ее извинения за свой внешний вид – все равно что извинения гения за свою тупость».

– Это пустяки. – Глокта низко поклонился, насколько ему это позволяли неработающая нога и острая боль в спине. – Наставник Глокта к вашим услугам.

– Мы рады, что вы теперь с нами. Мы так сильно волновались, места себе не находили, когда исчез ваш предшественник, наставник Давуста.

«Подозреваю, что некоторые из присутствующих волновались несколько меньше других».

– Я надеюсь, мне удастся пролить свет на это дело.

– Мы все надеемся... – Карлота непринужденно и уверенно взяла Глоктору под локоть. – Позвольте представить вам остальных.

Однако он не двинулся с места.

– Благодарю вас, магистр, думаю, я сам справлюсь.

Глокта прошаркал к столу: пусть не слишком грациозно, зато самостоятельно.

– Вы, полагаю, генерал Виссбрук, ответственный за оборону города.

Генерал – лысеющий мужчина лет сорока пяти в застегнутой до горла, несмотря на жару, парадной форме – буквально лоснился от пота.

«А тебя я помню! Вместе воевали в Гуркхуле. Майор Собственного королевского полка. Редкостный тупица, это все знали. Похоже, ты, приятель, неплохо устроился. Как все дураки».

– Рад вас видеть, – проронил Виссбрук, едва оторвав глаза от документов.

– Еще бы! Всегда приятно возобновить старое знакомство.

– Мы знакомы?

– Сражались плечом к плечу в Гуркхуле.

– Неужели? – Потное лицо генерала исказилось от изумления и ужаса. – Так вы... тот самый Глокта?

– Да, я тот самый Глокта, как вы выразились.

Виссбрук растерянно хлопал глазами.

– Э-э... хм... э-э... Как поживали все это время?

– В мýке и страданиях. Спасибо, что поинтересовались. Зато вы, смотрю, преуспели, это великое утешение. – Генерал снова захлопал глазами, но Глокта ждать ответа не стал. – Это, должно быть, лорд-губернатор Вюрмс. Большая честь для меня, ваша светлость.

Старик Вюрмс олицетворял собой карикатуру на дряхлость, усохшее тело в просторной мантии напоминало съезжившуюся под ворсистой кожицей сливу. На сияющей плечи торчало несколько седых пучков волос, а руки, по-видимому, дрожали даже в зной. Он, щурясь, посмотрел на Глокту слабыми слезящимися глазами и недоуменно спросил:

– Что? Что он сказал? – Вид у лорд-губернатора был озадаченный. – Кто этот человек?

Генерал Виссбрук наклонился к старику через стол и, едва не касаясь губами уха, громко прокричал:

– Наставник Глокта, ваша светлость! Вместо Давуста!

– Глокта? Глокта? А куда, черт побери, подевался Давуст?

На вопрос никто не удосужился ответить.

– Меня зовут Корстен дан Вюрмс.

Небрежно развалившийся в кресле сын лорд-губернатора произнес свое имя, словно волшебное заклинание, а руку для приветствия протянул, словно драгоценный дар. Гибкий и атлетичный в той же степени, в какой был стар и морщинист его отец, белокурый загорелый красавец буквально лучился здоровьем.

«Уже всем сердцем его презираю».

– Если не ошибаюсь, вы когда-то прекрасно фехтовали. – Молодой Вюрмс с насмешливой улыбкой оглядел Глокту с головы до ног. – Я тоже фехтую, но, к сожалению, здесь у меня нет достойных соперников. Может, нам устроить как-нибудь поединок?

«С удовольствием бы с тобой сразился, крысеныш. Если бы у меня действовала нога, я бы устроил тебе поединок! Ты и глазом не успел бы моргнуть, как я бы тебя выпотрошил».

– Да, прежде я фехтовал, но – увы! – пришлось это дело оставить. Здоровье не позволяет. – Глокта обнажил десна в беззубой ухмылке. – Впрочем, я мог бы поделиться с вами кое-какими хитростями, если хотите усовершенствовать свое мастерство.

Вюрмс помрачнел, а Глокта двинулся дальше.

– Вы, полагаю, хаддиш Кадия.

Хаддиш, высокий, стройный мужчина с длинной шеей и усталыми глазами, был облачен в простое белое одеяние и белый, обмотанный вокруг головы тюрбан.

«По виду и не скажешь, что он богаче туземца из Нижнего города, однако в нем чувствуется достоинство».

– Да, я Кадия. Народ Дагоски избрал меня своим представителем, чтобы я говорил от его имени. Только я уже не хаддиш. Священнослужитель без храма – не священнослужитель.

– Долго нам еще слушать о храме? – страдальчески взвыл Вюрмс.

– Долго – пока я заседаю в совете. – Он перевел взгляд на Глокту. – Итак, в городе новый инквизитор? Новый дьявол. Новый сеятель смерти. Ваши приезды и отъезды, палач, меня не интересуют.

Глокта улыбнулся.

«Сразу же в лоб объясняется в ненависти к инквизиции, даже не познакомившись с моими методами. Что ж, трудно ожидать любви народа к Союзу, когда их держат на положении рабов в собственном городе. Может быть, Кадия и есть предатель?»

Или генерал Виссбрук? Конечно, он производит впечатление преданного делу вояки. Люди со столь развитым чувством долга и в равной мере неразвитым воображением интриги не плетут. Однако человек, который не радеет о собственной выгоде, не лицемерит, не скрывает какие-то тайны, редко становится генералом.

Или Корстен дан Вюрмс?..»

Молодой человек презрительно косился на Глокту, словно на загаженную уборную, куда его случайно занесло по нужде.

«Сколько раз я встречал заносчивых молокососов вроде него! Пусть он сын самого лорд-губернатора, но такие преданы только себе.

Или магистр Эйдер? Она сама улыбочивость и любезность, но глаза ее тверды, словно алмазы. Оценивает меня, как купец наивного покупателя. С ней явно все не так просто. За прекрасными манерами и любовью к заморским фасонам платьев кроется кое-что посерьезнее. Куда серьезнее...

Или лорд-губернатор? – Теперь ему казался подозрительным даже старик. – Так ли он плохо видит и слышит, как показывает? Не наигранно ли шурится, требуя объяснить, что происходит? Может, ему известно больше других?»

Глокта похромал к окну и, прислонившись к прекрасной резной колонне, залюбовался восхитительной панорамой; заходящее солнце по-прежнему припекало лицо. За спиной беспокойно шуршали и бродили члены совета, им явно не терпелось избавиться от свалившегося на них как снег на голову гостя.

«Интересно, скоро ли калеке велят ковлять прочь из чудесного зала? Ни одному из них я не доверяю. Ни одному. – Глокта ухмыльнулся. – Собственно, так и должно быть».

Первым потерял терпение Корстен дан Вюрмс.

– Наставник Глокта! – раздраженно воскликнул он. – Спасибо, что почтили нас своим присутствием, но вас наверняка ждут неотложные дела. Как и нас.

– Разумеется.

Глокта с преувеличенной медлительностью, приволакивая ногу, направился обратно к столу, в сторону выхода. Затем выдвинул кресло... и, кривясь от боли, осторожно в него опустился.

– Я постараюсь вставлять замечания по минимуму. По крайней мере, поначалу.

– Что? – изумился Виссбрук.

– Кто этот парень? – требовательно спросил лорд-губернатор, вытягивая вперед шею и щуря глаза. – Что происходит?

Его сын высказался более определенно:

– Что вы, черт возьми, делаете? Вы ненормальный?

Хаддиш Кадия тихо засмеялся: то ли над Глоктой, то ли над гневом членов совета.

– Пожалуйста, господа, прошу вас! – Магистр Эйдер говорила мягко и терпеливо. – Наставник только приехал, поэтому не осведомлен о заведенных у нас порядках. Видите ли, ваш предшественник никогда не посещал заседания городского совета. Вот уже несколько лет мы успешно правим городом, и...

– А закрытый совет так не считает. – Глокта двумя пальцами поднял над собой королевский приказ и, подождав, пока все рассмотрят тяжелую, красную с золотом, печать, резко толкнул его через стол.

Члены совета с подозрением уставились на документ. Карлота дан Эйдер развернула свиток и начала читать.

– Похоже, это мы не осведомлены... – проронила она, нахмурившись, а затем вскинула идеально выщипанную бровь.

– Дайте-ка взглянуть! – Корстен дан Вюрмс вырвал у нее приказ и заскользил глазами по бумаге. – Невероятно... – пробормотал он. – Невероятно!

– Боюсь, что вероятно. – Глокта одарил собрание беззубой ухмылкой. – Архилектор

Сулыт крайне обеспокоен. Он поручил мне расследовать исчезновение наставника Давуста, а также проверить, насколько город готов к обороне – то есть тщательно осмотреть крепостные стены и удостовериться, что гурки продолжают толкаться у их подножия. Для успешного выполнения заданий архилектор позволил мне использовать любые, необходимые, на мой взгляд, средства. – Он выдержал многозначительную паузу. – Любые... средства.

– В чем дело? – рассвирепел лорд-губернатор. – Я хочу знать, что происходит!

Бумагой завладел Виссбрук.

– Королевский приказ... – тихо забормотал он, утирая рукавом потный лоб. – Подписан двенадцатью членами закрытого совета. Наделяет предьявителя всеми полномочиями! – Генерал осторожно положил документ на инкрустированный стол, словно опасаясь, что тот неожиданно вспыхнет. – Это...

– Мы знаем, что это. – Магистр Эйдер, поглаживая кончиком пальца гладкую щеку, задумчиво рассматривала Глокту. Точно купец, который обнаружил, что не он обвел вокруг пальца наивного с виду покупателя, а покупатель – его. – Похоже, наставник Глокта берет бразды правления в свои руки.

– Я бы так не сказал. Ничего я не беру, но на собраниях совета присутствовать буду. Учтите, это лишь первое новшество – одно из многих, которые я намерен ввести.

Глокта устроился в красивом кресле поудобнее: вытянул ноющую ногу, расслабил ноющую спину, – и удовлетворенно вздохнул.

«Вот так почти идеально. – Его взгляд скользнул по кислым лицам членов городского совета. – Если, разумеется, не учитывать, что один из этих милейших людей – опасный изменник. Который уже устранил одного наставника и, вероятно, сейчас обдумывает, как бы избавиться от следующего...»

Глокта откашлялся.

– Так о чем вы, генерал Виссбрук, говорили, когда я вошел? Кажется, о стенах?

Старые шрамы

– Старые ошибки, – важно, нараспев изрек Байяз, – можно совершать лишь единожды. Следовательно, хорошее образование должно делать упор на правильную подачу истории.

Джезаль устало вздохнул. Какого черта этот старик вздумал его просвещать? Уму непостижимо. Самомнение, что ли, разыгралось к старости? В любом случае Джезаль твердо решил ничему не учиться.

– ...Да, именно истории, – задумчиво говорил маг. – У Халциса богатейшая история...

Джезаль огляделся. Окружающий пейзаж его не впечатлил. Если под историей подразумевать возраст, то такого богатства у древнего города-порта Старой империи действительно имелось в избытке. А если брать шире – величие, славу или еще что-нибудь воодушевляющее, – то истории у города, видимо, не было совсем.

Халцис, несомненно, отличался продуманной планировкой, рассчитанной на то, чтобы с широких прямых улиц путешественнику открывались великолепные пейзажи. Однако прекрасные когда-то городские виды за долгие века превратились в панораму разложения и упадка: заброшенные дома, разверстые окна, дверные проемы, печально вззирающие на развороченные площади; заросшие сорняками аллеи; перекрытые бульжниками и гниющими бревнами переулки. Половина мостов над лениво текущей рекой обрушилась, но никто их не ремонтировал. Половина деревьев, окаймляющих просторные авеню, погибли, засохли, сгинули под лозами плюща.

Древний порт не имел ничего общего с Адуей, где от причалов и трущоб до самого Агрионта бурлила жизнь. Порой Джезаль казалось, что беспокойный родной город слишком суматошен и вот-вот лопнет по швам от наплыва людей, но теперь, при виде редких оборванных горожан Халциса, бродящих по гниющим останкам города, у него не осталось сомнений, какая атмосфера ему все-таки по душе.

– ...За время нашего путешествия, мой юный друг, вам не раз представятся возможности для самосовершенствования. Не упускайте их! Особенно советую поучиться у мастера Девятипалого. Думаю, у него вы могли бы многое перенять...

Джезаль едва не присвистнул от удивления.

– У этой обезьяны?

– Об этой, как вы выразились, обезьяне слагают легенды по всему Северу. Правда, на родине Девятипалого зовут Девять Смертей. Его имя повергает в трепет сердца сильнейших воинов: соратникам оно придает мужества, на врагов наводит ужас. Он непревзойденный опытный боец и хитроумный тактик, а кроме того, обладает умением рассказывать меньше, чем ему ведомо. – Байяз искоса взглянул на Джезаль. – Хотя некоторым моим знакомым свойственно обратное.

Джезаль, помрачнев, ссутулился. Ну чему может научить Девятипалый? Разве что есть руками и не мыться неделями.

– Большой форум, – пробормотал маг, когда они проходили мимо огромной площади. – Пульсирующее сердце города... – Даже в его голосе звучало разочарование. – Рынок, театр, место судебных заседаний, арена для философских и политических споров... В Старую эпоху здесь собирались все жители Халциса – яблоку негде было упасть, суета царила до поздней ночи.

Теперь места хватало в избытке. На обширном пространстве толкалась жалкая горстка

людей, хотя тут свободно уместилась бы толпа в пятьдесят раз большая. Периметр форума опоясывали грязные разбитые статуи на покосившихся пьедесталах, а в центре темнело несколько прилавков, сбившихся в кучу, словно замерзшие овцы.

– Тень былой славы... – Байяз указал на потрепанные статуи. – Сегодня нас интересуют только эти обитатели города.

– Неужели? А кто это?

– Императоры прошлого, мой мальчик, и о каждом есть что рассказать.

Джезаль мысленно застонал. Он историей своей-то страны не особенно интересовался, а тут какое-то гнилое болото на бескрайнем западе мира.

– Да их же целая толпа, – хмуро пробурчал он.

– И это еще не все! История Старой империи насчитывает мно-о-ого веков.

– Потому ее и называют старой, – фыркнул Джезаль.

– Поосторожнее со мной, капитан Луфар, для этого турнира у вас шпага коротка. Пока ваши предки бегали голышом по землям Союза, объясняясь жестами и поклоняясь грязи, здесь, благодаря моему учителю Иувину, зародилось могущественное государство. До сих пор ни одна страна не сумела с ним сравниться: ни по размеру, ни по богатству, ни по научному и духовному величию. Адуя, Талин, Шаффа – все они лишь жалкое подобие чудесных городов, что процветали в долине великой реки Аос. Это колыбель цивилизации, мой юный друг.

Джезаль обвел взглядом облезлые статуи, гнилые деревья, грязные, пустынные, разрушающиеся улицы.

– И как же оно захирело?

– В двух словах процесс упадка не описать. Успеху и славе всегда сопутствуют поражение и позор. А еще тихая зависть. Зависть и гордыня порождают ссоры, а те перерастают в междоусобицы и войны. Две крупномасштабные войны привели к чудовищной катастрофе. – Маг проворно подскочил к ближайшей статуе. – Но даже из катастроф можно извлечь урок, мой мальчик.

Тот скривился. Нужны ему уроки, как гнилой член! И ничей он не «мальчик»! Однако старика его упрямство ни капли не смуцало.

– Великий правитель должен быть безжалостен, – затянул Байяз. – Если его жизни или власти грозит опасность, он должен действовать молниеносно, без колебаний и сожалений. За примером далеко ходить не надо – возьмем императора Шиллу. – Запрокинув голову, он посмотрел на высящуюся над ними мраморную статую с истертым временем и стихиями лицом. – Едва он заподозрил своего управляющего в тайных помыслах о троне, то приказал его немедленно казнить, жену и детей задушить, а родовой особняк в Аулке сровнять с землей. – Маг пожал плечами. – Без малейших доказательств. Да, жестоко. Да, чересчур. Но излишняя жестокость предпочтительнее ее недостатка. Уж лучше пусть боятся, чем презирают. Шилла это знал. В политике нет места чувствам, понимаете?

«Понимаю я одно: куда ни поверни, везде тебя норовит поучить жизни какой-нибудь старый хрен». – Разумеется, Джезаль этого не сказал, только подумал. Он хорошо помнил, как у него на глазах разлетелся на клочки практик инквизиции. Помнил хлюпающий звук разрывающейся плоти. Помнил брызги горячей крови на лице. Брр... Кошмарное зрелище! Нервно сглотнув комок в горле, он уставился на носки ботинок и уныло промямлил:

– Понимаю.

И Байяз продолжил бубнеж:

– Конечно, великому королю не обязательно быть тираном! Главная цель правителя – завоевать любовь простолюдинов. Это почти ничего не стоит: немного великодушия, немного уступок – и они будут обожать тебя до конца твоих дней.

Как бы ни был опасен старик, тут уж Джебаль смолчать не мог: в политике Байяз явно не разбирался.

– Какой толк от любви простолюдинов? Деньги, армия, сила – все это у знати.

Маг возвел глаза к облакам.

– Вот они, слова сущего ребенка, которого в два счета обведет вокруг пальца любой мошенник. Откуда же у знати деньги, как не с налогов, которые платят крестьяне за пользование землей? А кто служит в армии? Разве не сыновья и супруги простолюдинок? Откуда у господ сила? От покладистости вассалов, и только от нее! Если крестьяне разозлятся как следует, сила знати улетучится с пугающей быстротой. Возьмем, к примеру, императора Дантуса.

Он указал на статую с отбитой по плечо рукой; в ладони вытянутой вперед уцелевшей руки с холмиком мусора пышно разросся мох. Вместо носа в мраморе зияла грязная ямка, придающая лицу императора выражение вечной смущенной растерянности, какое возникает у человека, к которому неожиданно заглянули в уборную.

– Народ души в нем не чаял. За всю историю мира ни одного правителя так не любили! – сказал Байяз. – С каждым он обращался, как с равным, а половину своих доходов жертвовал бедным. Однако знать устроила против Дантуса заговор и, заточив свергнутого императора в тюрьму, возвела на трон своего ставленника.

– Неужели? – пробурчал Джебаль, пристально вглядываясь в другой конец полупустой площади.

– Однако народ не бросил обожаемого монарха в беде. Простолюдины вышли на улицы и устроили бунт. Справиться с мятежниками новым правителям не удалось. Изменников выволакивали из дворцов и вешали на первых попавшихся перекладинах. Уцелевшие заговорщики, испугавшись народного гнева, тут же вернули трон Дантусу. Надеюсь, теперь, мой мальчик, вы убедились, что любовь народа – вернейшая защита правителя от врагов?

Тот вздохнул.

– А я предпочитаю поддержку господ.

– Ха! Их любовь дорога и непостоянна, как ветер. Разве вы, капитан Луфар, не дежурили в Круге лордов на заседаниях открытого совета?

Джебаль нахмурился. Возможно, в болтовне старика есть крупица истины...

– Да, – продолжал Байяз, – такова любовь знати. Представителей высокого сословия лучше разобщить. Разжечь между ними зависть. Устроить соревнование за малые милости. Любой их успех выставлять как свою заслугу. А главное – не допустить, чтобы хоть один из них набрал силу и бросил вызов своему повелителю.

– А это кто?

Джебаль указал на статую, которая была заметно выше остальных: красивый мужчина средних лет с густой бородой и выющимися волосами. Впечатляющее лицо. Только губы мрачно сжаты, да гордое чело гневно сморщено. Сразу видно – с таким шутки плохи.

– Это мой учитель Иувин. Он не император – он советник. Для многих – первый и единственный. Он создал империю, он же ее, по сути, и разрушил. Великий человек, великий во всех отношениях. Увы! У великих людей великие промахи. – Маг покрутил в руке ветхий посох. – Уроки истории надо знать назубок. Старые ошибки можно совершать только

раз. – Он помолчал. – За исключением тех ситуаций, когда нет другого выбора.

Джезаль потер глаза и оглядел форум. Лекция, пожалуй, пошла бы на пользу кронпринцу Ладиславу. Хотя... вряд ли. Неужели вот для этого он, Джезаль, распрощался с мечтой о славе и возможном повышении, ради которых так усердствовал на службе? Неужели его оторвали от друзей лишь для того, чтобы он выслушивал унылые разглагольствования странного плешивого скитальца?

Погрустнев, он рассеянно уставился на трех солдат, шагающих через площадь, и вскоре понял, что те направляются напрямик к нему и Байязу. Еще две тройки солдат приближались к ним с других сторон.

У Джезала пересохло в горле. Доспехи и оружие солдат, старомодные, но крепкие, не на шутку его встревожили: их явно не раз испытывали в бою. Фехтование – одно дело, а настоящая драка, где тебя могут серьезно ранить или даже убить, – совсем другое. Нет, разумеется, он не трусит! Просто слегка напрягся: когда на тебя с трех сторон наступают девять вооруженных мужчин, отрезав все пути к бегству, волнение естественно.

Байяз тоже их заметил.

– Кажется, нам подготовили теплую встречу.

Солдаты окружили их кольцом: лица непроницаемы, оружие крепко сжато. Джезаль, расправив плечи, напустил на себя грозный вид, однако смотреть в глаза подошедшим не стал и за эфесы клинков не взялся. Незачем их лишний раз нервировать, напрашиваясь на внезапный удар кинжалом.

– Вы Байяз, – сказал командир отряда, крупный мужчина в шлеме, увенчанном грязным красным пером.

– Это вопрос?

– Нет. Наш господин, наместник императора, Саламо Нарба, губернатор Халциса, приглашает вас во дворец на аудиенцию.

– Приглашает? – Маг обвел взглядом солдат, а затем, приподняв брови, посмотрел на Джезала. – Думаю, отказываться грубо. Тем более что наместник прислал за нами почетный эскорт. Что ж, ведите.

* * *

Если хочешь рассказать о Логене Девятипалом, скажи, что все у него болело. Хромая, тяжело дыша, взмахивая руками, чтобы удержать равновесие, он медленно брел по разбитым булыжным мостовым; всякий раз, стоило ему опереться на большую ногу, его лицо искажала мученическая гримаса.

Брат Длинноногий, оглянувшись через плечо, ухмыльнулся при виде столь жалкого зрелища.

– Как твои раны, друг мой?

– Болят, – процедил Логен сквозь сжатые зубы.

– Думаю, ты терпел боль и похуже.

– Угу...

Старых шрамов у Логена и правда было не счесть. Боль преследовала его на протяжении всей сознательной жизни: времени на полное исцеление в перерывах между схватками не хватало. Первую серьезную рану пятнадцатилетнему Логену нанес шанка – рассек лицо, –

однако деревенских девушек это не смутило, и они с прежним интересом поглядывали на худощавого гладкокожего юношу. Он потрогал пальцем старый рубец. Вспомнил задымленную комнату, как отец прижимал к его щеке бинт, как ужасно щипало кожу, как кусал губы, чтобы не закричать. Мужчине кричать не пристало.

Если можно сдержаться. Он вспомнил, как лежал в паршивой палатке лицом в землю, пока в его спине, под барабанную дробь ледяного дождя, выскивали отломившийся наконечник стрелы. Как он грыз, грыз клочок кожи, а потом выплюнул его... и взвыл. Целый день ушел на поиск дрянной железяки. Логен, поморщившись, расправил онемевшие лопатки. После того ора он неделю не мог слова вымолвить.

А после поединка с Тридуба – даже больше недели. И ходил с трудом. И ел. И почти ничего не видел. Челюсть свернута, скула разбита, переломанных ребер не счесть. Кости были раздроблены до такой степени, что оставалось только лежать размазней да хныкать от непрерывной боли и жалости к себе, вскрикивая, точно младенец, от потряхивания носилок, – и радоваться, что старуха кормит тебя с ложечки.

Таких терзающих душу и тело воспоминаний у него накопилось в избытке: сводящая с ума жгучая боль при потере пальца в битве при Карлеоне; суточный обморок в горах от удара по голове и внезапное пробуждение; кровавая моча после ранения копьем в живот (Хардинг Молчун постарался). Логен вдруг ощутил все шрамы на истерзанной коже и обхватил руками ноющее тело.

Да, старых ран было много, однако нынешних страданий это не облегчало. Рассеченное плечо горело, будто к нему приложили уголек. Однажды он видел, как человек из-за пустяковой царапины, полученной в бою, потерял руку. Сначала ему отняли кисть, потом отхватили руку по локоть, затем по плечо. Вскоре бедняга слег, начал бредить, а там и дышать перестал. Возвращаться в грязь таким путем Логену не хотелось.

Он, хромя, подошел к полуразрушенной осыпающейся стене, оперся на камни, кое-как высвободился из куртки, с трудом расстегнул непослушными пальцами пуговицы рубахи, выдернул из бинтов булавку и осторожно их приподнял.

– На что похоже? – спросил Логен.

– На праматерь всей коросты, – пробормотал Длинноногий, рассматривая его плечо.

– А как запах? Есть?

– Хочешь, чтобы я понюхал?

– Просто скажи, воняет или нет.

Навигатор, склонившись над плечом Логена, тщательно обнюхал рану.

– Явный запах пота. Возможно, от подмышки. Боюсь, медицина не входит в число моих выдающихся дарований. По мне, все раны пахнут одинаково. – И снова закрепил бинты булавкой.

Логен натянул рубаху.

– Если бы рана начала гнить, ты бы сразу учуял, уж поверь. Вонь, будто из могилы. А от гнили уже не избавиться. Разве что клинком. Но это паршиво...

Его передернуло, и он осторожно придавил ладонью ноющую рану.

– Ну что ж, – проронил Длинноногий, размашисто шагая в глубь полупустой улицы, – тебе повезло. В нашем отряде есть женщина по имени Малджин. Искусство беседы не входит в число ее талантов, но вот исцеление ран... Да-а... Я сам видел и скрывать не стану: кожу она сшивает, как опытный сапожник, – спокойно, ровненько. Вот ей-богу! Орудует иголкой ловко, аккуратно. Загляденье! Не хуже королевской портнихи! Полезный талант

в этих краях. Не удивлюсь, если ее дарование нам не раз пригодится по пути к нашему пункту назначения.

– Дорога опасна? – поинтересовался Логен, все еще пытаясь натянуть куртку.

– Спрашиваешь! Север дик. Там всегда царили беззаконие, кровавые междоусобицы, жестокие разбойники... Все местные вооружены до зубов и готовы без промедления убить любого. В Гуркхуле заморские путешественники остаются на свободе лишь благодаря капризу местного губернатора, а вообще в любой момент рискуют угодить в рабство. В стирийских городах за каждым углом таятся головорезы и карманники. Впрочем, тебя еще на воротах обернут до нитки местные власти. Воды Тысячи Островов кишат пиратами – практически по одному на каждого купца. А в далеком Сулджукэ чужаков боятся и презирают: никогда не знаешь, укажут тебе дорогу или подвесят за ноги и перережут горло. Круг Мира, мой девятипалый друг, просто кишит опасностями. Но если тебе этого мало, если ты жаждешь приключений посерьезнее, отправляйся в Старую империю. – Брат Длинноногий как будто наслаждался своей речью.

– Там так ужасно?

– О да! Ужаснее не бывает! Особенно если это не короткая поездка, а путешествие через всю страну.

Логен поморщился.

– А маршрут именно таков?

– Да, маршрут, как ты выразился, таков. С незапамятных времен Старая империя расколота гражданской войной. Единая страна под управлением одного императора, исполнение законов которого обеспечивали могущественная армия и лояльное правительство, за долгие годы превратилась в бурлящую похлебку из мелких княжеств, безумных республик, городов-государств и крошечных феодалов, ибо теперь немногие подчинятся тому, кто не грозит им мечом. Границы между налогами и разбоем, между войной и кровавым убийством, между законными требованиями и капризом размылись, исчезли! Почти каждый год очередной жадный до власти головорез объявляет себя владыкой мира. Помню, лет пятьдесят назад там водилось не меньше шестнадцати императоров за раз.

– Ого! Пятнадцать явно лишние.

– По мнению некоторых, лишние все шестнадцать. И ни один не дружелюбен к путешественникам. Отправиться на тот свет в Старой империи можно как угодно и от чего угодно – выбор у жертвы богатейший. Причем не обязательно от рук человека.

– А от чего же?

– Ты как дитя, ей-богу! А природа? Сколько коварных ловушек расставила она на пути! Тем более что на носу зима. К западу от Халциса на сотни миль простираются бескрайние зеленые равнины. Наверное, в Старую эпоху там были поселения с возделанными полями и отличными мощеными дорогами. Теперь на месте городов безмолвные руины, на месте полей – пропитанная ливнями пустошь, на месте дорог – разбитые каменистые тропы, увлекающие неосторожных путников в болотную трясины.

– В трясины... – задумчиво качая головой, эхом повторил Логен.

– Встречаются там уголки и похуже! Через заброшенные пустоши тянется глубокая извилистая долина реки Аос, величайшей из рек Земного круга. И нам придется как-то переходить на другую сторону. Уцелело всего два моста: один в Дармиуме – будем уповать на него, – а другой в Аостуме, миль на сто западнее. Есть, конечно, броды, но Аос – река быстрая, широкая, а долина глубока и опасна. – Длинноногий прищелкнул языком. – И это

мы еще до Изломанных гор не добрались.

– Что, высокие?

– Очень! Невероятно высокие и коварные. Изломанными их называют из-за неприступных склонов, извивистых ущелий и отвесных обрывов. По слухам, перевалы есть, но карты давным-давно утеряны. Если вообще существовали. Когда пересечем горы, погрузимся на корабль...

– Ты собираешься волочь через горы корабль?

– Наниматель уверяет, что достанет судно по ту сторону гор. Ума не приложу, как он это сделает, потому что территории там почти неизведанны. А поплывем мы прямо на запад, к острову Шабульян... Говорят, он вздымается над океаном на самом краю мира.

– Говорят?

– О нем только по слухам и знают. Даже в знаменитом ордена навигаторов, насколько мне известно, никто не дерзнул заявить, будто его нога ступала на загадочный остров. А братья моего ордена славятся... м-м-м... скажем так, громкими заявлениями.

Логен задумчиво поскреб лицо, жалея, что не поинтересовался планами Байяза заранее.

– Путь, похоже, длинный...

– О, более отдаленное место назначения вообразить трудно!

– И зачем мы туда идем?

Длинноногий пожал плечами.

– Спросишь нанимателя. Мое дело – искать дороги, а не обоснования. Прошу тебя, следуй за мной, мастер Десятипалый! Умоляю, не отставай! Мы ведь собираемся прикинуться купцами, так что дел невпроворот.

– Купцами?

– Так решил Байяз. Купцы часто отправляются в рискованное путешествие из Халциса в Дармиум и даже в Аостум. Это по-прежнему большие города, только отрезаны от остального мира. Поставляя туда заморские предметы роскоши вроде гуркхульских пряностей, сулджукских шелков и чагги с Севера, можно озолотиться. Если выживешь, за месяц утроишь свои вложения! Торговые караваны на запад ходят часто – разумеется, в сопровождении хорошо вооруженной охраны.

– А как же разгуливающие по равнине грабители-убийцы? Разве они не за купцами охотятся?

– Само собой, за купцами, – ответил навигатор. – Но маскарад мы устраиваем, чтобы защититься от иной опасности. Той, что грозит непосредственно нам.

– Что за иная опасность? Неужели с нас не достаточно?

Однако Длинноногий ушел уже далеко вперед и вопрос не услышал.

* * *

По крайней мере, в одной части Халциса бывшее величие померкло не совсем. Зал, куда стражники – или, вернее, похитители – препроводили Байяза и Джезаля, оказался поистине великолепен.

В глубь обширного помещения убегали два ряда высоких, как лесные деревья, колонн, высеченных из блестящего зеленого камня с серебряными прожилками. Потолок насыщенного темно-синего цвета украшала россыпь сияющих звезд и соединенных

золотыми линиями созвездий. У дверей темнел глубокий бассейн, в водной глади которого отражалось окружающее убранство: еще один сумрачный зал, еще одно сумрачное ночное небо.

На кушетке, стоящей на возвышении в дальнем конце зала, в небрежной позе возлежал наместник императора – огромный, тучный, круглолицый мужчина. Перед кушеткой располагался стол, загроможденный всевозможными деликатесами, и пока униженные тяжелыми золотыми перстнями пальцы закидывали в рот самые лакомые кусочки, пара глаз пристально буравила взглядом прибывших гостей – или, вернее, пленников.

– Я Саламо Нарба, наместник императора и губернатор города Халциса. – Мужчина пошевелил челюстями, выплюнул косточку оливки, и та со звоном упала в блюдо. – Это тебя называют первым из магов?

Байяз склонил лысую голову. Нарба поднял двумя мясистыми пальцами кубок с вином, отпил, медленно погонял жидкость во рту, рассматривая странников, а затем сглотнул.

– Байяз?

– Он самый.

– Хмм... Не сочти за оскорбление... – Наместник извлек крошечной вилкой из раковины устрицу. – Но твое присутствие в городе меня тревожит. Видишь ли, политическая ситуация в империи... нестабильна. – Он поднял бокал. – В большей степени, чем обычно. – Отпил, погонял во рту, сглотнул. – И меньше всего тут нужны люди, которые... способны нарушить хрупкое равновесие.

– Нестабильна? Да еще в большей степени, чем обычно? – переспросил маг. – Я думал, Сабарбус в конце концов всех утихомирил.

– Утихомирил. На время. Пока держал под каблуком. – Нарба сорвал с виноградной грозди пригоршню ягод и, забрасывая их по очереди в разверстый рот, откинулся на подушки. – Увы! Сабарабус... мертв. Вроде бы отравлен. Его сыновья... Скарио... и Голтус... вдрызг разругались из-за наследства... и затеяли войну. Жестокую, кровопролитную – такая чересчур даже для нашего измученного сражениями края. – Он сплюнул косточки на стол. – Голтус засел в городе посреди великой равнины – в Дармиуме. Тогда Скарио позвал на помощь лучшего военачальника отца, генерала Кабриана, и тот взял город в кольцо. Подкрепления горожанам ждать было неоткуда, поэтому не так давно, спустя пять месяцев осады, исчерпав запасы провизии... они сдались.

Легат впился зубами в спелую сливу, по подбородку побежала струйка сока.

– Значит, победа практически у Скарио в руках?

– Ха! – Нарба вытер лицо кончиком мизинца и небрежно швырнул недоеденный фрукт на стол. – Овладев городом, Кабриан отдал его на разорение солдатам, а сам занял древний дворец, присвоил все имеющиеся сокровища и провозгласил себя императором.

– Ах, вот как? Похоже, тебя такой поворот событий не очень трогает...

– Разумеется, в душе я скорблю, но подобное происходило не раз. Скарио, Голтус, теперь Кабриан... Три самопровозглашенных императора сошлись в смертельной битве. Их армии разоряют окрестные земли, а сохранившие независимость города, в ужасе взирая на творящиеся бесчинства, делают все возможное, чтобы уцелеть в этом кошмаре.

Байяз помрачнел.

– Я направляюсь на запад. Мне нужно пересечь Аос. Ближайший мост в Дармиуме.

Наместник сокрушенно покачал головой.

– Если верить слухам, Кабриан всегда славился эксцентричными выходками, но

с недавних пор окончательно утратил разум: убил жену, взял в супруги трех собственных дочерей и объявил себя божеством. В город не попасть, ворота заперты, так как Кабриан избавляется от ведьм, демонов и предателей. Каждый день на виселицах новые трупы, а виселицы у него на всех перекрестках. Страже приказано никого не впускать, никого не выпускать. Вот такие из Дармиума вести.

– Тогда остается Аостум... – проговорил Байяз.

От его слов у Джезалья на душе немного повеселело.

– Из Аостума теперь пути через реку нет. Спасаясь от войск мстительного брата, Скарио переправился на другой берег, а мост велел обрушить. И инженеры выполнили приказ.

– Он уничтожил мост?!

– Да, уничтожил. Уничтожил чудо Старой эпохи, простоявшее две тысячи лет. От моста ничего не осталось. Вдобавок ко всему после обильных ливней великая река превратилась в глубокий бурный поток. Бродов нет. Боюсь, в нынешнем году Аос вам не пересечь.

– Так или иначе, я должен перебраться на другую сторону.

– Увы, не получится. На твоем месте я бы вернулся туда, откуда пришел, предоставив империю ее горькой судьбе. Мы, жители Халциса, всегда старались держаться золотой середины и сохранять нейтралитет, не ввязываясь в раздражающиеся вокруг все более чудовищные катастрофы. Мы верны обычаям предков. – Нарба указал на себя. – Как и в Старую эпоху, городом правит наставник императора – не разбойник, не мелкий вождь или лжеимператор! – Он вяло обвел пухлой рукой роскошный зал. – Вопреки всему, мы сумели сберечь остатки былой славы, и я не намерен этим рисковать. Твой друг Захарус был здесь примерно месяц назад.

– Здесь?!

– Да. Он заявил, что Голтус – законный император, и потребовал, чтобы я его поддержал. Я выгнал Захаруса, ответив так же, как отвечу тебе: нас устраивает наша жизнь, мы, жители Халциса, счастливы! Вы преследуете свои интересы, и мы не желаем участвовать в ваших интригах. Убирайся-ка подобру-поздорову, маг, не лезь в чужие дела. Даю три дня на то, чтобы покинуть город.

Когда стихло эхо последних слов, повисла долгая пауза – долгий миг мертвой тишины. Байяз становился все мрачнее и мрачнее. В пустоте выжидательного безмолвия быстро сгущался страх.

– Ты меня с кем-то перепутал? – прорычал наконец маг, и Джезалью захотелось немедленно спрятаться за одну из красивых колонн. – Я – первый из магов! Первый ученик великого Иувина!

Гнев Байяза давил Джезалью в грудь, точно огромный камень, выжимая из легких воздух, а из тела – силу. Маг поднял мясистый кулак.

– Вот рука, повергшая Канедиаса! Рука, короновавшая Гарода! И ты смеешь мне угрожать? Что ты называешь былой славой – город, съезжившийся за осыпающимися стенами? Да Халцис похож на старого иссохшего воина, тонущего в огромных доспехах, которые носил в молодости!

Нарба молча сжался за серебряными блюдами; Джезаль морщился от ужаса, ожидая, что наместник вот-вот разлетится на куски и прольется на пол кровавым дождем.

– Думаешь, мне есть дело до твоего разваленного нужника, именуемого городом? – бушевал Байяз. – Ты даешь мне три дня? Да меня тут завтра же не будет!

Резко повернувшись, с высоко поднятой головой, он зашагал по глянцевым плитам

к выходу, а эхо его голоса все еще звенело меж сверкающих стен под мерцающим потолком.

Джезаль на миг растерялся, а затем, дрожащий, ослабевший, с виноватым видом прошаркал вслед за первым из магов мимо онемевших от ужаса стражников и вышел из дворца навстречу яркому солнечному дню.

О состоянии оборонительных укреплений

*«Архилектору Сульту,
главе инквизиции его величества*

Ваше преосвященство!

Я ознакомил членов правящего совета Дагоски с целью моей миссии. Внезапному ограничению власти они не обрадовались, что неудивительно. Расследование обстоятельств исчезновения наставника Давуста идет полным ходом. Думаю, результаты не за горами. Укрепления осмотрю в ближайшее время и предприму все необходимые меры, чтобы враг не прорвался через стены Дагоски.

Буду держать Вас в курсе. Служу и повинуюсь.

Занд дан Глокта,

наставник Дагоски».

Солнце тяжелой громадой придавило осыпающиеся крепостные стены. Придавило оно и склоненную под шляпой голову Глокты, и кривые плечи под черным пальто. Казалось, оно вот-вот сокрушит человека, поставит на колени, выжмет из него всю воду, да и саму жизнь...

«Свежее осеннее утро в чарующей Дагоске», – обобщил свои впечатления наставник с присущей ему иронией.

Вдобавок к атакующему сверху солнцу в лицо бил соленый ветер, налетевший на скалистый полуостров с пустынного моря. Горячий, удушающе пыльный, он бился в городские стены и начищал все вокруг соляной крупой. Он жалил потную кожу Глокты, сушил ему губы, щипал до жгучих слез глаза.

«Похоже, даже природа мечтает от меня избавиться».

По парапету, с раскинутыми руками, точно циркач-канатоходец, покачиваясь, шагала практик Витари. Глокта хмуро косился снизу вверх на долговязый женский силуэт, чернеющий на фоне ослепительно ясного неба.

«Могла бы спокойно идти вниз, а не валять дурака. Впрочем... так есть надежда, что она сверзится».

Высота городской стены составляла не меньше двадцати шагов. Представив, как любимый практик архилектора оступается, соскальзывает и летит кувырком вниз, как ее руки хватаются за воздух, Глокта позволил себе слабо, едва заметно улыбнуться. Может, она даже пронзительно завизжит, прежде чем разобьется насмерть?

Однако Витари не упала.

«Стерва! Нетрудно вообразить, что она напишет архилектору в следующем отчете. «Калека бьется как рыба об лед. Не нашел ни зацепок в деле Давуста, ни предателя, хотя допросил уже полгорода. Арестовал лишь собственного подопечного, члена инквизиции...»

Глокта прикрыл глаза ладонью и, шурясь, устремил взгляд в сторону слепящего солнца. Вдаль от стены тянулся перешеек, соединяющий Дагоску с материком; ширина этой полоски суши составляла не больше нескольких сотен шагов в самом узком месте, а по обе стороны от нее сверкало море. От городских ворот, через желтый кустарник, бурой лентой бежала

дорога: чуть дальше она сворачивала на юг, киссушенным солнцем холмам. Над насыпью, пронзительно вопя, кружила стайка жалких морских птиц. Иных признаков жизни Глокта не заметил.

– Генерал, не одолжите мне подзорную трубу?

Виссбрук со щелчком раскрыл трубу и угрюмо, со шлепком, вложил ее в протянутую ладонь.

«Явно считает, что у него есть дела поважнее, чем устраивать всяким наставникам экскурсии по крепостным стенам».

Тяжело дыша, в безупречном мундире, генерал стоял рядом с Глоктой по стойке «смирно», пухлое лицо лоснилось от пота.

«Старается поддерживать профессиональную выправку. Собственно, кроме выправки, у этого идиота ничего и нет от военного. Но, как говорит архилектор, мы должны работать с теми орудиями, которые у нас есть».

Глокта поднес латунную трубку к глазу.

Вокруг холмов гурки возвели палисад. Высокий забор из деревянных кольев отрезал Дагоску от материка. За частоколом виднелась россыпь палаток, там и сям вились дымки костров. Глокте даже удалось рассмотреть двигающиеся фигурки и блеск начищенного металла: доспехи, оружие... Много доспехов и оружия.

– Прежде в Дагоску приходили караваны, – хмуро проговорил Виссбрук. – В прошлом году мы принимали по сотне караванов в день. Когда начали подтягиваться солдаты императора, торговцев стало меньше. Пару месяцев назад гурки достроили забор, и с тех пор у нас даже осел с парой тюков не появлялся. Все теперь приходится доставлять морем.

Глокта вновь скользнул взглядом от плещущегося моря до плещущейся бухты – еще раз осмотрел лагерь и палисад.

«Может, они просто играют мускулами? Хвастаются, демонстрируют свою мощь? Или настроены серьезно? Гурки любят покрасоваться. Но от хорошей драки не откажутся – потому и завоевали весь Юг. Почти весь».

Он опустил подзорную трубу.

– Сколько там, по-вашему, гурков?

Виссбрук пожал плечами.

– Трудно сказать. Думаю, по меньшей мере, тысяч пять, но за холмами их, возможно, намного больше. Наверняка не выяснить.

«Пять тысяч. По меньшей мере. Если это простая демонстрация мощи, то... впечатляет».

– Сколько у нас людей?

Виссбрук ответил не сразу.

– Под моим командованием около шестисот солдат-союзников.

«Около шестисот? Около? Ах ты тупоголовый кретин! В свое время я знал по имени весь полк! Знал, кто на что способен и какое задание может выполнить!»

– Шестисот? Всего?

– В городе есть наемники, но доверять им нельзя, от них самих частенько хлопот не оберешься. По моему мнению, они более чем бесполезны.

«Меня не интересует твое мнение, меня интересует количество людей!»

– Сколько наемников?

– Примерно тысяча, а может, и больше.

– Кто у них главный?

– Один стириец. Коска. По крайней мере, так он себя называет.

– Никомо Коска? – Вскинув рыжую бровь, Витари удивленно уставилась на генерала с высоты парапета.

– Вы знакомы?

– Можно и так сказать. Я думала, он умер. Нет, похоже, в мире справедливости...

«В этом она права».

Глокта обернулся к Виссбруку.

– Кому подчиняется Коска? Вам?

– Не совсем. Ему платят торговцы пряностями, так что подчиняется он магистру Эйдер.

Теоретически он должен выполнять мои приказы...

– Но практически выполняет лишь собственные?

По лицу генерала Глокта понял, что прав.

«Наемники... Обоюдоострый меч... Служит, пока платишь и готов мириться с его неблагонадежностью».

– Значит, армия Коски в два раза больше вашей.

«Следовательно, оборону города я обсуждаю не с тем человеком. Ладно, может, Виссбрук хотя бы по другому вопросу меня просветит?»

– Вы знаете, что произошло с моим предшественником, наставником Давустом?

Генерал раздраженно дернулся.

– Понятия не имею! Никогда не интересовался перемещениями этого человека.

– Хмм... – задумчиво протянул Глокта, еще крепче прижимая к голове шляпу, чтобы ее не унесло очередным порывом пыльного ветра. – И даже его исчезновение вас не интересует – исчезновение городского наставника инквизиции?

– Нет, – отрезал генерал. – Давуст отличался скверным характером, это все знали. Да и поводов для общения у нас было мало. У инквизиции, если не ошибаюсь, свой круг обязанностей, у меня – свой.

«У-у, какие мы нервные! Впрочем, тут все такие. С того дня, как я приехал. Черт, мне как будто не рады!»

– У вас, значит, свой круг обязанностей?

Глокта проковылял к парапету и ткнул тростью в угол осыпающейся каменной кладки у каблука Витари. Камень отломился и, пролетев вдоль стены, с шумом упал в ров. Глокта обернулся к Виссбруку.

– Как по-вашему, ремонт крепостных стен входит в круг обязанностей военачальника, отвечающего за оборону города?

Генерал ощетинился.

– Я сделал все возможное!

Глокта начал загибать по очереди пальцы свободной руки.

– Стены осыпаются. Людей для обороны не хватает. Ров превратился в болото, его все равно что нет. Ворота лет сто не меняли, пальцем тронь – рассыплются. Если гурки решат атаковать Дагоску завтра, нам не позавидуешь.

– Уверяю вас, это не мое упущение! Виноваты жара, ветер и морская соль! При таком климате дерево и металл портятся почти мгновенно! Чуть дольше держится камень! Вы понимаете, что это за работа? – Виссбрук широким взмахом руки обвел огромную крепостную стену, дугой уходящую в обе стороны к морю: по широкому парапету могла бы

проехать повозка, а у основания кладка была еще толще. – Искусных каменщиков у меня раз-два и обчелся! То же самое с материалами. Суммы, которые выделяет закрытый совет, едва покрывают обслуживание Цитадели! А того, что выплачивают торговцы пряностями, едва хватает на ремонт стен, опоясывающих Верхний город...

«Вот глупец! Такое чувство, что он и не помышляет об обороне города!»

– Если Нижний город окажется в руках гурках, провизию в Цитадель не доставить даже с моря. Верно?

Виссбрук растерянно хлопнул глазами.

– Э-э... да, но...

– Стенам Верхнего города мощной атаки не выдержать – уж больно они длинные, низкие и тонкие. Ими можно только отгораживаться от туземцев, вы со мной согласны?

– Да, разумеется, но...

– Поэтому любой план, где главная линия защиты проходит у Цитадели или стен Верхнего города, рассчитан лишь на то, чтобы потянуть время. До прибытия помощи. А учитывая, что наша армия задерживается сейчас в Инглии, в сотнях миль от Дагоски, помощь подоспеет не скоро.

«Вообще не подоспеет», – вздохнул он.

– Если крепостные стены падут, город обречен. – Глокта постучал тростью по пыльным камням под ногами. – Здесь мы должны сражаться. Здесь должны остановить гурков. А остальное к делу не относится.

– Не относится! – отрывисто повторила Витари, перепрыгивая с одной части парапета на другую.

Генерал стоял мрачнее тучи.

– Я лишь исполняю приказы лорд-губернатора и его совета. Нижний город, как всегда считалось, особой ценности не представляет. Я не несу ответственность за общую политику...

– А я несу. – Глокта посмотрел Виссбруку в глаза и долго не отводил взгляд. – С этого момента все ресурсы должны идти на ремонт и укрепление внешних крепостных стен. Установите новые парапеты, новые ворота, замените каждый треснутый камень. Замажьте все щели так, чтобы муравей не прополз, не говоря уже гуркских войсках.

– Но кто будет работать?

– А кто построил вашу чертову Цитадель и крепостные стены? Разве не туземцы? Значит, есть у них искусные мастера. Ищите, нанимайте рабочих! И расчистите ров, выкопайте его ниже уровня моря! Если гурки приблизятся к стенам, мы его затопим, и Дагоска превратится в остров.

– На это уйдет не один месяц!

– Даю вам две недели. Даже меньше. Задействуйте все свободные руки. В том числе женщин и детей – всех, кто в состоянии держать лопату.

Виссбрук хмуро взглянул на Витари и спросил:

– А как насчет людей из инквизиции?

– О, они по горло заняты допросами: пытаются выяснить, что случилось с вашим последним наставником. А кроме того, сутками напролет присматривают за мной, моими покоями и воротами Цитадели, чтобы нового наставника не постигла участь предшественника. Досадно будет, если я исчезну прежде, чем вы доведете до ума укрепления, правда, Виссбрук?

– Разумеется, наставник, – пробормотал генерал.

«Особого энтузиазма не заметно...»

– Работать должны все. В том числе и ваши солдаты.

– Не думаете же вы, что мои люди...

– Думаю. Каждый должен внести свою лепту. А кто недоволен, пусть проваливает в Адую. И там объясняет причины своего недовольства архилектору. – Глокта одарил Виссбрука беззубой улыбкой. – Незаменимых нет, генерал.

По розовому лицу Виссбрука градом катил пот. Твердый воротничок мундира потемнел от влаги.

– Разумеется, каждый должен внести свою лепту! Рвом займуться немедленно! – Он попытался слабо улыбнуться. – Я найду людей, наставник... но мне нужны деньги. За работу надо платить, даже туземцам. Мне нужны материалы, а подвозить их придется морем...

– Займите, сколько нужно для начала работ. Возьмите кредит. Обещайте все, что угодно, но ничего пока не выплачивайте. Его преосвященство пришлет деньги чуть позже.

«Надеюсь», – мысленно уточнил Глокта и продолжил:

– Каждое утро вы будете представлять мне отчет о том, как продвигаются дела.

– Есть каждое утро!

– Вам предстоит огромная работа, генерал. На вашем месте я бы приступил не мешкая.

Виссбрук помедлил, будто решая, отдать честь или нет, но в конце концов просто развернулся на каблуках и удалился.

«Интересно, что это? Уязвленное самолюбие вояки, вынужденного исполнять приказы штатского? Или досада, что его тщательно выстроенный план по продаже города гуркам летит по моей милости в тартарары?»

Витари спрыгнула с парапета на дорожку.

– Его преосвященство пришлет деньги чуть позже? Мечтать не вредно, – усмехнулась она и легкой прогулочной походкой зашагала прочь.

Глокта хмуро посмотрел ей вслед, затем перевел хмурый взгляд на холмы материка, затем – на Цитадель. Опасности... Кругом опасности... С одной стороны архилектор, с другой гурки, да еще неведомый предатель в компанию.

«Если я дотяну до вечера, это будет чудо».

* * *

Грязная забегаловка – так назвал бы подобное место неисправимый оптимист, хотя столь лестного названия оно едва ли заслуживало. То была вонючая лачуга с рухлядь-мебелью, испещренной застарелыми пятнами пота и свежими каплями расплесканного пойла. Наполовину вычерпанная помойная яма. Даже самый острый глаз не отличил бы обслугу от посетителей: все туземцы, все пьяны в стельку, все лежат, разморенные зноем и алкоголем. Посреди этого разора и спал беспробудным сном прославленный солдат удачи Никоמו Коска.

Спал он сидя, откинувшись назад, так что передние ножки стула висели в воздухе, а спинка упиралась в закопченную стену. Облаченная в сапог нога покоилась на столе. Наверное, когда-то сапог был великолепен: блестящая черная стирийская кожа, золотая шпора, пряжки – не обувь, а мечта вояки. Увы, те дни давно миновали. В долгих походах

голениище истерлось, посерело, смялось; шпора отломилась, золоченые пряжки облезли и покрылись ржавыми пятнами. В подошве зияла дыра, а сквозь нее розовел вспухший мозоль.

Хозяин был под стать сапогу. Длинные усы, которые, очевидно, полагалось укладывать по стирийской моде воском в стороны, безжизненно висели вокруг полуоткрытого рта. Шею и подбородок покрывала недельная поросль – нечто между щетиной и бородой; над воротником виднелась узловатая шелушащаяся сыпь. Сальные волосы вокруг красной, сторевшей на солнце, обширной лысины торчали торчком. Кожа блестела от пота, по одутловатой физиономии ползала муха. На столе валялась пустая бутылка; вторую, наполовину полную, Коска бережно сжимал между ног.

Витари пристально рассматривала это олицетворение пьяного самозапуска, и даже маска не скрывала презрительное выражение ее лица.

– Значит, ты и правда жив...

«Скорее, едва жив», – подумал Глокта.

Коска с трудом приоткрыл красный глаз, недоуменно моргнул, прищурился... Его губы медленно расплылись в улыбке.

– Шайло Витари, чтоб мне провалиться! Вот уж не думал, что меня еще можно удивить!

Он скривился, пошевелил губами и, заметив зажатую между ног бутылку, жадно отхлебнул из горлышка большой глоток. Потом еще. Еще. Будто воду.

«Завзятый пьянчуга. Впрочем, по нему и без того все видно. Едва ли такому можно доверить оборону города. По крайней мере, если судить по первому впечатлению».

– Не ожидал вновь с тобою встретиться. Почему ты в маске? Она лишает меня удовольствия наслаждаться твоей красотой.

– Прибереги любезности для шлюх, Коска. Не хочу подцепить ни цветочка из имеющегося у тебя букета.

Наемник издал булькающий звук – не то смех, не то кашель, – а затем прохрипел:

– Ты, смотрю, все такая же нежная принцесса!

– Да-да, а этот хлев – дворец.

Коска пожал плечами.

– Если напиток как следует, разницы не видно.

– Думаешь, тебе когда-нибудь удастся напиток как следует?

– Не-а. Но попытаться стоит! – И он опять прильнул к бутылке, будто не желая, чтобы слова расходились с делом.

Витари взгромоздилась на край стола.

– Что привело тебя сюда? Я думала, ты бродишь по Стирии, усердно разнося заразу налево и направо.

– В родных краях блеск моей популярности слегка померк.

– Может, ты слишком часто служил и нашим, и вашим?

– Что-то в этом роде.

– А дагосканцы радостно распахнули свои объятья?

– Лучше бы ты радостно распахнула передо мной ноги. Жаль, не все мечты сбываются.

Кто твой друг?

Глокта выдвинул больной ногой шаткий стул и осторожно сел, тихо про себя надеясь, что тот не рухнет. Падение в груды деревяшек едва ли задаст разговору нужный тон.

– Меня зовут Глокта. – Он потянул шею в одну сторону, потом в другую. – Наставник

Глокта.

Коска довольно долго смотрел на него из-под набрякших век запавшими, налитыми кровью глазами.

«А мысль в них все-таки есть! Возможно, он и вполонину не так пьян, как прикидывается».

– Тот самый Глокта, что сражался в Гуркхуле? Полковник?

У Глокты дернулось веко.

«Не тот самый. Право, удивительно, до чего хорошо все меня помнят».

– Я оставил службу несколько лет назад. Странно, что вы обо мне слышали.

– Солдат должен знать своих врагов. А кто станет следующим врагом, наемнику неведомо. Поэтому, крутясь среди солдат, берешь на заметку, кто есть кто. Помню, когда-то ваше имя несколько раз упоминалось в разговорах: мол, с ним надо держать ухо востро. Говорили, человек вы храбрый, умный. Но безрассудный. Так я слышал. А вы теперь вот где, на другой работе. Вопросы задаете.

– Удачи безрассудство мне не принесло. – Глокта пожал плечами. – А время надо как-то убивать.

– Само собой. Вот и я всегда говорю: не осуждай чужой выбор. Кто знает, что человеком движет! Вы зашли выпить, наставник? Боюсь, кроме этого пойла, тут ничего нет. – Он взмахнул бутылкой. – Или у вас ко мне вопросы?

«Или вопросы. Целая уйма».

– У вас есть опыт с осадой городов?

– Опыт? – брызнув слюной, вскричал Коска. – Ха! Спрашиваете! Уж чего у меня в избытке, так это опыта...

– Только с дисциплиной и верностью беда, – бросила из-за плеча Витари.

– Ну-у... – Коска хмуро взглянул на ее спину. – Это смотря кого спрашивать. Я пережил пару жестких осад в Этрине и Муэрисе. А сам несколько месяцев осаждал Виссерин. Еще чуть-чуть – и мы бы его взяли, но нас застала врасплох дьяволица Меркатто. Налетела с конницей, как ураган, перед самым рассветом. Тут солнце поднимается, все дела... Чертовски подлая уловка! С-сука...

– Я слышала, ты тогда валялся пьяный в доску, – заметила себе под нос Витари.

– Э-э... Ну да... Еще я полгода стоял против великого герцога Орсо, защищая Борлетту...

Витари фыркнула.

– Пока он тебе не заплатил, чтобы ты открыл ворота.

Коска смущенно улыбнулся.

– Перед такой горой денег никто бы не устоял. И все-таки согласись, Шайло, – силой-то покорить нас не удалось!

– А зачем применять силу, если можно обойтись кошельком?

Наемник ухмыльнулся.

– Я такой, какой есть, и никем другим притворяться не пытаюсь.

– Значит, вы славитесь тем, что предаете нанимателей? – спросил Глокта.

Рука стирийца, сжимающая бутылку, замерла на полпути к губам.

– А это оскорбление, наставник. Может, Никомо Коска и наемник, но играет по правилам. От нанимателя я уйду лишь при одном условии...

– Каком?

Коска улыбнулся.

– Если другой наниматель предложит большую сумму.

«Ага, кодекс наемника! Некоторые готовы за деньги на все. А за приличные деньги на все готово большинство людей. Например, убрать наставника?»

– Вы знаете, что случилось с моим предшественником?

– А-а, тайна палача-невидимки! – Коска задумчиво поскреб потный подбородок, скovyрнул несколько чешуек на шее и с любопытством рассмотрел набившееся под ноготь. – Понятия не имею. Да кому это вообще интересно? Свинья он был. Я его почти не знал, но мне и шапочного знакомства хватило, чтобы понять: мерзкий тип. Врагов он себе нажил целую кучу. Впрочем, если вы еще не заметили, тут и без него настоящий серпентарий. Если вам интересно, что за змея его укусила... ну, это ведь уже по вашей части, да? Я в ту ночь торчал здесь. Пьянствовал.

«Охотно верю».

– Что вы думаете о нашем общем друге генерале Виссбруке?

Коска, ссутулившись, сполз по стулу чуть ниже.

– Генерал – сущий ребенок. Играет в солдатиков да латает свой игрушечный замок с заборчиком, хотя главная защита – большие крепостные стены. Я всегда говорил: не удержишь их – игра окончена.

– Я тоже так подумал.

«Что ж, в конце концов, оборону города могли доверить кому и похуже», – немного успокоился наставник и поделился своими планами:

– Стенами уже занимаются. И рвом тоже. Хочу залить его водой.

Наемник вскинул брови.

– Превосходно! Заливайте. Гурки воду не любят. Моряки из них никудышные. Заливайте. Отличный план! – Запрокинув голову, он высосал из бутылки последние капли, швырнул ее на грязный пол, вытер грязной рукой губы, а потом вытер руку о рубашку, испещренную пятнами пота. – По крайней мере, хоть кто-то понимает, что делает. Может, когда гурки атакуют, мы продержимся чуть дольше пары дней. Верно?

«Если нас не предали», – подумал Глокта и ответил:

– Трудно сказать. Возможно, гурки не нападут.

– А я надеюсь, что нападут! – Коска извлек из-под стула новую бутылку, вытащил зубами из горлышка пробку и выплюнул ее на другой конец зала; глаза его блестели. – С начала боев мне платят в два раза больше.

* * *

Приемную оведал милосердный вечерний бриз. Прислонившись к стене у окна, Глокта смотрел, как над раскинувшимся внизу городом вытягиваются тени.

Лорд-губернатор заставлял его ждать.

«Старается продемонстрировать, что Дагоской по-прежнему правит он, что бы там ни решил закрытый совет».

Глоктору это не задело: ему хотелось побыть одному, в тишине, – уж больно выматывающий выдался денек. С самого утра наставник бродил по жаре, осматривая стены, ворота, войска. Задавал вопросы, на которые никто не дал удовлетворительных ответов. Нога дрожала, спина ныла, рука стерлась о рукоять трости до крови.

«Не хуже, чем обычно. Я ведь еще держусь вертикально. Хороший, в общем-то, был день».

Сверкающее солнце тонуло в оранжевом облаке. Чуть ниже, в прощальном закатном свете, мерцал серебром длинный клин моря. Густой сумрак крепостных стен уже поглотил половину ветхих домишек Нижнего города, а тени высоких шпилей огромного храма ползли через крыши Верхнего города, вверх по скалистым склонам, к Цитадели. От холмов материка остались только призрачные силуэты, окутанные темной синевою сумерек.

«И кишацие гурками. Наверняка они тоже наблюдают за нами. Смотрят, как мы копаем рвы, лагаем стены, укрепляем ворота... Долго ли гурки будут довольствоваться наблюдением? Скоро ли для нас погаснет солнце?»

Дверь отворилась. Глокта обернулся, сморщившись на миг от болезненного щелчка в шее. На пороге стоял сын лорд-губернатора Корстен дан Вюрмс. Молодой человек закрыл за собой дверь и целеустремленно зашагал через комнату, клацая по мозаичному полу металлическими набойками каблуков.

«А-а, цвет молодой аристократии Союза! Дух благородства почти осязаем. Или просто кто-то испортил воздух?»

– Наставник Глокта! Надеюсь, я не заставил вас ждать.

– Заставили. – Он прошаркал к столу. – Если один человек опаздывает на встречу, то другой его ждет.

Вюрмс слегка нахмурился.

– Что ж, прошу меня простить, – бросил он тоном, в котором не было и тени сожаления. – Как вам город?

– Жаркий. И лестниц много. – Глокта тяжело плюхнулся в изящное кресло. – Где лорд-губернатор?

Брови Вюрмса сошлись еще ближе.

– Отец плохо себя чувствует и принимать посетителей не в состоянии. Он старый человек, сами видите, и ему нужен отдых. От его имени могу говорить я.

– Неужели? И что вы вдвоем мне скажете?

– Меры, которые вы предпринимаете для защиты города, крайне тревожат отца. Мне доложили, что королевских солдат, охранявших стены Верхнего города, отправили рыть ямы на полуострове. Вы бросаете нас на милость туземцев!

Глокта хмыкнул.

– Туземцы – такие же граждане Союза, пусть и не по своей воле. И милости у них куда больше, чем у гурков, уж поверьте.

«Милость гурков я испытал на собственной шкуре».

– Они дикари! – презрительно бросил Вюрмс. – Они опасны! Вы приехали недавно, поэтому не осознаете всю серьезность ситуации! Поговорите с Харкером. Он мыслит в верном направлении: ему-то известно, сколько хлопот могут доставить туземцы.

– Я говорил с Харкером. Направление его мыслей мне не понравилось. Думаю, в темных недрах тюрьмы его убедили пересмотреть свои взгляды.

«Вероятно, его мозг размером с горошину и сейчас усердно работает, пытаюсь пересмотреть их побыстрее».

– А о защите города ваш отец пусть не тревожится. Эту задачу я беру на себя. Он, несомненно, только обрадуется – старым людям, как вы сказали, нужен отдых.

Красивое лицо Вюрмса исказилось от гнева. Он уже открыл рот, намереваясь

прошипеть ругательство, но потом, видимо, передумал.

«И правильно сделал».

Откинувшись на спинку кресла, молодой человек сосредоточенно тер большой палец указательным.

– Наставник Глокта... – мягко, дружелюбно, с обаятельной улыбкой, произнес он наконец, – чувствую, как-то мы с вами не на дружеской ноге...

«Ага, в ход пошла лесть».

– Нога у меня действует только одна.

Улыбка Вюрмса слегка угасла, однако он продолжил:

– Да, сейчас вы на коне, но у моего отца много влиятельных друзей в Срединных землях. Если я захочу, то сумею создать вам немало проблем. Или же, наоборот, хорошо помогу...

– Рад, что вы решили сотрудничать. Тогда для начала скажите, куда подевался наставник Давуст.

Улыбка угасла окончательно.

– Откуда мне знать?

– Каждый что-то да знает, – изрек наставник и мысленно добавил: «А кто-то знает больше остальных – может быть, вы, Вюрмс?»

Сын лорд-губернатора задумался.

«Интересно, что с ним?.. Туго соображает или вправду виноват? О чем он думает: как помочь или как замести следы?»

– Я знаю, что его ненавидели туземцы. Они постоянно устраивали против нас заговоры, и Давуст без устали боролся с изменниками. Наверное, им наконец удалось довести свое черное дело до конца. На вашем месте я бы опрашивал Нижний город.

– А я уверен, что ответ где-то здесь, в Цитадели.

– Но не у меня, – отрезал Вюрмс, окидывая Глокту негодующим взглядом. – Поверьте, мне было бы куда приятнее, если бы пост наставника по-прежнему занимал Давуст.

«Может, да. А может, нет. Сегодня мне зацепок уже не найти».

– Очень хорошо. Расскажите-ка о городских запасах.

– Каких запасах?

– Еды, Корстен, еды. Насколько я понял, с тех пор как гурки перекрыли дороги, провизию подвозят с моря. Одна из главных забот правителя – кормить народ.

– Отец всегда помнит о нуждах народа! – отрезал Вюрмс. – Провизии хватит на шесть месяцев!

– Шесть месяцев? На всех жителей?

– Разумеется!

«Хм... Дела обстоят лучше, чем я ожидал. Что ж, одной головной болью меньше. И так хлопот по горло».

– Если не брать в расчет туземцев, – небрежно добавил Вюрмс, будто это не имело особого значения.

Глокта ответил не сразу.

– И что они будут есть, если гурки возьмут город в осаду?

Молодой человек пожал плечами.

– Я как-то об этом не задумывался.

– Правда? А что, по-вашему, произойдет, когда они начнут голодать?

– Ну-у...

– В городе начнется хаос! Вот что произойдет! Мы не удержим город, где четыре пятых населения настроены против нас! – Глокта раздраженно пососал беззубые десны. – Отправляйтесь к торговцам и закупите провизию на полгода! На всех! Даже на крыс в канализации!

– Я вам кто? – надменно проронил Вюрмс. – Бакалейщик?

– Кем скажу, тем и будете.

Все признаки дружелюбия вмиг испарились с его лица.

– Я сын лорд-губернатора! Не смейте со мной так обращаться!

Яростно скрипнув ножками кресла, молодой человек выскочил из-за стола и зашагал к двери.

– Прекрасно... – пробормотал Глокта. – Каждый день из порта отходит корабль в Адую. Очень быстрый корабль. Он доставляет груз прямиком в Допросный дом. Там с вами поговорят по-другому, уж поверьте. Я легко выхлопочу вам место.

Вюрмс резко остановился.

– Вы не посмеете!

Глокта изобразил злобную, отвратительную, щербатую улыбку.

– Только отчаянный храбрец поставит на кон свою жизнь, рассуждая, что я посмею и что не посмею. Вы отчаянный храбрец?

Молодой человек облизнул губы, но не смог выдержать взгляда Глокты.

«Так я и думал. Точь-в-точь как мой старый знакомец капитан Луфар. Вспыльчив, заносчив, а характера ни на грош. Ткни иголкой – тут же сдуется, точно прохудившийся бурдюк».

– Провизия. На шесть. Месяцев. На каждого человека. Проследите за надлежащим исполнением приказа.

«Бакалейщик!»

– Разумеется, – угрюмо глядя в пол, рыкнул Вюрмс.

– Тогда займемся водой. Нужно все: колодцы, емкости, насосы. Людям ведь понадобится запить плоды ваших тяжелых трудов, верно? Каждое утро будете мне отчитываться.

Вюрмс яростно сжимал и разжимал кулаки, желваки на скулах ходили ходуном.

– Разумеется, – выдавил он.

– Разумеется. Можете идти.

Глокта проводил его взглядом.

«Итак, я поговорил с двумя из четырех. Два из четырех – и оба враги. Однако, чтобы успешно выполнить задание, мне понадобятся союзники. Без союзников мне не продержаться, какими бы документами я ни потрясал. Без союзников мне не выстоять против гурков, если они все-таки атакуют. И самое скверное – я до сих пор не знаю, что с Давустом. Наставник инквизиции будто в воздухе растворился. Остается надеяться, что архилектор проявит немного терпения».

Надежда... Архилектор... Терпение... Глокта помрачнел. И как он умудрился объединить в одну мысль столь несочетаемые понятия!

Каждый поворот колеса медленно катящейся повозки сопровождался скрипом. Скрип-скрип. Скрип-скрип. Ферро хмуро взглянула на источник шума. Чертово колесо. Чертова повозка. Следом ее презрительного внимания удостоился возничий.

Чертов ученик. Доверия ему – ни на грош. Его глаза на миг задержались на Ферро и метнулись в сторону. Вот сволочь! Он как будто знал о ней такое, чего она сама о себе не знала. Это ее злило. Она перевела взгляд на первого всадника.

Чертов мальчишка-союзник. Сидит в седле прямо, точно король на троне. Можно подумать, смазливая физиономия – бог весть какое достижение, которым гордятся до гробовой доски. Чистенький, хорошенький, грациозный, словно принцесса. Ферро мрачно про себя улыбнулась. Принцесса Союза, вот он кто. Красивых людей она ненавидела даже больше, чем безобразных. Красоте доверять нельзя.

А вот уroda вроде девятипалого верзилы еще попробуй сыскать. Неуклюжий. Сидит в седле, точно куль риса. Медлительный. Почесывается, сопит, принюхивается, жует что-то, словно огромная корова. Притворяется, будто нет в нем ни смертоносной силы, ни безумной ярости – ничего дьявольского. Но ее-то не проведешь! На его неожиданный кивок Ферро ответила хмурым взглядом. Дьявол в коровьей шкуре... Не-ет, ее не проведешь.

Впрочем, он куда лучше, чем проклятый навигатор. Тот вечно болтает, скалится, хохочет. Все это – разговорчики, улыбки, а особенно смех – Ферро терпеть не могла. Тупой человек, тупые рассказы. А сам под свое вранье что-то тихо замышляет, за всем наблюдает, она нутром чувствовала.

Но меньше всего доверия заслуживал первый из магов.

Вот он, смотрит на повозку. На мешок, куда спрятал квадратный, серый, тяжелый ящик. Думает, никто не видел. Но она видела. Он буквально набит тайнами, лысая толстошея сволочь с деревянным посохом. И ведет себя так, будто всю жизнь творил лишь добро, а как разорвать человека на клочки, понятия не имеет.

– Проклятые розовые, черт бы вас побрал! – прошипела она про себя, затем, нагнувшись, плюнула на дорогу и мрачно уставилась на едущих впереди пятерых всадников.

И зачем она позволила Юлвею втянуть себя в эту безумную авантюру? Зачем ей ехать в холодные западные земли? Что она там забыла? Лучше бы вернулась на юг – сражаться с гурками. Выбила бы из них то, что причитается...

Мысленно проклиная Юлвея, Ферро вслед за остальными приблизилась к мосту. Мост был древний: щербатые камни поросли ягелем, а колеса тысяч повозок за тысячи лет разъездов выбили в них глубокие борозды. Под одиночным пролетом арки бурлил стремительный, обжигающе ледяной поток. У моста приютилась ветхая низенькая лачуга, буквально вросшая в окружающий пейзаж; холодный порывистый ветер сдувал с ее трубы облака дыма и развеивал их по окрестностям.

У лачуги стоял одинокий солдат. Да уж, не повезло бедняге! Вжавшись в стену и прислонив рядом копьё, он кутался в плотный плащ; над шлемом трепетал на ветру пучок конских волос. Байяз придержал лошадь и кивнул в сторону моста.

– Нам нужно на тот берег, мы направляемся в Дармиум.

– Не советую. Опасно там.

Маг улыбнулся.

– Где опасность, там и выгода.

– Выгода стреле не помеха, друг. – Солдат оглядел всех по очереди с головы до ног и хлопнул носом: – Разношерстная у вас компания!

– Я собираю хороших воинов по всему свету.

– Понимаю. – Он посмотрел на Ферро, и она ответила ему мрачным взглядом. – Вы, конечно, крепкие ребята, но равнины теперь смертельно опасны. Некоторые купцы еще везут товар на запад, да только обратно не возвращаются. Разбойники безумца Кабриана всюду паштают в поисках наживы. А к ним вдобавок люди Скарио и Голтуса. Они немногим лучше. На нашей стороне реки действует хоть какой-то закон, а на той вы предоставлены сами себе. Если вас схватят на равнинах, помощи не дождетесь. – Солдат снова хлопнул носом. – Ниоткуда. Никогда. Помощи не будет.

Байяз хмуро кивнул.

– Мы и не просим.

Он пришпорил лошадь; та потрусилась по мосту на другой берег реки и сошла на дорогу. Следом двинулись остальные: сначала Длинноногий, за ним Луфар, затем Девятипалый. Малахус Ки тряхнул поводья, и повозка с грохотом покатила по камням. Замыкала цепочку Ферро.

– Помощи не будет! – крикнул ей вслед солдат и вновь привалился к грубой стене лачуги.

* * *

Великая равнина...

Хорошее место для всадников, решила Ферро. Безопасное. Приближение врага можно заметить за много миль. Но сейчас горизонт был чист: куда ни глянешь – всюду колышется на ветру бескрайний ковер высокой травы. Монотонность зеленого пейзажа разбавляла лишь дорога – прямая, как полет стрелы, полоса короткой подсохшей травы с черными заплатами голой земли.

Однообразный простор Ферро не понравился. По пути она хмуро поглядывала то направо, то налево. Бесплодные земли Канты совсем другие: там и россыпи колотых валунов, и иссушенные солнцем долины, и мертвые деревья, отбрасывающие когтистые тени, и старые темные русла рек, и залитые светом горные хребты. Даже небо над Бесплодными землями другое: пустое, безмятежное, – сияющая чаша, которую днем озаряет слепящее солнце, а ночью – яркие звезды.

Здесь же, как ни странно, все оказалось наоборот: земля была безлика, а в переменчивом небе царил хаос. Тьма и свет, свиваясь в гигантские спирали, быстрым ветром неслись над лугами, переворачивались, разлетались на части и стекались обратно; висящие над равниной огромные тучи отбрасывали на притихшую землю чудовищные тени, грозя излиться страшным дождем и устроить потоп, который поглотит шестерых крохотных всадников, их крохотную повозку – и весь мир. То, что творилось над головой ссутуленной Ферро, напоминало ей воплощение гнева Божьего.

Непонятный край, нет ей здесь места. Зачем она сюда забрела? На то должны иметься причины. Веские причины.

– Эй, Байяз! – крикнула Ферро, нагоняя мага. – Куда мы едем?

– Хм-м... – хмыкнул он, переводя хмурый взгляд от ничего к ничему над колышущейся травой. – Мы едем на запад – через равнины, через великую реку Аос, до самых Изломанных гор.

– А потом?

Тонкие морщинки вокруг глаз и на переносице Байяза стали глубже, губы плотно сжались. Ферро поняла: раздражен. Не нравятся ему вопросы.

– Потом поедem дальше.

– И долго будем ехать?

– Всю зиму и часть весны, – отрезал он. – Затем обратно.

Подстегнув лошадь пятками, маг потрусил вперед, в начало отряда.

Однако Ферро так легко не сдавалась. Нет, старому хитрецу розовому от нее не отделаться. Она пришпорила лошадь и снова нагнала Байяза.

– Что такое первый закон?

Он резко взглянул ей в лицо.

– Что тебе о нем известно?

– Меньше, чем хотелось бы. Я слышала через дверь ваш разговор с Юлвеем.

– Подслушивала, да?

– У вас громкие голоса, а у меня острый слух. – Ферро пожала плечами. – Не надевать же мне на голову ведро, чтобы случайно не узнать ваши секреты. Так что такое первый закон?

Морщины на лбу старика обозначились еще резче, уголки губ поползли вниз.

Злится.

– Строгое ограничение, которое Эус наложил на своих сыновей. Первое правило, установленное после хаоса древних времен. Оно запрещает касаться другой стороны. Запрещает общаться с нижним миром, вызывать демонов и открывать врата ада. Основной принцип магии – вот что такое первый закон.

– Угу, – хмыкнула Ферро. Особого смысла объяснение для нее не имело. – А что за человек Кхалюль?

Густые брови Байяза сошлись над переносицей, глаза сузились, взгляд помрачнел.

– Женщина, иссякнут когда-нибудь твои вопросы или нет?

Старика раздражают вопросы. Это хорошо. Значит, вопросы правильные.

– Узнаешь, когда я перестану их задавать. Кто такой Кхалюль?

– Кхалюль – член ордена магов, – недовольно буркнул Байяз. – Моего ордена. Второй из двенадцати учеников Иувина. Он всегда завидовал моему положению и силе, поэтому нарушил второй закон – чтобы сравняться со мной. Кхалюль ел человеческую плоть и убедил остальных последовать его примеру. Превратившись в эдакого лжепророка, он обманом подчинил себе гурков. Вот кто такой Кхалюль. Твой враг. И мой.

– О каком семени вы говорили?

Лицо мага дернулось, как от удара. Его исказила ярость и... слабое подобие страха – только лишь тень. Спустя миг выражение лица смягчилось.

– Что это? – повторила она.

Байяз улыбнулся. Его улыбка встревожила Ферро куда больше, чем самый неистовый гнев. Склонившись к ее уху, так чтобы не слышали остальные, он прошептал:

– Это орудие мести. Нашей мести. Но оно опасно. Опасно даже говорить о нем. Есть уши, которые всегда все слышат. Так что мудрее закончить на этом свои вопросы, пока

ответы на них не испепелили нас дотла.

Маг вновь прищорил лошадь и ускакал вперед, оторвавшись от отряда.

На сей раз Ферро ходу не прибавила. Она выяснила достаточно. Теперь доверия к старику у нее почти не осталось.

* * *

Наконец-то – впадина. Углубление не больше четырех шагов в поперечнике, с низкими стенками темной сырой земли, пронизанной сплетенными корнями. Хотя какое-то разнообразие в пейзаже, первое за день пути. Лучшего места для ночлега они не нашли, и это им еще повезло.

Костер, разведенный братом Длинноногим, уже разгорелся; языки пламени жадно лизали потрескивающее дерево, мечась из стороны в сторону, когда в яму задувал ветер. Вокруг костра сгрудились пятеро розовых – сутулые фигурки, жмущиеся друг к другу в поисках тепла; яркий огонь озарял усталые лица.

Все молчали, говорил лишь навигатор. Рассказывал о своих великих достижениях: где побывал, что узнал новенького, какими выдающимися талантами в разнообразных областях обладает... Ферро его болтовня утомила донельзя, о чем она сообщила ему дважды. Она, в общем-то, сразу ясно выразилась, но для верности пришлось повторить еще раз. С тех пор он не доставал ее идиотскими рассказами о путешествиях, а другие продолжали молча страдать.

У костра и для Ферро имелось местечко, но она предпочитала сидеть, скрестив ноги, наверху, на краю впадины. На ветру было холодно, и она плотнее стянула одеяло вокруг трясущихся плеч. Странная и страшная штука этот холод. Холод Ферро ненавидела.

Однако лучше уж мерзнуть одной, чем греться в компании.

Итак, угрюмая и молчаливая, она сидела поодаль, наблюдая, как с низкого неба утекает свет и на землю наплзает тьма. Вдалеке над горизонтом золотился слабый отблеск солнца – прощальное слабое сияние за кромкой сгущающихся облаков.

Большой розовый поднялся и посмотрел на Ферро.

– Темнеет, – сказал он.

– Угу.

– Всегда так, когда солнце садится, а?

– Угу.

Он поскреб мощную шею.

– Нужно выставить дозор. Ночью здесь может быть опасно. Дежурить будем по очереди. Сначала я, потом Луфар...

– Я покараулю, – буркнула она.

– Не надо, ложись пока спать. Я потом тебя разбужу.

– Я не сплю.

Он удивленно на нее уставился.

– Никогда-никогда?

– Изредка.

– Наверное, из-за этого у нее всегда такое паршивое настроение, – тихо пробормотал Длинноногий себе под нос, но Ферро услышала.

– Мое настроение тебя, болван, не касается!

Навигатор, ничего не ответив, завернулся в одеяло и вытянулся у костра.

– Хочешь дежурить первая? – спросил Девятипалый. – Ладно. Только разбуди меня через пару часов. Все должны отстоять в дозоре в свою очередь.

* * *

Медленно-медленно, стараясь двигаться бесшумно и морщась от напряжения, Ферро осторожно стянула с повозки немного провизии. Вяленое мясо. Сухари. Фляга с водой. На таком пайке можно долго продержаться. Она скинула продукты в холщовую сумку.

Когда Ферро пробиралась мимо лошадей, одна из них фыркнула и шарахнулась в сторону. Только этого не хватало! Она метнула на лошадь сердитый взгляд. Конечно, можно было бы поехать верхом – наездница она хорошая, – но связываться с лошадьми не хотелось. Здоровенные глупые животные! И запах у них мерзкий. Двигаются быстро, но много едят и пьют. Кроме того, их видно и слышно за много миль. Еще оставляют огромные следы, по которым выследить тебя проще простого. С лошадью ты слаб. Если понадеешься на лошадь, то не сможешь убежать, когда понадобится.

Ферро давно усвоила: надейся только на себя.

На одно плечо она закинула сумку, на другое – лук с колчаном. Напоследок оглядела спящих – темные, скрючившиеся вокруг костра холмики. Луфар – гладкокожий, пухлогубый – лежал к тлеющим углям лицом, натянув одеяло до подбородка. У Байяза Ферро видела лишь спину, тускло поблескивающую лысую макушку да одно ухо; дышал маг ровно, медленно. Длинноногий накрылся одеялом с головой, а тонкие костлявые ступни с выпирающими сухожилиями выставил наружу – ни дать ни взять торчащие из грязи корни дерева. Малахус Ки спал с приоткрытыми глазами, и в узкой полоске глазного яблока влажно мерцало отражение угасающего огня. Не наблюдает ли он за ней сквозь щелки между век? Грудь его мерно поднималась и опускалась, рот был расслаблен. Значит, ученик крепко спит и видит десятый сон.

Ферро нахмурилась. Только четверо? А где здоровяк розовый? У дальнего края костра валялось смятое одеяло: темные складки, светлые складки – а человека между них нет. И тут раздался голос:

– Уже уходишь?

Голос звучал за спиной. Неужели, пока она воровала провиант, Девятипалый умудрился крадучись ее обойти? Разве такой медлительный, неуклюжий верзила умеет бесшумно ходить? Ферро беззвучно выругалась. Могла бы и догадаться, что он не так прост, как кажется.

Она неторопливо повернулась к Девятипалому лицом и шагнула к лошадям. Он шагнул следом, сохраняя между ними прежнюю дистанцию. Ферро видела отблеск пламени в уголках его глаз, изгиб бугристой, заросшей щетиной щеки, смутные очертания кривого носа, развевающиеся на ветру пряди сальных волос, чуть более черных, чем расстилающаяся позади чернота.

– Я не хочу с тобой драться, розовый. Я видела тебя в бою.

На ее глазах он как-то в мгновение ока убил пятерых. Даже она удивилась. Эта сцена навсегда врезалась ей в память: грохочущее меж стен эхо хохота, перекошенное хищное лицо,

окровавленный полуоскал-полуулыбка, слюна, безумная ярость и летящие на камни, точно груды тряпья, изуродованные трупы. Нет, она его не боялась – Ферро Малджин страх неведом! – однако понимала, когда следует проявить осторожность.

– Я тоже не хочу с тобой драться, – ответил Девятипалый. – Но Байяз утром увидит, что ты ушла, и отправит меня в погоню. Я знаю, как ты бегаешь, поэтому гоняться за тобой охоты нет. Уж лучше драка. Тут у меня, по крайней мере, какие-то шансы.

Ферро осознавала, что он сильнее – тем более что почти здоров, двигается свободно. Зря она его лечила: никогда не стоит помогать людям. Сражаться было рискованно. Может, она и крепче других, но повторить судьбу огромного человека по имени Камнедробитель, которому Девятипалый превратил лицо в кровавое месиво, ей не хотелось. Не хотелось, чтобы ее накололи на меч, раздробили колени и отсекли полголовы. Сомнительное это удовольствие.

Стоял розовый слишком близко – не выстрелишь. Побежишь – он разбудит остальных, а у них лошади. Впрочем, драка в любом случае всех переполошит. Только если сразу нанести хороший удар, то, возможно, удастся улизнуть под шумок. План, конечно, так себе, но выбора нет. Стряхнув с плеча сумку, Ферро аккуратно положила ее на землю. За сумкой последовали лук и колчан. Пальцы коснулись в темноте рукояти меча. Девятипалый тоже опустил руку на меч.

– Хорошо, розовый. Начнем.

– Может, попробуем по-другому?

Она с подозрением на него взглянула: что еще за уловки?

– Это как?

– Оставайся с нами. Потерпи несколько дней. Если твое решение останется прежним, я сам помогу тебе собраться. Можешь мне доверять.

Доверие! Слово для глупцов. Люди используют его, когда хотят предать. Если он хоть на мизинец к ней придвинется, она снесет ему мечом голову.

Ферро приготовилась...

Однако Девятипалый не двинулся ни назад, ни вперед: просто стоял в сумраке огромной молчаливой тенью. Ферро нахмурилась, ее пальцы все так же поглаживали рукоятку меча.

– С чего бы мне тебе доверять?

Верзила розовый пожал плечами.

– Почему бы и нет? Помнишь, в городе я помог тебе? А ты помогла мне. Друг без друга мы бы уже погибли.

Это правда. Он и в самом деле ей помог. Не так сильно, как она ему, но тем не менее...

– В определенный миг жизни настает время, когда нужно куда-то прибиться. Верно? – продолжал он. – А это вопрос доверия. Рано или поздно нужно кому-то поверить, без особых веских причин.

– Почему?

– Иначе все заканчивается так, как у нас. Что в этом хорошего?

– Ха!

– Предлагаю сделку: ты прикрываешь мою спину, я – твою. – Он медленно постучал большим пальцем по груди. – Я держусь тебя. – Затем направил палец на Ферро. – Ты держись меня. Что скажешь?

Она обдумала его слова. Побег дал ей свободу. Больше ничего. Долгие годы страданий загнали ее к границам пустыни, и кольцо врагов продолжало сжиматься. Удрав от Юлвея, она

чуть не попала в руки едоков. Да и теперь – куда бежать? За море, в Канту? Возможно, верзила розовый прав. Возможно, настало время остановиться.

По крайней мере, пока не подвернется случай улизнуть незаметно.

Выпустив рукоятку меча, она неторопливо сложила руки на груди. Десятипалый сделал то же самое. Какое-то время, окутанные тьмой, они молча смотрели друг на друга.

– Ладно, розовый, – буркнула Ферро. – Я, как ты говоришь, буду держаться тебя. Посмотрим, что из этого выйдет. Но дурацких обещаний давать не собираюсь, понял?

– Я обещаний не просил. Моя очередь караулить. Отдыхай.

– Мне отдых не нужен, я же говорила.

– Поступай, как знаешь, а я сажусь.

– Прекрасно.

Десятипалый осторожно опустился на землю. Ферро последовала его примеру. Так они сидели, скрестив ноги, друг против друга, на том же месте, где только что стояли; мерцающие неподалеку угли тускло озаряли четырех спящих людей, подсвечивая половину бугристого лица розового и овевая теплым дыханием щеку Ферро.

И он, и она внимательно друг за другом наблюдали.

*«Архилектору Сульту,
главе инквизиции его величества*

Ваше преосвященство!

Подготовка города к обороне идет полным ходом. Знаменитые крепостные стены, несмотря на всю свою мощь, в плачевном состоянии, и я незамедлительно взялся за их укрепление. Кроме того, я велел пополнить запасы провизии, воды, оружия и доспехов – это важно, если город возьмут в осаду.

К несчастью, стена внушительной длины, поэтому объем работ весьма обширен. Для начала я взял кредит, но этой суммы недостаточно. Смирнейшие молю Ваше преосвященство выделить мне средства для осуществления намеченного. Без денег все наши усилия пойдут прахом: работа встанет, и мы потеряем Дагоску.

Союзное войско здесь немногочисленно, причем его боевой дух оставляет желать лучшего. В городе есть наемники, и я приказал нанять еще, однако на их верность полагаться нельзя, особенно если платить будет нечем. Поэтому я прошу подкрепления из королевских войск – даже одна рота значительно изменит ситуацию.

Буду держать Вас в курсе. Служу и повинуюсь.

Занд дан Глокта,

наставник Дагоски».

– Пришли, – сказал Глокта.

– Уф, – отозвался Иней.

Неприглядный одноэтажный домишко, кое-как сляпанный из глинобитного кирпича, походил на большой сарай. Прямоугольник скверно пригнанной двери и квадрат скверно пригнанных ставней окаймляли тонкие полоски света, сочащегося сквозь щели. Таких лачуг на улице – если называть это улицей – было полно.

«Не очень-то похоже на резиденцию члена правящего совета Дагоски. Впрочем, Кадия – человек странный. Предводитель туземцев. Священнослужитель без храма. Пожалуй, именно ему практически нечего терять».

Дверь внезапно отворилась – Глокта даже постучать не успел. На пороге стоял Кадия: высокий, стройный, в белом облачении.

– Почему вы не заходите?

Хаддиш, развернувшись, подошел к единственному креслу и сел.

– Подожди здесь, – велел Глокта практику.

– Уф.

Внутреннее убранство жилища было под стать фасаду: чистенько, опрятно и чертовски бедно. Потолок низкий – только что головой не цепляешь. Пол – утрамбованная земля. В углу единственной комнаты на составленных ящиках лежал соломенный тюфяк, рядом стоял низенький стул. Под окном примостился буфет, на котором высилась стопка книг,

рядом с книгами оплывала горящая свеча. Довершало обстановку помятое ведро для естественных нужд. Этим, похоже, имущество хаддиша и ограничивалось.

«Ни малейших признаков того, что тут прячут трупы наставников инквизиции. Хотя... кто знает, кто знает... Если разрезать тело на маленькие кусочки, его можно аккуратно расфасовать...»

– Вы должны съехать из трущоб.

Закрыв дверь на скрипучих петлях, Глокта проковылял к кровати и тяжело опустился на тюфяк.

– Туземцам нельзя жить в Верхнем городе, вы разве не слышали? – негромко отозвался хаддиш.

– Я уверен, для вас можно сделать исключение и обустроить покои в Цитадели. Тогда мне не придется хромать так далеко ради заурядной беседы.

– Покои в Цитадели? Пока мой народ гниет среди отбросов? Разделить тяготы своих людей – наименьшее, что может сделать лидер. Возможностей помочь им у меня не так уж много. – Будто не ощущая царящего в Нижнем городе невыносимого зноя, Кадия спокойно глядел на Глокту темными, холодными, словно омут, глазами. – Вам не нравится моя позиция?

Тот потер ноющую шею.

– Ни в коем случае. Мученичество вам к лицу, но я – уж простите – разделять его не намерен. – Он облизал беззубые десны. – Я принес в жертву все, что мог.

– Вероятно, не все. Задавайте свои вопросы.

«Хм... Прямо к делу. Что бы это значило: нечего скрывать или нечего терять?»

– Вам известно, что стало с моим предшественником, наставником Давустом?

– Искренне надеюсь, что он умер в страшнейших муках.

От удивления брови Глокты поползли вверх.

«Откровенно! Не ожидал. Пожалуй, первый честный ответ на этот вопрос. Впрочем, подозрений с Кадии это не снимает».

– В страшнейших муках, говорите?

– В страшнейших. И если вас постигнет та же судьба, я не пролью ни слезинки.

Глокта улыбнулся.

– Думаю, никто не прольет, но сейчас речь о Давусте. Ваши люди к его исчезновению причастны?

– Возможно. Причин с ним разделаться у нас предостаточно. Он постоянно устраивал чистки, проверки на лояльность, расправы в назидание другим... Многие семьи лишились по его милости отцов, мужей, дочерей... В Нижнем городе тысячи жителей, я не в состоянии следить за каждым. Могу сказать вам одно: об исчезновении наставника Давуста мне ничего не известно. Когда гибнет один дьявол, присылают другого. Теперь здесь вы. Что проку моему народу?

– Разве что в молчании Давуста. Возможно, он узнал, что вы заключили с гурками сделку. Кажется, ваш народ не слишком обрадовался вступлению в Союз.

Кадия фыркнул.

– Много вы знаете! Дагосканец никогда не пойдет на сделку с гурком.

– На сторонний взгляд у вас много общего.

– На сторонний взгляд невежды. Да, мы темнокожи. Да, мы поклоняемся Богу. Но на этом сходство заканчивается. Дагосканцы – мирный народ. В нас нет ни капли

воинственности. Пока гуркская империя, точно раковая опухоль, расползлась по всему Кантийскому континенту, мы тихо сидели на своем полуострове, полагаясь на защиту крепостных стен. По глупой недалёковидности мы считали, что их победоносные походы нас не касаются. – Хаддиш усмехнулся. – Но вскоре у ворот появились гуркские эмиссары. Они потребовали, чтобы мы покорились их императору и признали, что устами пророка Кхалюля говорит Бог. Мы отказались, и тогда Кхалюль поклялся нас уничтожить. Похоже, свою клятву он скоро выполнит, скоро подомнет под себя весь Юг.

«И архилектора это не обрадует...» – подумал наместник, а хаддишу сказал:

– Как знать... Вдруг Бог вам поможет?

– Бог благоволит лишь тем, кто сам разбирается со своими проблемами.

– Может быть, мы сумеем разобраться кое с чем вместе?

– Не вижу смысла вам помогать.

– Даже если заодно вы поможете себе? Я собираюсь издать указ, предписывающий открыть ворота Верхнего города, чтобы ваши люди свободно перемещались по всей Дагоске. Торговцев из Великого храма выкинем, и вы опять сможете проводить обряды в своем святилище. Дагосканцам позволят носить оружие – его выдадут из наших арсеналов. С коренным населением будут обращаться так же, как и с прочими гражданами Союза. Они этого заслуживают.

– Так-так... – Кадия, сцепив руки, откинулся на спинку кресла. – Теперь, когда у ворот стоят гурки, вы заявляетесь в Дагоску и, гордо размахивая свитком, точно Писанием Божиим, начинаете творить добро. Вы не такой, как остальные. Вы хороший, честный, справедливый... Думаете, я поверю?

– Откровенно говоря, мне плевать, чему вы поверите. И уж тем более я не творю добро – тут смотря с чьей колокольни глядеть. А что касается «хорошего, честного, справедливого», – Глокта облизнул губы, – то этот корабль давно уплыл, и меня даже не было на причале, чтобы помахать ему вслед. Я хочу отстоять Дагоску. Все. Ничего более.

– И вы знаете, что без нашей помощи Дагоску не удержите.

– Кадия, вы не дурак. И я не дурак. Так зачем вы прикидываетесь идиотом? Это, по меньшей мере, оскорбительно. Мы можем препираться до посинения, пока волна гурков не сметет крепостные стены. А можем сотрудничать. Никогда не знаешь, что тебя ждет. Вдруг совместными усилиями мы их одолеем? Ваши люди помогут нам копать ров, чинить стены, ставить ворота. На оборону города вы выставите тысячу человек. Для начала. Потом нам понадобится еще больше людей.

– Я? Неужели? А если с нашей помощью город выстоит? Останется ли в силе нынешнее соглашение?

«Если город выстоит, меня здесь не будет. Скорее всего, к власти вернется Вюрмс и его команда. Нынешнее соглашение обратится в прах».

– Если город выстоит, я сделаю все возможное, чтобы соглашение осталось в силе. Даю слово.

– Все возможное... – задумчиво повторил Кадия. – Значит, ничего.

«Суть ты ухватил верно».

– Мне нужна ваша помощь, поэтому я предлагаю, что могу. Я бы и рад предложить больше, но большего у меня нет. Если хотите, продолжайте сидеть в трущобах в обществе мух, дуюсь на Союз и дожидаясь пришествия императора. Может быть, великий Уфман-уль-Дошт предложит сделку повыгоднее. – Глокта посмотрел хаддишу в глаза. – Только он не

предложит. Мы оба это знаем. – Поджав губы, священнослужитель качнул головой и издал глубокий вздох.

– Говорят, заблудившийся в пустыне принимает воду у того, кто ее предложил. Я согласен заключить договор. Как только освободите храм, мы начнем рыть ваши ямы, таскать ваши камни и носить ваше оружие. Это лучше, чем ничего. Возможно, вы правы – возможно, вместе нам и правда удастся одолеть гурков. Чудеса все-таки случаются.

– Я тоже о таком слышал. – Глокта оперся на трость и с мучительным стоном поднялся на ноги; рубашка противно облепила вспотевшую спину. – Да, слышал.

«Но никогда не видел».

* * *

Глокта бессильно вытянулся на подушках: голова запрокинута, рот приоткрыт, ноющее тело расслаблено.

«Эти же покои занимал мой прославленный предшественник, наставник Давуст... Просторные комнаты. И обставлены прекрасно. Наверное, до того, как туземцев вышвырнули в пыль Нижнего города, здесь жил дагосканский князь. Или хитроумный визирь. Или смуглая наложница. Чудесное место. Куда лучше моей жалкой тесной норы в Агрионте. Плохо лишь то, что в этом уютном уголке бесследно исчезают наставники инвизиции...»

Из северных окон, расположенных со стороны отвесной скалы, открывался вид на море, из других – на раскаленный солнцем город. На всех окнах были установлены тяжелые ставни. От внешней стены вниз сбегал голый каменный склон – к острым скалам и бушующей соленой воде. Обитая железом дверь в шесть пальцев толщиной запиралась на тяжелый замок и четыре мощных засова.

«Давуст явно заботился о своей безопасности, и, похоже, не зря. Как же сюда пробрались убийцы? И куда дели тело? – Его губы сами собой изогнулись в улыбке. – Интересно, как избавятся от моего? А число врагов у меня растет: высокомерный насмешник Вюрмс, педант Виссбрук; торговцы, на чью прибыль я покушаюсь; прислуживавший Харкеру и Давусту практик; туземцы, ненавидящие всех, кто носит черное; ну и мои старые недруги гурки. А тут того и гляди сам его преосвященство решит от меня избавиться, разгневавшись, что дела продвигаются недостаточно быстро. Пришлют ли кого-нибудь в Дагоску разыскивать мой изувеченный труп?»

– Наставник...

Разомкнув веки, Глокта с трудом приподнял голову. Черт, больно! За последние дни он так набегался, что все кости и мышцы буквально горели. Шея при каждом движении щелкала, точно сухая ветка; спина напоминала вазу: такая же твердая и хрупкая; нога то ныла, то, онемев, дрожала.

В дверях, склонив голову, стояла Шикель. От порезов и синяков на ее смуглом лице не осталось даже следа – и не догадаешься, какие суровые испытания довелось пережить бедной девочке в темницах инквизиции. Шикель никогда не смотрела Глокте в глаза – всегда в пол.

«Одни раны время рано или поздно исцеляет, другие не заживают никогда. Мне ли не знать!»

– В чем дело, Шикель?

– Магистр Эйдер приглашает вас на ужин.

– Неужели?

Девочка кивнула.

– Передай, что почту за честь.

Все так же, не поднимая головы, Шикель вышла из комнаты. Глокта проводил ее взглядом и снова откинулся на подушки.

«Если я завтра исчезну, то, по крайней мере, одного несчастного спасу. Может, не так уж ничемна была моя жизнь. Занд дан Глокта – защитник слабых и беспомощных... Никогда ведь не поздно стать... хорошим человеком?»

* * *

– Прошу вас! – завопил Харкер. – Пожалуйста! Я ничего не знаю!

Крепко привязанный к стулу, убежать пленник не мог.

«Зато как бегают глаза!»

Взгляд его лихорадочно метался взад-вперед по инструментам Глокты, мерцающим в ярком свете лампы на щербатом столе.

«О да! Ты-то лучше остальных понимаешь их назначение. Обычно знание – лучшее лекарство от страха. Но не здесь. Не сейчас».

– Мне ничего не известно!

– О том, что тебе известно, судить мне. – Глокта стер с лица пот: в помещении было жарко, как в кузнице, да еще в жаровне тлели угли. – Если что-то воняет ложью, да еще выглядит, как ложь, то, скорее всего, это и есть ложь. Верно?

– Прошу вас! Мы на одной стороне!

«Вот как? Неужели?»

– Я сказал вам правду!

– Возможно. Но не так много, как мне хотелось бы.

– Пожалуйста! Тут все друзья!

– Друзья? По моему опыту друг – это просто знакомый, который рано или поздно тебя предаст. Ты из таких, Харкер?

– Нет!

Глокта нахмурился.

– Значит, ты наш враг?

– Что? Нет! Я... я... я лишь хотел выяснить, что произошло! Вот и все! Я не собирался...

Прошу вас!

«Прошу, прошу, прошу... Как же я устал это слушать!»

– Вы должны мне верить!

– Единственное, что я должен, – это слушать ответы.

– Так умоляю, наставник, спрашивайте! Дайте мне шанс, я хочу сотрудничать!

«Хм... Значит, теория о жесткой руке тебе уже не по нраву?»

– Задавайте вопросы, я постараюсь ответить как можно подробнее!

– Хорошо. – Глокта взгромоздился на край стола рядом со связанным узником и взглянул на него сверху вниз. – Прекрасно.

Руки и лицо Харкера покрывал густой загар, остальное тело было бледным, как

у слизняка, если не считать темные островки густых волос.

«Да уж, неаппетитное зрелище. Впрочем, бывает и хуже».

– Ответь мне, Харкер, зачем мужчине соски?

Инквизитор растерянно хлопнул глазами. Сглотнул слюну. Взглянул на Инея, но помощи от того ждать явно не стоило. Альбинос уставился в ответ немигающим взглядом, глаза его напоминали два холодных драгоценных розовых камня, по белой коже вокруг маски катился пот.

– Я... Я, кажется, не совсем вас понимаю, наставник.

– Разве вопрос такой сложный? Мужские, Харкер, соски. Для чего они нужны? Никогда не задумывался?

– Э-э... я...

Глокта вздохнул.

– Они ведь постоянно болят: мокрая одежда их натирает, в жару они сохнут... Некоторые женщины в постели – непонятно почему – любят, когда с их сосками играют. А мужчин прикосновение к соскам раздражает.

Он потянулся к столу и медленно сжал рукоять щипцов; Харкер расширенными глазами следил за каждым его движением. Подняв оружие пытки повыше, Глокта изучил сверкающий на свету остро заточенный металл и задумчиво произнес:

– Для мужчины соски – источник неприятностей. Тебе это известно? Я вот по своим совсем не скучаю. Шрамы, правда, уродливые.

Он потянул бывшего инквизитора за сосок.

– А-а! – пронзительно взвыл Харкер и отчаянно завертелся на стуле так, что тот заскрипел. – Не-ет!

– Это, по-твоему, больно? Тогда, боюсь, предстоящая экзекуция тебе не понравится.

Глокта зажал комочек плоти в тисках щипцов.

– А! А! Прошу вас, наставник, умоляю!

– Что толку с твоих мольб? Мне нужны ответы. Куда подевался Давуст?

– Не знаю! Жизнью клянусь!

– Ответ неправильный.

Глокта сжал щипцы сильнее, так что лезвия вонзились в кожу.

Харкер отчаянно взвизгнул.

– Погодите! Я взял деньги! Признаю! Я взял деньги!

– Деньги? – Он ослабил давление, и на волосатую белую ногу узника из-под щипцов потекла кровь. – Какие деньги?

– Которые Давуст забрал у туземцев! После восстания! Он велел мне собрать богатых, на мой взгляд, дагосканцев, а потом повесил их вместе с мятежниками. Мы конфисковали их имущество и поделили между собой. Свою долю Давуст хранил в ящике, в спальне. Когда он исчез... я унес ящик!

– И где теперь эти деньги?

– Нету! Я их потратил! На женщин... на вино... и... и... да на все подряд!

Глокта поцокал языком.

– Так-так...

«Жадность, заговор, несправедливость, предательство, ограбление, убийство... Публику будоражат такие истории. Скандально, но едва ли относится к делу».

Он снова взялся за щипцы.

– Меня интересует наставник, а не его деньги. Поверь, если я говорю, что устал задавать вопросы, значит, так оно и есть. Что приключилось с Давустом?

– Я... я... я не знаю!

«Возможно, это правда. Но она меня не устраивает».

– Ответ неправильный.

Глокта стиснул рукоять, и металлические лезвия, прокусив плоть, с тихим щелчком сомкнулись. Харкер выл, орал, извивался; из алого кровавого прямоугольника на месте соска вниз по животу сбегали темные красные струйки. Глокта скривился от боли в шее и потянул голову вверх, пока позвонки с хрустом не встали на место.

«Как странно – даже самые ужасные страдания других со временем прискучивают».

– Практик Иней, инквизитор истекает кровью! Будь так любезен...

– Профтите.

Иней со скрежетом вытащил из жаровни оранжево сияющее раскаленное железо. Глокта чувствовал исходящий от него жар даже с того места, где сидел.

«Ах, горячее железо... У него нет секретов, оно никогда не лжет».

– Нет! Не надо! Я...

Слова Харкера переросли в булькающий вопль – Иней приложил железо к ране. Комнату наполнил солоноватый аромат жарящегося мяса. Голодный желудок, раздраженный аппетитным запахом, к великому отвращению Глокты невольно заурчал.

«Когда же я в последний раз ел хорошее сочное мясо?»

Свободной рукой он стер с лица очередной глянцевый слой пота и расправил под пальто затекшие плечи.

«До чего омерзительным делом мы занимаемся! Зачем я это творю?»

В ответ раздался тихий треск – Иней осторожно сунул железо обратно в жаровню, подняв сноп золотистых искр. Харкер метался, трясся, скулил, слезящиеся глаза вылезли из орбит, над почерневшей плотью вился дымок.

«Да, занятие омерзительное. Харкер, конечно, скотина и заслуживает подобного обращения, но это ничего не меняет. Возможно, ему действительно неизвестна судьба Давуста, но это опять же ничего не меняет: вопросы надо задавать так, будто ответы ему известны».

– Харкер, к чему упорствовать? Может быть... ты полагаешь... что на сосках моя изобретательность заканчивается? Ты и в самом деле так думаешь? Думаешь, на сосках я остановлюсь?

Узник смотрел на него безумным взглядом, на губах пузырилась слюна. Глокта склонился еще ниже.

– О нет! Нет-нет-нет! Это только начало. Нет, это даже начало начала. Впереди у нас безжалостно много времени. Дни, недели, месяцы... Если потребуются. Ты уверен, что сумеешь столь долго хранить свои тайны? Теперь ты целиком в моей власти. Ты принадлежишь мне – и этой комнате. Я не остановлюсь, пока не выясню все, что нужно. – Он покрутил между пальцев второй сосок и вновь раскрыл окровавленные щипцы. – Неужели так трудно понять?

Столовая магистра Эйдер являла собой поистине восхитительное зрелище. Веющий сквозь узкие окна бриз колыхал разноцветные ткани: серебряные, малиновые, золотые, пурпурные, зеленые, голубые, ярко-желтые. Стены были украшены резными мраморными панелями, по углам стояли огромные вазы высотой в человеческий рост. На полу валялись груды воздушных нетронутых подушек, словно приглашавших усталых путников с удовольствием на них раскинуться. В высоких стеклянных кувшинах мерцали разноцветные свечи, озаряя мягким светом окружающее великолепие и наполняя воздух сладким ароматом. В конце мраморного зала в звездообразный бассейн тихо, тонкой струйкой текла чистая вода. Комната казалась театральной декорацией.

«Ни дать ни взять будуар королевы из кантийских легенд», – оценил убранство помещения Глокта.

Но главным украшением столовой была сама магистр Эйдер, глава гильдии торговцев пряностями, – настоящая королева купцов. В кипенно-белом платье из переливчатого, восхитительно полупрозрачного шелка она сидела в торце стола. На загорелой коже сверкали драгоценные камни стоимостью с небольшое состояние; высокую прическу поддерживали гребни из слоновой кости, а несколько искусно уложенных прядей свободно вились вокруг лица. Выглядела Карлота так, будто прихорашивалась весь день.

«И каждый миг был проведен с пользой», – заключил наставник.

Глокта сгорбился в кресле на другом конце стола над чашкой дымящегося супа; ему казалось, что он попал на страницы волшебной книги.

«В страшный роман, действие которого разворачивается в экзотической южной стране. Магистр Эйдер – главная героиня, а я – отвратительный, хромой, жестокий злодей. Интересно только, чем эта история закончится?»

– Итак, магистр, скажите же наконец, чему я обязан оказанной честью?

– Насколько я понимаю, вы переговорили со всеми членами совета, но до сих пор не пожелали встретиться со мной. Меня это удивило. И, пожалуй, немного задело.

– Простите. Мне жаль, что вы сочли, будто вас обошли вниманием. По-моему, это естественно – оставить самого могущественного человека на потом.

Она подняла на него глаза – сама оскорбленная невинность.

«Аплодирую! Сыграно идеально», – признал наставник.

– Я? Могущественная? Бюджетом распоряжается Вюрмс, указы издает он же. У Виссбрука в подчинении армия, он же руководит защитой города. Кадия представляет большую часть населения Дагоски. Едва ли я на их фоне важная персона.

– Полно! – Глокта беззубо усмехнулся. – Вы, конечно, ослепительно прекрасны, но я пока кое-что вижу. Бюджет Вюрмса – жалкие гроши по сравнению с суммами, которыми располагает гильдия торговцев пряностями. Народ Кадии низведен до положения бессловесного скота. А через вашего пьяницу-друга Коску вы командуете войском, которое по численности в два раза превосходит отряды Виссбрука. Союз интересуется этой выжженной солнцем скалой лишь по одной причине: из-за деятельности вашей гильдии – торговли.

– Я хвастать не люблю, – магистр простодушно пожала плечами, – но у меня и правда есть в городе кое-какое влияние. Вижу, вы наводили справки.

– Это моя работа. – Глокта поднес ложку ко рту и, стараясь не хлопнуть, проглотил суп. – Кстати, очень вкусно!

«И надеюсь, не отравлено».

– Я так и подумала, что вам понравится. Тоже навела справки.

В бассейне журчала и булькала вода, на стенах шуршала ткань, об изящный фаянс тихо звякали серебряные приборы.

«Первый раунд, похоже, закончился ничьей», – подвел итог Глокта.

Безмолвие нарушила Карлота дан Эйдер.

– Я, разумеется, понимаю, что вас послал сюда с миссией сам архилектор. С миссией огромнейшей важности. Вы не из тех, кто ходит вокруг да около, – вы идете напролом. Но, возможно, вам следует ступить чуть осторожнее.

– Да, походка у меня не очень. Боевая рана, знаете ли, да вдобавок два года пыток. Чудо, что нога вообще уцелела.

Она широко улыбнулась, обнажив два ряда великолепных зубов.

– Вы очень приятный собеседник, а вот мои коллеги почему-то удовольствия от беседы с вами не получили. И Вюрмсу, и Виссбруку вы пришлось совершенно не по душе. Они говорят, что вы раскомандовались. Другие их высказывания я повторить не осмелюсь.

– Я здесь не для того, чтобы заводить друзей. – Пожав плечами, Глокта осушил бокал великолепного – впрочем, другого и быть не могло – вина.

– Однако друзья – люди полезные. По крайней мере, одним врагом меньше. Давуст только и делал, что пакостил всем и каждому. И чем закончилось? Ничем хорошим.

– За спиной Давуста не стоял закрытый совет.

– Верно. Но бумага от удара кинжала не защитит.

– Это угроза?

Карлота дан Эйдер рассмеялась – звеняще, искренне, дружелюбно. Человек, который так смеялся, не мог быть злодеем. По крайней мере, ум отказывался в это верить. Ну какая же она изменница или убийца? Просто очаровательная женщина, идеальная гостеприимная хозяйка.

«И все-таки из списка подозреваемых магистра Эйдер это пока не исключает».

– Всего-навсего совет. Основанный на горьком опыте. Не хотелось бы, чтобы вы исчезли.

– Правда? Вот уж не думал, что я столь обворожительный гость.

– Да, вы немногословны, конфронтационны, слегка наводите ужас, и с меню у вас строго, но мне вы куда полезнее здесь, чем там, – она неопределенно махнула рукой, – где Давуст, куда бы он ни отправился. Подлить вам вина?

– Да, пожалуйста.

Магистр встала с кресла и направилась к гостю, мягко, словно танцовщица, ступая по прохладному мраморному полу босыми ногами (очередная дань кантийской моде); бриз разведал легкое одеяние, окутывающее ее стан. Она склонилась, чтобы наполнить бокал, и Глокту оваяло густым ароматом духов.

«Именно о такой невестке мечтала моя мать – красивой, умной, сказочно богатой... О такой жене, честно говоря, мечтал и я сам. В молодости. В другой жизни».

Мерцающий свет свечей отражался в блестящих волосах Эйдер, в сверкающих драгоценностях на длинной шее, в вине, льющемся из бутылочного горлышка...

«Почему она со мной так любезна и очаровательна? Потому что у меня на руках приказ от закрытого совета? Рассчитывает на выгодную сделку с могущественным человеком? Или надеется меня одурачить, сбить со следа, увести в сторону, подальше от неприглядной правды?»

Их глаза на миг встретились. Магистр едва заметно, понимающе улыбнулась и вновь опустила взгляд на бокал.

«Или я для нее – жалкий оборванец, что заглядывает в окно кондитерской, глотая слюнки при виде сладостей, которые никогда не сможет купить? Ну это уж вряд ли...»

– И куда отправился Давуст?

На миг повисла пауза. Эйдер аккуратно поставила бутылку на стол, уселась в ближайшее кресло и, опершись подбородком на сплетенные пальцы, посмотрела Глокте в глаза.

– Полагаю, его убил изменник, один из дагосканцев. Вероятно, гуркский шпион. Скажу больше – может быть, вы это знаете, – Давуст подозревал, что в городском совете плетется заговор. Так он мне сказал по секрету незадолго до исчезновения.

«Вот как?»

– Заговор в городском совете? – Глокта с притворным ужасом покачал головой. – Разве такое возможно?

– Будем откровенны, наставник. Я хочу того же, что и вы. Мы, гильдия торговцев пряностями, вложили в Дагоску слишком много времени и денег, чтобы спокойно отдать его на растерзание гуркским войскам. Как мне кажется, город скорее удержите вы, чем идиоты вроде Вюрмса и Виссбрука. Если в наших стенах завелся изменник, я хочу, чтобы его разоблачили.

– Его... или ее.

Магистр Эйдер вскинула изящную бровь.

– Вы наверняка заметили, что женщина в совете одна. Я.

– Разумеется. – Глокта с хлюпаньем втянул с ложки суп. – Простите, что пока не сбрасываю вас со счетов. Чтобы убедить меня в невинности, нужно нечто посущественнее, чем вкусный суп и приятная беседа.

«Хотя остальные мне и этого не предложили».

Карлота с улыбкой подняла бокал.

– Как же вас тогда убедить?

– Сказать честно? Мне нужны деньги.

– Ах, деньги! – протянула она. – Все к ним обычно и сводится. Получить с гильдии деньги – все равно что рыть в пустыне колодец в поисках воды: утомительно, неприятно и почти всегда бесполезно.

«Так же, как допрашивать инквизитора Харкера».

– Сколько вам нужно? – добавила магистр.

– Для начала сто тысяч марок.

Эйдер не поперхнулась вином – скорее, слегка булькнула. Отставив бокал, она тихо откашлялась, промокнула губы уголком салфетки и подняла на Глокту удивленный взгляд.

– Вы же прекрасно понимаете, что такой суммы у нас нет.

– Пока меня устроит любая. Сколько дадите.

– Хорошо, посмотрим. Итак, ваши желания ограничиваются банальной сотней тысяч марок или я могу для вас сделать что-то еще?

– По правде говоря, можете. Пусть торговцы освободят храм.

Магистр Эйдер мягко потерла виски, будто от просьб Глокты у нее разболелась голова, и тихо пробормотала:

– Он хочет выставить торговцев из храма...

– Мне требовалась поддержка Кадии. Если он будет против нас, город долго не выстоит.

– Я много лет твержу этим заносчивым болванам то же самое, однако притеснение туземцев – их излюбленная забава. Очень хорошо. Когда нужно освободить храм?

– Завтра. Самое позднее.

– И это назвали «самодурством»? – Она сокрушенно покачала головой. – Ладно. Похоже, к завтрашнему вечеру я стану самым непопулярным магистром в истории гильдии, если вообще удержусь на посту. Но я постараюсь убедить торговцев.

– По-моему, вы способны убедить кого угодно в чем угодно.

– А вы жестко ведете переговоры, наставник. Если вам когда-нибудь надоест задавать вопросы, займитесь торговлей – на этом попроще вас, несомненно, ждет блестящее будущее.

– Я – купец? О нет, я не настолько безжалостен. – Глокта положил ложку в пустую чашку и облизал десна. – Не считите за дерзость, я не хочу вас обидеть, но как женщине удалось возглавить самую могущественную в Союзе гильдию?

Магистр Эйдер молчала, будто решая, отвечать или нет.

«Или прикидывает, до какой степени можно откровенничать», – предположил Глокта.

Уставившись на бокал, она медленно повернула его за ножку.

– Прежде пост магистра занимал муж. Когда мы поженились, мне было двадцать два года, а ему шестьдесят. Мой отец задолжал ему огромную сумму денег и решил отдать меня за него замуж. В качестве оплаты.

«Выходит, все мы страдали, каждый по-своему», – усмехнулся наставник.

Ее губы тронула едва заметная горькая улыбка.

– Муж, прирожденный торговец, имел превосходное чутье на выгодные сделки... Вскоре после свадьбы его здоровье начало сдавать, поэтому мне пришлось постепенно взять на себя все дела, в том числе дела гильдии. К тому времени, когда он умер, я выполняла обязанности магистра, хотя и неофициально. К счастью, у коллег хватило здравомыслия оформить необходимые документы, закрепляющие пост за мной. Торговцев пряностями всегда больше интересовала прибыль, чем общепринятые правила. – Она резко подняла взгляд на Глокту. – Не считите за дерзость, я не хочу вас обидеть, но каким образом герой войны стал палачом?

Настал его черед задуматься. «Хороший вопрос. И правда, как же это произошло?»

– У калек не такой уж обширный выбор занятий.

Эйдер медленно кивнула, не сводя глаз с его лица.

– Представляю, каково вам пришлось. Тяжело вернуться на родину после долгого заточения в темнице и обнаружить, что друзьям ты не нужен. Видеть в их глазах жалость, отвращение и чувство вины. Осознавать свое одиночество...

Глокта аккуратно потер задергавшееся веко. Прежде он ни с кем не обсуждал свои переживания.

«И вот приплыли – говорю об этом с малознакомой женщиной».

– Да, фигура я, несомненно, трагическая. Раньше был дерьмом, а стал пустой оболочкой. Выбирайте, что вам больше по нраву.

– Воображаю, какую тошноту вызывает у вас подобное обращение. Тошноту и гнев...

«О, если бы ты знала!»

– ...И все же странно, что жертва стала палачом.

– Напротив, ничего странного. По моему опыту, люди обычно поступают с другими так же, как поступали с ними. Отец вас продал, муж купил – и вы тем не менее занялись торговлей.

Магистр нахмурилась.

«Ну вот, теперь ей будет о чем подумать...»

– Я полагала, что боль учит состраданию.

– Состраданию? Что это? – Глокта, скривившись, потер ноющую ногу. – Как ни печально, боль учит лишь жалости к себе.

Над великой равниной кружила стайка птиц. Логен, прищурившись, посмотрел в небо. Поерзал в седле, пытаясь усесться поудобнее. Проклятье, всю задницу отбил! Бедра стерлись о бока лошади, из носа не выветривался конский запах. Всю дорогу он засовывал руку под пояс и поправлял яйца. Как бы их разместить, чтобы не прижать? Чертово путешествие! Как ни крути, сплошные неудобства.

На Севере он обычно в пути разговаривал. Мальчишкой болтал с отцом, в юности – с друзьями. В походах разговаривал с Бетодом день напролет: когда-то они были очень дружны, почти как родные братья. Разговор отвлекал мысли от волдырей на ногах, от голодного желудка, от треклятого нескончаемого холода, от воспоминаний о погибших в недавнем бою товарищах.

Шагая по глубоким сугробам, он хохотал над историями Ищейки. Обсуждал стратегию с Тридуба, когда скакал с ним бок о бок по грязи. До хрипоты по любому поводу пререкался с Черным Доу во время перехода через болота. Даже как-то перекинулся парой шуток с Хардингом Молчуном, а этим могли похвастать немногие.

Логен тихо вздохнул. Вздох получился долгим, болезненным и застрял где-то в горле. Славные были времена, славные... Но теперь они позади, в солнечных долинах прошлого. Ребята вернулись в грязь. Умолкли навеки. Бросили его одного, непонятно где, с тяжким грузом воспоминаний, – и это самое печальное...

Великого Джезала дан Луфара чужие истории не интересовали – только собственные. С безупречной осанкой, исполненный высокомерия и превосходства, он сторонился прочей компании, выказывая презрение ко всему на свете. Так юнец щеголяет своим первым мечом, еще не понимая, что гордиться тут нечем.

Байяз стратегией не увлекался. «Да», «нет» – вот и все его разговоры. В лучшем случае что-нибудь коротко рявкнет. В основном маг хмуро озирает бескрайние луга, словно человек, который совершил серьезную ошибку и теперь не знает, как ее исправить. В ученике тоже произошла разительная перемена, едва они выехали за ворота Адуи: юноша притих, посуровел, насторожился. Брат Длинноногий уехал далеко вперед разведывать дорогу. И это, пожалуй, было к лучшему. Всеобщее безмолвие, конечно, неприятно, но неумолчность навигатора еще хуже.

Ферро скакала поодаль от «теплой» компании: плечи сторблены, брови нахмурены, на щеке сереет длинный воспаленный шрам. Всем своим видом она давала понять, что остальные для нее – кучка клоунов. Склонившись вперед навстречу резкому ветру, она будто надеялась протаранить его лицом. Со смертью забавнее шутить, чем с ней, подумалось Логену.

Веселый отряд, ничего не скажешь. Он понурился и без особой надежды обратился к Байязу:

– Долго еще ехать до Края мира?

– Так, какое-то время, – буркнул маг сквозь зубы.

И усталому, страдающему, скучающему Логену не оставалось ничего другого, кроме как рассматривать парящих над равниной птиц. Славных, больших, жирных...

– Хороший кусок мяса нам бы не помешал, – облизнув губы, проворчал он.

Свежего мяса они не ели давно, с тех пор, как покинули Халцис. Логен поскреб живот.

Жирик, который он набрал в городе, постепенно рассасывался.

Ферро метнула хмурый взгляд на Логена, потом на кружащую стайку птиц и скинула с плеча лук.

– Удачного выстрела! – Он засмеялся.

Она ловко вытянула из колчана стрелу.

Зря, конечно. Даже Хардинг Молчун не попал бы, а лучше него, на памяти Логена, с луком никто не управлялся. Ферро наложила стрелу и, изогнув спину, впиалась желтыми глазами к движущимся в вышине темным точкам.

– Хоть тысячу лет тренируйся, все равно не попадешь.

Она натянула тетиву.

– Напрасно тратишь стрелы! – крикнул Логен. – Надо здраво оценивать свои возможности!

Вероятно, стрела попадет ему в лицо. Или вонзится в шею лошади – та рухнет замертво и его раздавит. Чем не логичное завершение ужасного путешествия? Спустя миг в траву упала пронзенная стрелой птица.

– Не может быть... – потрясенно прошептал он, с открытым ртом вытаращившись на Ферро.

И в затянутое тучами небо взмыла новая стрела. На землю рухнула вторая птица, аккуратно рядом с первой. Логен не верил глазам.

– Не может быть!

– Можно подумать, ничего удивительнее ты в жизни не видел, – хмыкнул Байяз. – Например, не встречал человека, который разговаривает с духами, путешествует с магами и наводит ужас на весь Север одним своим именем.

Натянув поводья, Логен соскользнул с седла и на дрожащих, ноющих ногах двинулся в высокую траву за подстреленной добычей. Вот они! Он осторожно присел и поднял одну птицу: стрела пронзила грудь в самом центре. Вряд ли бы ему даже с расстояния фута удалось попасть точнее.

– Поверить не могу!

Байяз, усмехнувшись, сложил перед собой на седле руки.

– Давным-давно, в незапамятные времена, наш мир, как гласят легенды, был единым целым с другой стороной. Демоны свободно являлись на землю и творили, что им заблагорассудится. Словом, хаос царил такой, какой и в страшном сне не привидится. В результате смешения демонов и людей рождались дети-полукровки: наполовину люди, наполовину демоны. Носители дьявольской крови. Чудовища. Один из них назвал себя Эусом. Именно он избавил человечество от тирании демонов, и в результате их яростной битвы мир приобрел нынешний вид. Эус отделил верхний мир от нижнего, а ворота между ними запечатал. Чтобы этот ужас вновь не обрушился на землю, он издал первый закон, запрещающий напрямую касаться другой стороны и разговаривать с демонами.

Логен оглядел остальную компанию: все смотрели на Ферро. Луфар и Малахус Ки хмурились, пораженные столь мастерской стрельбой из лука. Ферро, отклонившись назад, до предела натянула тетиву, твердо направила блестящий наконечник стрелы в небо и начала пятками перегонять лошадь с места на место. Логен даже при помощи поводьев едва управлялся со своей.

Кстати, к чему Байяз рассказал безумную историю о каком-то Эусе?

– Демоны, первый закон... – Он пренебрежительно махнул рукой. – Что с того-то?

– С самого начала в первом законе имелось немало противоречий. Ведь другая сторона дает земле магию, как солнце – тепло и свет. Кроме того, наш мир уже населяло много полукровок. В жилах самого Эуса, в жилах его сыновей текла кровь демонов. Она одарила их многими полезными способностями, но и мучений доставляла немало. В наследство от демонов им достались могущество, долголетие, сверхчеловеческая сила и зоркость. У их детей и дальнейших потомков необычайные свойства крови ослабли, а за долгие века перестали проявляться совсем – сперва у одного поколения, потом у другого, хотя изредка и встречались у некоторых представителей. Да, дьвольская кровь ослабла и в конце концов растворилась в человеческой. В наше время, когда верхний и нижний мир столь далеки друг от друга, увидеть проявление древнего дара – истинное чудо. Тут нам с вами крупно повезло.

Логен удивленно поднял брови.

– Она наполовину демон?

– Не наполовину, друг мой, гораздо меньше! – Байяз засмеялся. – Наполовину демоном был Эус. Своею мощью он вздымал горные хребты, выгибал земную твердь под моря. Полудемон внушил бы тебе такой ужас и страсть, что остановилось бы сердце. Ты бы ослеп, едва взглянув на него. Нет, столько демонской крови в ее жилах нет. Так, жалкая капля. Но след другой стороны в ней есть.

– Другой стороны, говоришь? – Логен взглянул на зажатую в руке птицу. – Значит, если я коснусь Ферро, то нарушу первый закон?

– А вот это любопытный вопрос! – Маг снова рассмеялся. – Ты не устаешь меня удивлять, мастер Девятипалый. Интересно, что бы на него ответил Эус? – Он поджал губы. – Думаю, я бы тебя простил. Но она, – он кивнул лысой головой в сторону Ферро, – она, скорее всего, отсечет тебе руку.

* * *

Логен лежал на животе, разглядывая через высокую траву пологую долину, по дну которой струился мелководный ручей. Неподалеку высилась горстка домов, точнее, их остовы. Ни крыш, ничего – только осыпавшиеся стены в половину человеческого роста; по склонам, в колышущейся траве, валялись каменные обломки. На Севере подобный пейзаж встречался сплошь и рядом: с началом войн многие деревни опустели – людей изгоняли из жилищ огнем и силой. Логен часто такое видел. И не раз в этом участвовал. Нет, он не гордился тем, что творил в прошлом, – достойных гордости поступков у него почти не было. А если подумать, не было вообще.

– Да уж, жить тут негде, – прошептал Луфар.

Ферро метнула на него мрачный взгляд.

– Зато прятаться есть где.

Смеркалось. Солнце висело над самым горизонтом, и по разрушенной деревне начали расплзаться тени. Похоже, в долине не было ни души. Царящее вокруг безмолвие нарушал только шелест ветерка в густой траве да журчание воды. Вроде бы никого... Но Ферро права: если опасности не видно, это не значит, что ее нет.

– Ты бы лучше спустился в долину и хорошенько все осмотрел, – прошептал брат Длинноногий.

– Я? – Логен искоса взглянул на навигатора. – А ты, выходит, здесь отсидишься?

- Умение сражаться не входит в число моих талантов, и тебе это прекрасно известно.
- Угу, – буркнул он. – Сражаться у тебя таланта нет, а находить драки – еще какой!
- Вот именно: мое дело – искать и находить. Я указываю отряду нужное направление.
- Может, найдете мне сытный ужин и мягкую постель? – ехидно спросил Луфар

с протяжным союзным выговором.

Ферро раздраженно втянула через зубы воздух.

– Хочешь не хочешь, идти кому-то надо, – бросила она и, перевалившись через кромку склона, поползла вниз. – Я пойду влево.

Больше с места никто не двинулся.

– И мы в разведку, – сурово сказал Логен Луфару.

– Я? – изумился тот.

– Ну а кто еще? Три – удачное число. Идем! Главное – не шуметь.

Луфар осмотрел долину сквозь траву, облизнул губы и потер ладони. Нервничает, сразу понял Логен. Нервничает, а вид гордый – так хорохорится неопытный мальчишка, пытаясь скрыть ужас перед сражением. Но его-то не проведешь: сколько раз таких видел!

– Чего ждем? Решил сперва встретить рассвет? – хмыкнул он.

– Сосредоточься лучше на себе и своих изъянах, северянин, – прошипел Луфар и пополз вперед. – У тебя их в избытке!

Через край склона он перевалил неумело, неуклюже; зад торчал вверх, колесики больших сияющих шпор дребезжали на всю округу. Не успел он продвинуться и на шаг, как Логен поймал его за куртку.

– А тарахтелки ты снять не хочешь?

– Что?

– Твои чертовы шпоры! Я же сказал – не шуметь! Ты бы еще колокольчик на член привесил!

Луфар, нахохлившись, сел и потянулся к шпорам.

– Вниз! – прошипел Логен, опрокидывая его на спину в траву. – Хочешь, чтобы нас прикончили?

– Отвали!

Логен снова его толкнул и для убедительности пригвоздил к земле пальцем.

– Я не намерен сдохнуть из-за каких-то проклятых шпор! Не можешь двигаться бесшумно – сиди здесь, с навигатором. – Он метнул на Длинноногого свирепый взгляд. – Отыщите потом вдвоем по звездам путь к деревне, когда мы удостоверимся, что внизу безопасно.

Логен покачал головой и поспешил по склону вслед за Ферро. Та одолела уже половину пути к ручью. Стремительная, бесшумная, словно ветер над равниной, она ловко перекатывалась через разрушенные стены и, низко пригибаясь к земле, перебегала открытые пространства. Рука ее ни на миг не отпускала эфес изогнутого меча.

Слов нет, впечатляющее зрелище... Но и Логен был парень не промах, если требовалось подкрасться незаметно, – с юности славился этим умением. Сколько шанка он убил, подобравшись сзади, сколько людей! Не счесть. Как гласила молва, Девять Смертей услышишь, только когда из горла со свистом брызнет кровь. Если хочешь сказать о Девятипалом, скажи, что подкрадывается он бесшумно.

Тихо как мышь Логен подполз к первой стене, перекинул через нее ногу и мягко приподнялся. Ни жестом себя не выдал, ни звуком. К несчастью, вторая нога зацепила грудку

камней, и те повалились вниз. Он попытался их ухватить, удержать, но неудачно махнул локтем, и камни с грохотом посыпались вокруг него на землю. Споткнувшись, Логен подвернул раненую ногу, взвыл от боли и кубарем покатился в заросли колючек.

– Вот дерьмо, – прохрипел он, пытаясь подняться.

Рука сжимала эфес запутавшегося в куртке меча. Хвала мертвым, он не вынул его из ножен, иначе напоролся бы на клинок. Похожий случай произошел с его другом: тот мчался вперед, орал... да так увлекся, что споткнулся о корягу и снес себе секирой полголовы. Вернулся ускоренным маршем в грязь.

Логен съезжился среди рассыпавшихся камней, ожидая, что на него вот-вот кто-нибудь прыгнет... однако никто не прыгнул. Лишь ветер свистел в проломах старых стен, да вода в ручье журчала. Он ползком миновал груды бута, дверной проем, перевалил через просевшую стену и, тяжело дыша, припадая на больную ногу, побрел между развалин. Осторожничать перестал. Никого тут нет – это он сразу понял, когда свалился в кусты. Жалкий кувырок не ускользнул бы от внимания противников. Ищейка, будь он жив, рыдал бы от смеха. Логен помахал рукой в сторону холма; спустя миг из травы поднялся брат Длинноногий и помахал в ответ.

– Чисто, – пробормотал он себе под нос.

– У меня тоже, – прошипела Ферро в паре шагов от него. – Ты изобрел новый способ разведки, розовый: шуми как можно громче, чтобы враги сами к тебе сбежались.

– Давно не практиковался, – буркнул Логен. – Главное, что все обошлось. Нет тут никого.

– А были...

Ферро стояла среди развалин, мрачно глядя себе под ноги: на земле чернело пятно выжженной травы, обложенное камнями. След костра.

– Разводили день или два назад, – задумчиво проговорил он, пробуя пальцем золу.

Сзади подошел Луфар.

– Ну вот, все-таки никого!

Вид у него был самодовольный, будто подтвердились какие-то его предположения. Правда, Логен не понимал, какие.

– Повезло, что тут никого не оказалось, а то сшивали бы тебя сейчас по кусочкам!

– Я бы вам обоим рты зашила, чертовы болваны розовые! – прошипела Ферро. – Толку от вас, как от куля песка в пустыне! Тут повсюду следы. В том числе конские. Через развалины проехала не одна повозка.

– Может, купцы? – с надеждой предположил Логен, их с Ферро взгляды на миг встретились. – Пожалуй, нам лучше сойти с дороги.

– Тогда мы сбавим темп, – возразил подоспевший Байяз.

За ним с лошадьми и повозкой следовали Малахус Ки и брат Длинноногий.

– Да, значительно сбавим. С дороги сходить нельзя. К тому же посторонних на дороге видно издали. Хорошо-о издали.

Луфара его аргументы не убедили.

– Если мы их увидим, они нас тоже увидят. И что тогда?

– Что тогда? – Байяз вскинул бровь. – Тогда нас защитит прославленный капитан Луфар. – Маг оглядел разрушенную деревню. – Вода есть, укрытие какое-никакое тоже... По моему, отличное место для ночевки.

– Да, неплохое, – пробормотал Логен, разворачиваясь к повозке в поисках дров для

костра. – Умираю от голода. Где тут наша добыча?

* * *

Логен молча наблюдал из-за края миски, как едят остальные.

Ферро сидела на корточках чуть поодаль от костра, на границе тьмы и пляшущего света. Сгорбившись, практически уткнув затененное лицо в тарелку, она с подозрением поглядывала по сторонам и быстро запихивала еду руками в рот, как будто боялась, что ее могут отнять. Луфар без особого энтузиазма изящно грыз передними зубами крылышко, словно опасаясь прикоснуться к нему губами; по краю его тарелки ровным рядком лежали забракованные кусочки. Байяз жевал мясо с удовольствием, и его борода блестела от стекающей подливки.

– Фкуфно! – объявил он с набитым ртом. – Тебе, мастер Девятипалый, стоит подумать о поварском искусстве, когда надоест... – маг неопределенно взмахнул ложкой, – то, чем ты занимаешься.

– Угу, – отозвался Логен.

На Севере все готовили по очереди, это считалось почетным делом. Хороший повар ценился почти так же, как хороший воин. Однако в нынешнем походе все было иначе. Когда дело доходило до готовки, прочие члены отряда впадали в идиотизм. Байяз мог вскипятить себе чай – на том его кулинарные дарования заканчивались. Малахус Ки мог достать из коробки печенье – и то если повезет. Луфар едва ли знал, где у котелка дно, где крышка. А Ферро, похоже, вообще презирала приготовление пищи. Наверное, привыкла есть все в сыром виде. Или даже в живом...

Когда северяне после тяжелого дневного перехода садились ужинать вокруг костров, каждый занимал определенное место. Самое почетное предназначалось для вождя, к нему присоединялись его сыновья и названные клана. Затем, соответственно заслугам, располагались карлы. Трэли разводили небольшие костры поодаль. Поменять место воин мог лишь по распоряжению вождя, если тот желал выразить благодарность за оказанную услугу или уважение за редкостную доблесть в бою. Если ты занимал чужое место, тебя могли отпинать ногами, а то и убить. Место у костра ни много ни мало приравнивалось к месту в жизни.

Здесь, на равнине, северные правила ничего не значили, однако Логен заметил определенную закономерность в том, как расселся отряд, и она ему не понравилась. У огня сидели лишь он да Байяз, а остальные, несмотря на холод, расположились поодаль. Ветер и сырость вынуждали их держаться вместе, и в то же время каждый будто отталкивал другого. Луфар таращился в свою миску так брезгливо, словно там плескалась моча. К спутникам он не питал ни капли уважения. Ферро, прищурившись, буравила Логена желтыми кинжалами глаз. К спутникам она не питала ни капли доверия. Он сокрушенно покачал головой. Без уважения и доверия отряд, случись им сражаться, распадется, точно стена, не скрепленная раствором.

Впрочем, в свое время Логену удалось покорить и более суровую компанию. Тридуба, Тул Дуру, Черный Доу, Хардинг Молчун... С каждым он бился в поединке, над каждым одержал победу – и пощадил. Волей-неволей им пришлось последовать за ним, признав своим вождем. Да, они пытались его убить, причем имели на то веские причины, но в конце

концов Логен завоевал их доверие, уважение и даже дружбу. Мелкие знаки внимания да время – вот и весь секрет. «Терпение – мать добродетелей, – говаривал когда-то его отец. – Горы за день не одолеть». Возможно, время играет против них, но спешкой в любом случае ничего не добиться. Нужно быть реалистом.

Логен вытянул затекшие ноги и, захватив мех с водой, медленно подошел к Ферро. Та настороженно следила за ним взглядом. Странная она все-таки... И не только внешне. Хотя и внешность у нее – мертвые свидетели! – довольно странная. Ферро напоминала ему новый меч: такая же твердая, острая и холодная. Безжалостная, как самый безжалостный из мужчин, которых знал Логен. Можно подумать, и хворостины утопающему не протянет. Однако его она спасала не раз, причем рискуя собственной жизнью. Из всей компании Ферро он доверял в первую очередь. Он присел рядом и протянул воду, на каменной стене покачивалась луковицеобразная тень меха.

Ферро угрюмо взглянула на сосуд, на Логена, затем резко вырвала мех из руки и снова скорбилась над миской. Ни благодарности, ни дружеского кивка... Ну и пусть. Горы ведь действительно за день не одолеть.

Логен вернулся к костру и уставился на мрачные лица спутников, подсвеченные мерцающими отсветами танцующего пламени.

– Может, кто-нибудь расскажет занятную историю? – с надеждой спросил он.

Сидящий напротив Луфар презрительно скривил губы. Ферро как будто вообще не слышала вопроса. Не слишком ободряющее начало...

– Что, нет желающих? – Тишина. – Хорошо, тогда я спою песню. Я знаю парочку. Только бы слова вспомнить. – Он откашлялся.

– Ладно, погоди! – торопливо воскликнул Байяз. – Я знаю сотни историй. Надеюсь, мое признание избавит нас от песен. Что бы ты хотел услышать? Историю любви? Забавный анекдот? Или сказание об опасностях и отваге?

– Расскажите об этом крае, – встрял Луфар. – О Старой империи. Как великая страна превратилась в такое? – Он кивнул головой в сторону развалин и простирающейся за ними бескрайней безжизненной равнины. – В пустошь.

Байяз вздохнул.

– Я бы рассказал... Но нам повезло: в нашей скромной компании есть уроженец Старой империи и знаток истории. Верно, мастер Ки? – Ученик лениво поднял взгляд от огня. – Просветишь нас? Как великая империя из жемчужины мира стала тем, что мы видим?

– Долго рассказывать, – промямлил он. – Вы хотите с самого начала?

– Ну а с чего же обычно начинают?

Малахус Ки пожал костлявыми плечами и приступил к рассказу.

– У всемогущего Эуса, победителя демонов, затворителя врат и творца мира, было четверо сыновей, каждого из которых он наделил особым даром. Старшему, Иувину, достался дар высокого искусства, позволяющий изменять мир с помощью обузданной знанием магии. Второму сыну, Канедиасу, он дал талант делателя, благодаря которому тот мог по своему желанию придавать форму камню и металлу. Третьего сына, Бедеша, Эус научил повелевать духами. – Ученик зевнул во весь рот, причмокнул губами и, прищурившись, уставился на костер. – Таким образом появились три чистых направления магии.

– По-моему, сыновей было четверо? – заметил Луфар.

Ки отвел взгляд в сторону.

– Совершенно верно, четверо. В том-то и кроется корень страшных бед империи.

Самому младшему сыну, Гластроде, предназначалось умение общаться с другой стороной: талант вызывать демонов из нижнего мира и подчинять их своей воле. Но первый закон касаться нижнего мира воспрещал, поэтому младшему сыну Эус дал лишь отеческое благословение, а чего стоит благословение, знает всякий. Трех остальных он обучил тайнам мастерства и покинул мир, наказав сыновьям навести на земле порядок.

– Порядок! – Луфар швырнул тарелку на траву и обвел сумрачные руины презрительным взглядом. – Не очень-то они преуспели.

– Сначала все шло, как надо, – возразил ученик. – Иувин с рвением взялся за дело, пустив в ход все свое могущество и мудрость. На берегах Аоса он нашел подходящий народ и дал ему закон, образование, основы правления, науку. Благодаря полученным знаниям, они покорили соседние народы, и тогда Иувин сделал вождя императором. Шли года, нация росла и процветала. Южные границы империи достигли Испарды, северные – Анконуса, а восточные – самого круга Морей. Император сменял императора, лишь Иувин всегда был рядом: направлял, советовал, следил, чтобы все шло согласно его великому замыслу. Всюду царили красота, порядок, мир и радость.

– Почти всюду... – негромко заметил маг, вороша посохом угасающий костер.

Малахус Ки ухмыльнулся.

– Да, мы забыли о бедном Гластроде – как когда-то его отец. Обойденный сын... Сын-изгой... Одураченный сын... Он молил братьев поделиться с ним отцовскими секретами, но те отказались, ибо слишком ревностно оберегали свои дары. При виде достижений Иувина его охватила невыносимая горечь. И тогда, забравшись в темный угол мира, он начал втайне изучать запрещенные первым законом науки. В темном углу мира он касался другой стороны, говорил на языке демонов, и демоны ему отвечали. – Ученик понизил голос до шепота: – Демоны подсказали Гластроде, где нужно копать...

– Прекрасно, мастер Ки! – строго прервал его Байяз. – Рассказывать истории ты, похоже, научился. Однако не стоит утомлять слушателей подробностями. Оставь раскопки Гластрода для другого раза.

– Хорошо, – смиренно пробормотал Малахус. Его темные глаза ярко поблескивали в свете огня, а на худощавом лице чернели густые тени. – Вам, учитель, виднее. Тихо наблюдая за происходящим, Гластроде вынашивал коварные планы и копил тайные знания. Он льстил, угрожал, лгал... Хитрый, красивый, обаятельный, он довольно скоро переманил на свою сторону слабых, а сильных настроил друг против друга. Теперь Гластроде постоянно слышал голоса из нижнего мира. Голоса велели ему сеять вражду по всему свету, и он исполнил их желание. Голоса приказали ему поедать человеческую плоть, дабы забрать силу жертв, и это он тоже исполнил. Они потребовали, чтобы он создал армию из оставшихся на земле полудемонов – презираемых, гонимых отовсюду созданий. И Гластроде повиновался.

На плечо Логену легла рука. Вот черт! Он едва не подпрыгнул. Над ним стояла Ферро с мехом в руке.

– Спасибо, – невозмутимо буркнул Логен, как будто сердце у него не колотилось о ребра пойманной птицей.

Он быстро отхлебнул большой поток воды, заткнул пробку ладонью и положил мех рядом. Ферро по-прежнему стояла над ним, глядя на мечущиеся языки пламени. Логен подвинулся в сторону. Ферро хмуро погоняла во рту слюну, ковырнула землю носком сапога, а затем, как можно дальше от Логена, неторопливо присела на корточки.

– Холодно здесь. – Обнажив блестящие зубы, она протянула руки к огню.

Логен согласно кивнул.

– Стены от ветра почти не защищают.

– Ага. – Скользя глазами по лицам сидящих, она уперлась взглядом в Ки. – Рассказывай-рассказывай, не стоит из-за меня прерываться.

Ученик улыбнулся и продолжил:

– Удивительное, страшное воинство собрал Гластрод. Едва Иувин покинул пределы империи, он пробрался в Аулкус и воплотил свой тщательно продуманный замысел в жизнь. Столицу захлестнула волна безумия. Дети шли против родителей, жены – против мужей, соседи – против соседей. Сыновья императора убили отца прямо на ступенях императорской резиденции, а затем, снедаемые алчностью и завистью, набросились друг на друга. Затаившееся в канализационных туннелях необычное войско Гластрода вырвалось наконец из недр города наружу, превратив улицы в зловонные ямы, а площади – в место массовой резни. Причем некоторые полудемоны умели принимать облик других людей.

– Принимать чужой облик... – Маг покачал головой. – Ужасный, коварный трюк.

Логен вспомнил возникшую в холодной темноте женщину, что говорила с ним голосом покойной жены... Он помрачнел и сторбился.

– Поистине ужасный трюк, – согласился Ки. Его болезненная улыбка стала еще шире. – Кому доверять, когда не веришь собственным глазам и ушам? Как отличить врага от друга? Но худшее было впереди. Гластрод вызвал демонов с другой стороны, подчинил их своей воле и наслал на тех, кто мог оказать сопротивление.

– Вызывание и насылание... – прошипел Байяз. – Проклятые направления магии. И чудовищно опасные. Это серьезное нарушение первого закона.

– Законы! – Ученик покачал головой. – Гластрод признавал лишь собственную силу. Вскоре он наслаждался плодами страшной победы, восседая в императорском тронном зале на груди черепов и жадно поглощая человеческую плоть, точно младенец – материнское молоко. Империя погрузилась в хаос – отдаленное напоминание того хаоса, что царил в древние времена до пришествия Эуса, когда два мира были единым целым.

В щелях старых каменных стен, за которыми укрылись странники, с присвистом вздохнул ветер. Логен, пожившись, плотнее закутался в одеяло. Чертова сказочка! Мороз по коже. Превращения людей, насылание демонов, пожирание человечины...

А Малахус Ки умолкать не собирался.

– Узнав о том, что натворил Гластрод, Иувин рассвирепел и призвал на помощь братьев. Канедиас на зов не пришел. Его не интересовало, что происходит во внешнем мире – он сидел дома взаперти, возился с механизмами. Иувин и Бедеш вдвоем собрали войско и пошли войной на младшего брата.

– Ужасная была война, – пробормотал маг, – ужасным бились оружием, ужасные понесли потери...

– Война охватила континент от края до края, – продолжал ученик. – Мелкое соперничество сменили кровавые междоусобицы, нескончаемые убийства из мести и преступность, последствия которых по сей день отравляют современный мир. Тем не менее Иувин победил. Аулкус, где засел Гластрод, взяли в осаду. «Двойников» его разоблачили. Войско разогнали. И вот, когда положение стало отчаянным, голоса из нижнего мира нашептали ему план спасения. «Отвори врата между мирами, – сказали они. – Вскрой замки, сломай печати, распахни пошире двери, что поставил отец. Нарушь еще раз первый закон,пусти нас в верхний мир – и тогда тобой не посмеют пренебречь, не обойдут тебя

снова, не одурачат».

– Тем не менее его одурачили. – Первый из магов задумчиво качнул головой.

– Несчастный глупец Гластрод! Он, похоже, не понимал, что твари, обитающие на другой стороне, сотканы из лжи. Заключать с ними сделку – все равно что играть с огнем. Гластрод начал готовиться к обряду, но во время процесса из-за спешки допустил какой-то мелкий промах. Неизвестно, какой. Может, крупницу соли уронил мимо? Последствия ошибки оказались поистине катастрофическими: вся накопленная сила, которой Гластрод намеревался пробить брешь между мирами, неуправляемой волной вдруг выплеснулась наружу. Гластрод сам себя уничтожил. Прекрасный Аулкус, великая столица империи, обратился в руины, а земли вокруг него навеки пропитались отравой. Все обходят их за много миль. Ныне там проклятые развалины-кладбище. Достойный памятник глупости и гордости сыновей Эуса. – Малахус Ки взглянул на Байяза. – Верно я говорю, учитель?

– Совершенно верно, – ответил маг. – Я знаю. Сам все видел еще юным болваном с роскошной блестящей шевелюрой... – Он провел рукой по лысому черепу. – Юным болваном, не сведущим ни в магии, ни в мудрости, ни в силе. Как ты сейчас, мастер Ки.

Ученик склонил голову.

– Учение – смысл моей жизни.

– И тут ты значительно продвинулся. Понравилась тебе история, мастер Девятипалый?

Логен надул щеки.

– Вообще-то я надеялся услышать что-нибудь более смешное, но придется довольствоваться тем, что есть.

– Чушь это все, если хотите знать мое мнение, – насмешливо бросил Луфар.

– Ха! – хмыкнул Байяз. – К счастью, не хотим. Вы бы, капитан, лучше миски вымыли, пока не очень поздно.

– Я?!

– Ну посудите сами: один добыл еду, другой приготовил, третий развлекал нас интересным рассказом. Только вы пока ничего полезного не сделали.

– И вы.

– О, я уже слишком стар, чтобы по ночам плескаться в ручьях. – Маг посуровел. – Великий человек в первую очередь учится смирению. Миски ждут вас, капитан.

Луфар собрался возразить, но потом передумал. Резко поднявшись, он скинул на траву одеяло, а затем начал собирать стоящую вокруг костра посуду.

– Черт бы подрал ваши миски! – ругнулся он и с недовольным видом потопал к ручью.

Ферро смотрела ему вслед, на ее лице застыло странное выражение: вероятно, подобие улыбки. Когда Луфар скрылся в темноте, она опустила взгляд на костер и облизнула губы. Логен протянул ей мех с водой, предварительно вытянув пробку.

– Ага.

Ферро схватила сосуд и жадно отхлебнула из горлышка. Вытирая рукавом рот, она искоса взглянула на Логена. Брови ее резко сошлись на переносице.

– Что такое?

– Ничего, – быстро отозвался он, разводя руки в стороны. – Совершенно ничего.

Логен принял невозмутимый вид, скрывая улыбку. Мелкие знаки внимания да время – так своего и добьешься.

Небольшие преступления

– Вот это холод! Правда, полковник Вест?

– Да, ваше высочество. Зима на носу.

Сыпавший ночью мокрый снег превратился к утру в ледяную хрустящую корку. При бледном свете восходящего солнца мир казался подмороженным. Под конскими копытами хрустела и чавкала подмороженная грязь. С подмороженных деревьев печально срывались хрустальные капли. Да и Вест выглядел не лучшим образом: из носа текло, над губами клубился пар, онемевшие от холода уши неприятно пощипывало.

Не мерз только принц Ладислав – его от морозов спасала объемная шуба, шляпа и митенки из блестящего черного меха стоимостью в несколько сотен марок. Его высочество улыбнулся.

– И все-таки люди, несмотря на суровую погоду, держатся молодцом!

Вест едва поверил ушам. Да, Собственный королевский полк под началом принца Ладислава действительно чувствовал себя неплохо. Их просторные палатки стояли ровными рядами в центре лагеря, перед каждой горел костер для приготовления пищи, а неподалеку паслись прекрасные ухоженные лошади.

Однако рекрутам, составляющим добрых три четверти войска, повезло меньше. На многих без слез не взглянешь: оружия нет; обучение не прошли; одни больны, другие стары – им ходить не под силу, не то что сражаться. У некоторых нет ничего, кроме одежды, да и та – одно название, жалкие лохмотья. А однажды Вест видел, как несколько рекрутов, сбившись под деревьями в кучу, чтобы согреться, укрывались от дождя половиной одеяла. Это просто позор!

– Королевский полк хорошо экипирован, но меня тревожит положение некоторых рекрутов, ваше...

– Да, – словно не слыша, продолжал Ладислав, – все держатся молодцами! Буквально грызут от нетерпения удила! Может, их горячие сердца согревают, а, Вест? Так и рвутся в бой с врагом! Чертовски досадно, что приходится торчать на берегу треклятой реки!

Вест прикусил губу. Невероятный талант принца к самообману поражал его с каждым днем все больше. Его высочество свято верил, что он великий, прославленный военачальник, командующий армией непревзойденных воинов. Что он одержит великую победу и под гром фанфар героем въедет в Аду. Не шевеля и пальцем, чтобы фантазии стали реальностью, принц вел себя так, будто все уже позади. Печальные, неприятные, противоречащие его абсурдным убеждениям факты разум принца отказывался принимать. Не нюхавшие пороха штабные франты восхищались его «незаурядными суждениями», поздравляли друг друга и соглашались с любой изреченной им нелепицей.

Впрочем, чему удивляться? У человека, который никогда ни в чем не нуждался, ни к чему не стремился, не вырабатывал в себе зачатки самодисциплины, естественно, странные представления о мире. Вест давно об этом догадывался. И вот оно, живое тому доказательство, скачет подле него, расточая улыбки, словно забота о десяти тысячах солдат – пустяк из пустяков. Как справедливо заметил лорд-маршал Берр, с настоящей жизнью кронпринц не знаком.

– Вот это холод, – вновь с легким недовольством сказал принц. – Не то что в гуркхульских песках! Правда, полковник Вест?

– Правда, ваше высочество.

– И все же, Вест, кое-что неизменно, вне зависимости от климата и местности. Я говорю о войне! О войне в целом! Война везде одинакова! Честь! Отвага! Слава! Вы ведь сражались вместе с полковником Глоктой?

– Сражался, ваше высочество.

– Как же я любил в детстве слушать рассказы о его подвигах! Полковник был одним из моих любимых героев. До чего ловко и смело он действовал: обходил врага с тыла, перекрывал пути сообщения, захватывал вещевые обозы и все такое! – Стек принца описал в воздухе круг и обрушился на воображаемый обоз. – Грандиозно! Вы, полагаю, видели это собственными глазами?

– Кое-что, ваше высочество.

В основном он видел растертые седлом ноги, солнечные ожоги, мародерство, пьянство, тщеславие да хвастовство.

– Эх, полковник Глокта! Клянусь честью, нам здесь не помешало бы немного его безрассудства! Напора! Решимости! Жаль, что он погиб.

Полковник Вест поднял глаза на принца.

– Он не погиб, ваше высочество.

– Правда?

– Гурки захватили его в плен, а после окончания войны он вернулся в Союз. Он... э-э... вступил в инквизицию.

– В инквизицию?! – ужаснулся Ладислав. – За каким дьяволом ему вздумалось променять солдатский мундир на инквизиторское пальто?

Как бы объяснить случившееся принцу? В конце концов Вест решил ничего не объяснять.

– Даже не представляю, ваше высочество.

– Вступить в инквизицию! Уму непостижимо!

Какое-то время они ехали молча, но вскоре принц Ладислав снова заулыбался.

– Впрочем, мы говорили о доблести, верно?

Лицо Веста исказила мученическая гримаса.

– Верно, ваше высочество.

– Вы ведь первый прошли в брешь при Ульриохе? Я слышал о вашем подвиге. Первым в брешь! Это ведь почетно, правда? Это слава! Незабываемое, должно быть, переживание, полковник? Незабываемое!

Еще какое забываемое... Пробираешься сквозь груды камней, балок, изувеченных тел, ползешь, кашляя от пыли, через завесу дыма, под вой и крики раненых, под лязг металла. Сам еле дышишь от страха, а со всех сторон напирают люди: стонут, толкаются, спотыкаются, обливаются потом, истекают кровью. Искаженные болью и яростью лица черны от копоти... Настоящие черти. Настоящий ад.

Помнится, он вопил «вперед!», пока не сорвал горло. Видеть бы только тогда, где это «вперед»... Кого-то ударил мечом – то ли друга, то ли врага, бог его знает. Потом упал, рассек голову о камень, напоролся на сломанную балку, порвал куртку...

Обрывочные картинки мелькали перед мысленным взором Веста, будто воспоминания об услышанной от кого-то истории.

Вест поплотнее затянул плащ вокруг озябших плеч. Была бы ткань чуть толще!

– Да, забываемое переживание, ваше высочество.

– Черт возьми, до чего досадно, что треклятый Бетод пойдет другим путем! – Стек принца раздраженно сек воздух. – Торчим тут, словно стражники! Скажите, Вест, за кого меня принимает Берр? За набитого дурака?

Полковник глубоко вздохнул.

– Понятия не имею, ваше высочество.

Но мысли Ладислава уже переключились на другое.

– Как там ваши ручные северяне? У них такие забавные клички. Вы случайно не помните имя того чумазого парня? Овчарка?

– Ищейка.

– Точно, Ищейка! Грандиозно! – Принц негромко хохотнул. – А какой у них верзила! Я таких в жизни не видел. Это великолепно! Чем они сейчас занимаются?

– Я отправил их в разведку вдоль реки на север, ваше высочество. – Жаль, он, Вест, не мог уйти вместе с ними. – Враг, скорее всего, далеко, но если нет... лучше знать заранее.

– Разумеется! Отличная мысль! Мы успеем подготовиться к атаке!

На самом деле при подобном раскладе Вест планировал отвести войска и послать гонца маршалу Берру, однако говорить об этом Ладиславу не имело смысла. Представления его высочества о войне сводились к приказу «В атаку!» и славной победе, после которой можно вздремнуть. Слов «стратегия» и «отступление» он не знал.

– Да, – задумчиво пробормотал принц, напряженно всматриваясь в темноту леса за рекой. – Приготовьтесь к атаке... Вышвырните мерзавцев за пределы нашего государства...

Только вот граница государства проходила в сотне лиг от лагеря.

Полковник Вест не замедлил воспользоваться удобным моментом.

– Ваше высочество, если позволите, я займусь делами. Работа предстоит большая, – произнес он и нимало не покривил душой.

Разбит лагерь был отвратительно: жить неудобно, обороняться в случае атаки невозможно. Ветхие палатки безумным лабиринтом теснились на поляне у реки, причем почва там оказалась такой мягкой, что подвозящие провизию телеги вскоре раскатали ее в болото липкой грязи. Даже уборные выкопали не сразу, а спустя время, причем выкопали недостаточно глубоко и слишком близко к лагерю – прямо неподалеку от склада с провиантом.

С продуктами тоже не повезло: упакованы плохо, приготовлены неправильно – того и гляди протухнут, собрав на пиршество всех английских крыс. Если бы не холод, в лагере уже разразилась бы эпидемия.

Его высочество величественно махнул рукой.

– Конечно, идите, Вест. Работа предстоит большая... А завтра расскажете мне еще какие-нибудь истории из боевого прошлого. О полковнике Глокте и прочих героях. Чертовски досадно, что он погиб! – прокричал принц Ладислав через плечо и пустил лошадь галопом к огромной пурпурной палатке, возвышающейся на холме, в стороне от зловония и суматохи.

С облегчением развернувшись, Вест поскакал вниз по склону в лагерь. Мимо по подмороженной грязи, выдыхая пар и кутая руки в старые тряпки, брели дрожащие солдаты. У едва теплящихся перед палатками костров, почти вплотную к огню, сидели жалкие компании рекрутов в разношерстной одежде: готовили еду в котелках, играли отсыревшими картами в незамысловатые игры, пили и бессмысленно таращились в пространство.

Лучшие, обученные рекруты ушли с Поулдером и Кроем на поиски врага. Ладиславу досталось «охвостье»: слишком слабые для долгого похода, слишком плохо экипированные

для серьезного боя, слишком изможденные даже для ничегонеделанья. Людей, которые и на милую не отошли бы от своей деревни, насильно отправили за море в неведомую страну драться с противником, с которым они не ссорились.

Возможно, покидая отчий дом, некоторые выказывали подобие патриотического пыла, а некоторых даже распирало от гордости, однако вскоре их энтузиазм выдохся, загнулся, вымерз от тяжелого перехода, отвратительной кормежки и холода. Да и принц Ладислав – не тот полководец, чтобы пробуждать энтузиазм...

Проезжая через лагерь, Вест рассматривал угрюмые страдальческие лица, а солдаты рассматривали его. У них уже был вид проигравших. Они мечтали вернуться домой, и Вест не мог их за то винить – сам мечтал об этом.

– Полковник Вест!

Ему дружески улыбнулся густобородый здоровяк в мундире офицера Собственного королевского полка. Полковник от неожиданности вздрогнул, но миг спустя узнал в бородаче Челенгорма. Соскользнув с лошади, он обеими руками сжал огромную ладонь старого товарища. При виде его сурового, честного лица на душе стало теплее. Настоящий привет из прошлого, когда Вест еще не вращался в светском обществе среди великих и все было значительно проще.

– Как дела, Челенгорм?

– Спасибо, сэр, хорошо. Объезжаю лагерь, пока мы тут ждем-пождем. – Офицер сложил ладони, дыхнул на них и потер друг о друга. – Пытаюсь греться.

– По моему опыту, это и есть война: бесконечное ожидание в отвратительных условиях, периодически разбавленное невыносимым ужасом...

Челенгорм сдержанно усмехнулся.

– Значит, есть чего ждать. Как дела в штабе его высочества?

– Ожесточенное состязание за титул самого надменного, никчемного невежи. – Вест грустно покачал головой. – Как вы? Как лагерная жизнь?

– Неплохо. Все необходимое вроде есть. А вот некоторых рекрутов до слез жалко. Для боя они не годятся. Я слышал, два пожилых крестьянина минувшей ночью замерзли до смерти.

– Бывает... Надеюсь, могилы выкопают глубокие, подальше от лагеря.

Вест понимал, что его слова звучат бессердечно, но что поделаешь? Проза армейских будней. В Гуркхуле мало кто из рекрутов погиб в бою – в основном от несчастных случаев, болезней, загноившихся царапин. Вот и теперь ждешь того же... А если рекруты еще и плохо экипированы? Людей придется хоронить каждый день.

– Вам ничего не нужно?

– Вообще-то нужно. Моя лошадь потеряла в грязи подкову. Я пытался найти кузнеца, чтобы поставить новую... – он развел руками, – но кузнецов, похоже, нет.

Полковник ошеломленно уставился на Челенгорма.

– Во всем лагере? Ни одного?

– Я, по крайней мере, не нашел. Есть кузницы, наковальни, молоты и прочее оборудование, а работать некому. Я говорил с интендантом. Он сказал, что генерал Поулдер отказался делиться с нами кузнецами. Генерал Крой тоже... – Офицер пожал плечами. – Поэтому кузнецов нет.

Накатила знакомая головная боль. Нужны наконечники для стрел, нужно точить клинки, а еще понадобится чинить доспехи, седла, телеги, на которых подвозят провиант. Войско без

кузнецов – все равно что войско без оружия. А вокруг на много миль заснеженная глухомань, ни одного городка. Разве только...

– Помнится, по пути к реке мы миновали штрафную колонию?

Челенгорм задумчиво сощурился.

– Да, литейный цех, если не ошибаюсь. Я видел над деревьями дымок...

– Наверняка у них есть опытные работники по металлу.

– Рабочие-преступники, – озадаченно вскинув брови, напомнил офицер.

– Можно подумать, у нас есть выбор! Возьму, что предложат. Сегодня ваша лошадь осталась без подковы, а завтра вся армия останется без оружия! Разыщите мне дюжину солдат и повозку. Выезжаем немедленно.

* * *

Вскоре за деревьями, за плотной завесой ледяного дождя, показалась тюрьма – забор из огромных, поросших мхом бревен, увенчанных изогнутыми ржавыми штырями. Мрачное место. Равно как и его предназначение. Вест спешил, за ним остановился весь отряд. Прощедев по изрытой колесами дорожке к воротам, полковник постучал головкой рукояти по выдавшим виды доскам.

Спустя какое-то время маленькое оконце распахнулось, и на Веста уставились хмурые серые глаза. Серые глаза над черной маской практика инквизиции.

– Меня зовут полковник Вест.

Глаза холодно его рассматривали.

– И?

– Я из войска кронпринца Ладислава. Мне нужно поговорить с комендантом лагеря.

– По какому поводу?

Понимая, что со слипшимися волосами и мокрым лицом вид у него не очень внушительный, Вест сдвинул брови, напустил на себя грозный вид и гаркнул:

– Война в разгаре, вы что, забыли? У меня нет времени препираться! Мне нужно срочно переговорить с комендантом!

Глаза, прищурившись, оглядели Веста и стоящих позади обляпанных грязью солдат.

– Ладно, – сказал практик. – Можете войти. Только один. Остальным придется подождать на улице.

Главная улица представляла собой длинную полосу грязного месива меж покосившихся лачуг; льющая с карнизов вода била в землю, поднимая тучу грязных брызг. Промокшие насквозь узники – двое мужчин и женщина – с трудом толкали увязшую в жиже по оси телегу с камнями. У всех троих на ногах клацали тяжелые цепи. На худых измученных лицах не было и тени надежды, а в желудках, очевидно, ни кусочка еды.

– Убирайте скорее с дороги чертову телегу! – рявкнул на них практик, и несчастные согнулись еще ниже, стараясь скорее исполнить незавидный приказ.

По пути к каменному зданию в дальнем конце лагеря Вест попытался перепрыгнуть грязь по кочкам, но не слишком преуспел. На пороге стоял еще один сурового вида практик в непромокаемой накидке, по которой ручьями стекала вода; его тяжелый взгляд, равнодушный и в то же время подозрительный, не отрываясь следовал за незванным гостем. Не перекинувшись с коллегой и словом, проводник завел Веста в сумрачный зал; царящее

вокруг безмолвие нарушала лишь барабанная дробь дождевых капель. Практик постучал в скверно пригнанную дверь.

– Войдите!

В холодной, скудно обставленной комнатухе с серыми стенами пахло сыростью. В камине тускло мерцало пламя, книжная полка гнулась под тяжестью фолиантов. С портрета на стене царственно взирал король Союза. За дешевым столом сидел худощавый мужчина в черном облачении и что-то писал. Внимательно оглядев Веста, он аккуратно отложил ручку и потер испачканными в чернилах пальцами переносицу.

– К нам посетитель, – глухо проронил практик.

– Вижу. Я – инквизитор Лорсен, комендант этого маленького лагеря.

Вест только для виду слегка пожал протянутую ему костлявую руку.

– Полковник Вест. Я состою в штабе принца Ладислава. Наше войско разбило лагерь в дюжине миль отсюда, на севере.

– Да-да, понимаю. Чем могу помочь его высочеству?

– Нам срочно нужны опытные рабочие по металлу. У вас ведь литейный цех?

– Рудник, литейный цех и кузница по производству сельскохозяйственных инструментов. Но я не понимаю, как...

– Превосходно! Я заберу человек десять. Самых искусных из тех, что у вас есть.

Комендант нахмурился.

– И речи быть не может. Заключение осуждены за серьезные преступления. Их нельзя просто взять и отпустить – нужен приказ, подписанный архилектором.

– Что ж, тогда у нас загвоздка, инквизитор Лорсен. У меня под началом десять тысяч человек. Все вооружены. Оружие нужно точить, нужно чинить латы, нужно ставить подковы. Сражение может начаться в любую минуту. У нас нет времени ждать приказов архилектора или кого-то еще. Я должен привезти в лагерь кузнецов, вот и все.

– Поймите, я не могу позволить...

– Вы не осознаете серьезность ситуации! – теряя терпение, рявкнул Вест. – Хотите отправить письмо архилектору – на здоровье! А я тем временем отправлю человека в лагерь. За отрядом солдат. Посмотрим, к кому помощь подоспеет быстрее!

Комендант немного подумал и наконец сказал:

– Хорошо. Следуйте за мной.

Вест вышел из приемной под морозящий дождь, с порога ближайшей лачуги на него с удивлением таращились двое чумазных ребятишек.

– Тут еще и дети живут?

– Не только дети – целые семьи, если, по мнению суда, они представляют опасность для государства. Неприятная, конечно, мера, но иначе никак: ради сохранения Союза в целости необходимо действовать жестко. – Лорсен искоса взглянул на Веста. – Молчите... Понимаю, не согласны.

Вест наблюдал за ковыляющим по грязи оборванным малышом. Возможно, бедняга проведет здесь всю жизнь...

– По-моему, это преступление.

Комендант пожал плечами.

– Не стоит обманываться. Каждый в чем-то да виновен. Даже самые невинные могут представлять угрозу для государства. Лучше совершить небольшое преступление, полковник Вест, чтобы предотвратить большое. Впрочем, это решать не нам, а вышестоящим. Мое

дело – следить, чтобы узники хорошо работали, не издевались друг над другом и не сбегали.

– Значит, вы просто выполняете свою работу? Привычное оправдание для тех, кто не желает ни за что отвечать!

– А кто живет с ними в забытой богом глуши? Я или вы? Кто следит за ними, кормит, одевает, моет? Кто ведет бесконечную, тщетную борьбу с проклятыми вшами? Может, это вы разнимаете драки, предотвращаете изнасилования и убийства среди заключенных? Вы ведь, если не ошибаюсь, офицер Собственного королевского полка, полковник? Значит, живете в Адуе? Где-нибудь в чудесных кварталах Агрионта среди элегантных богачей? – Вест помрачнел, а Лорсен негромко усмехнулся. – И кто из нас не желает, как вы выразились, ни за что отвечать? Моя совесть чиста как никогда. Можете нас ненавидеть, мы привыкли. Люди не любят пожимать руки тем, кто чистит выгребные ямы, и тем не менее чистить их кому-то нужно. Иначе мир утонет в дерьме. Можете забирать своих кузнецов, но не пытайтесь говорить со мной с позиции морального превосходства. Тут нет морали.

Весту отповедь не понравилась, однако пришлось признать: обосновано хорошо, не поспоришь, – поэтому он с опущенной головой, сжав зубы, остаток пути пробирался через грязь молча. Вскоре они подошли к длинной каменной постройке без окон, с высокими трубами по углам, изрыгающими в дождь густые клубы дыма. Практик отодвинул засов, распахнул тяжелую крепкую дверь и вместе с Лорсеном вошел внутрь; Вест шагнул вслед за ними в темноту.

После ледяного уличного воздуха жар цеха действовал как пощечина. Едкий дым выжигал глаза, драл горло. Вокруг стоял страшный грохот: скрипели-хрипели кузнечные мехи; обрушивались на наковальни молоты, высекая брызги горячих искр; яростно шипел в воде раскаленный докрасна металл. И в этом тесном пространстве, набитые, точно сельдь в бочку, трудились люди. Стонали, кашляли, обливались потом. На изможденных лицах мерцало оранжевое сияние кузнечных горнов. Ни дать ни взять – черти в преисподней.

– Прекратить работу! – проревел Лорсен. – Прекратить и построиться в ряд!

Узники медленно отложили инструменты, а затем под перезвон кандалов, пошатываясь и спотыкаясь, выстроились в шеренгу. За ними из темных уголков наблюдали четыре или пять практиков. Шеренга являла собой поистине жалкое зрелище: все потрепанные, чахлые, все согнуты в три погибели. У двух человек были скованы не только ноги, но и руки. Едва ли они походили на работников, в которых нуждался Вест, однако выбирать не приходилось: радуйся тому, что есть.

– У нас гость. Гость из внешнего мира. Объясните им, полковник, зачем вы пришли.

– Меня зовут полковник Вест, – хриплым от ядовитого воздуха голосом просипел он. – В дюжине миль отсюда разбит военный лагерь – десять тысяч солдат под предводительством кронпринца Ладислава. Нам нужны кузнецы. – Прочистив горло, Вест попытался задавить кашель (ему казалось, он вот-вот выкашляет легкие) и говорить громче. – Кто из вас умеет работать с металлом?

Никто не отозвался. Все, съезжившись под свирепыми взглядами практиков, таращились на свои стоптанные башмаки либо босые пальцы.

– Вам нечего бояться. Просто скажите, кто умеет работать с металлом?

– Я умею, сэр.

Из шеренги, гремя цепями, выступил на свет жилистый, сутулый мужчина. Вест невольно вздрогнул: лицо узника представляло собой страшную, обезображенную ожогом, бесформенную маску. Одну сторону покрывали багровые шрамы, от брови ничего не

осталось, а череп усеивали розовый проплешины. Другая половина выглядела не намного лучше. Собственно, лица у бедняги практически не было.

– Я знаю, как обращаться с кузнечным горном. И армейский опыт кое-какой имеется. Я служил в Гуркхуле.

– Прекрасно, – пробормотал Вест, стараясь подавить ужас перед кошмарным обликом узника. – Как тебя зовут?

– Пайк.

– Пайк, кто еще хорошо работает с металлом?

Обожженный под звон цепи шаркал вдоль шеренги, вытягивая то одного заключенного, то другого. Пристально наблюдающий за ним комендант становился все мрачнее и мрачнее.

Вест облизнул пересохшие губы. Даже не верится: только что мерз под ледяным дождем – и вот уже обливаешься потом от адского жара. Так неудобно он себя еще никогда не чувствовал.

– Инквизитор, мне понадобятся ключи от цепей.

– Ключей нет. Кандалы не рассчитаны на то, чтобы их снимали, – они запаяны. И вам я снимать не советую. Большая часть этих заключенных – опасные преступники. Не забывайте, что узников необходимо вернуть в колонию, как только вы подыщете замену. Инквизиция не практикует досрочное освобождение. – И Лорсен отошел переговорить с одним из практиков.

Пайк в тот же миг украдкой приблизился к Весту, волоча следом за локоть другого узника.

– Простите, сэра, – забормотал он приглушенным рокочущим басом. – Не найдется ли у вас местечка для моей дочери?

Вест скованно пожал плечами. Будь его воля, он бы с радостью забрал всех, а кошмарный лагерь спалил дотла. Впрочем, он и так уже слишком испытывал судьбу.

– Боюсь, это не очень удачная мысль. Женщина среди солдат... Не стоит.

– Удачная, не удачная, сэра, а здесь намного хуже. Я не хочу бросать ее здесь одну. Она может помогать мне в кузне. Даже с молотом сумеет управиться, если что. Она девушка сильная.

Особой силы Вест в ней не разглядел: тощая, как щепка, изможденная, худенькое личико перемазано сажей и смазкой. Вылитый мальчик-подросток!

– Прости, Пайк, но мы отправляемся не на прогулку. – Он начал отворачиваться, но девушка ухватила его за руку.

– Здесь тоже не парк с каруселями. – Ее голос звучал на удивление нежно, певуче, и выговор оказался правильный. – Меня зовут Катиль. Я хорошо работаю.

Вест хотел вырваться – и вдруг увидел что-то знакомое в выражении ее лица. Равнодушие к боли. Бесстрашие. Пустой, безжизненный, как у покойника, взгляд.

Арди... Измазанная кровью щека...

Веста передернуло. Воспоминание о постыдном происшествии мучило его, словно незаживающая рана. От невыносимого жара он не находил себе места, мундир впивался во взмокшую кожу наждачной бумагой, глаза щипало. Прочь, прочь из этого ада! Немедленно!

Вест оглянулся на инквизитора и отрывисто бросил:

– Она тоже пойдет!

Лорсен хмыкнул.

– Шутите, полковник?

– Я не расположен шутить, поверьте.

– Опытные работники – одно дело. Полагаю, они и правда вам нужны. Но я не намерен выдавать всех заключенных, на кого у вас упал глаз...

– Я же сказал – беру и ее! – потеряв терпение, свирепо рявкнул Вест.

Если коменданта и напугала ярость гостя, он ничем не выдал своего страха. Какое-то время они молча смотрели друг на друга; по лицу Веста градом лился пот, в висках гулко стучала кровь.

В конце концов Лорсен медленно кивнул.

– Хорошо. Берите. Я не могу вам помешать. Только... – Инквизитор слегка подался вперед. – ... архилектор узнает о вашем самоуправстве. Не так быстро, но узнает. – Он придвинулся еще ближе и практически зашептал Весту в ухо: – Возможно, вы еще раз к нам наведаетесь. Не в качестве гостя, правда, а в качестве постояльца. Можете пока подготовить небольшую речь о том, что правильно в штрафных колониях, а что неправильно. Мы с удовольствием послушаем – времени у нас будет много. – Лорсен отвернулся. – Забирайте людей и уходите. Мне надо написать письмо.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Бен Джонсон «Вольпоне, или Хитрый Лис». *Перевод П. Мелковой*